ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

ВЕЛИКИЕ ПРОРОКИ

Н. ГОРБАЧЕВА

ОПТИНСКИЕ СТАРЦЫ

Москва
1999

УДК 281.9
ББК 86.41
Г 67

Серия основана в 1998 году

Горбачева Н.Б.

Г67 Оптинские старцы. – М.: Олимп; ООО "Фирма "Издательство АСТ", 1999. – 208 с. – (Великие пророки, вып. 13).

ISBN 5-7390-0694-5 (Олимп)
ISBN 5-237-02895-0 (АСТ)

Они приняли подвижнический путь, ведомые Господом. Их называли старцами Оптиной пустыни — но чаще «святыми старцами». Сила их была силою Света, силою Бога. Они провидели людские судьбы и исцеляли недуги тела и духа. Им было ведомо грядущее, ими предсказаны были Октябрьская революция и мученическая кончина последнего российского императора и его семьи. О самых прославленных из старцев Оптиной пустыни повествует эта книга...

УДК 281.9
ББК 86.41

Начало традиции

Благословенная Оптина

Уж две недели я живу в монастыре
Среди молчания и тишины глубокой.
Наш монастырь построен на горе
И обнесен оградою высокой.
Из башни летом вид чудесный, говорят,
На дальние леса, озера и селенья;
Меж кельями разбросанными — сад,
Где множество цветов и редкие растенья
(Цветами монастырь наш славится давно).
Весной в нем рай земной, но ныне
Глубоким снегом все занесено,
Все кажется мне белою пустыней,
И только куполы церквей
Сверкают золотом над ней.

....

Покрыта парчевы́м блестящим одеяньем,
Стояла предо мной гигантская сосна;
Кругом глубокая такая тишина,
Что нарушать ее боялся я дыханьем.

Деревья стройные, как небеса светлы,
Вели, казалось, в глубь серебряного сада,
И хлопья снежные, пушисты, тяжелы,
Повисли на ветвях, как гроздья винограда.

Столь чуткое и проникновенное описание монастыря Оптинского принадлежит замечательному русскому поэту конца XIX века А. Н. Апухтину, который в детстве не раз посещал обитель, уже достигшую широкой известности.

Своими старцами — прозорливыми и мудрыми монахами прославилась Оптина, и все прошлое столетие была одним из духовных центров притяжения страждущих и жаждущих правды православных паломников.

Самое суровое и озлобленное сердце не могло не умилиться и не оттаять при виде живописных окрестностей монастыря, расположенного в центральной, обжитой России, в 60 километрах от древней Калуги. Наверно, о таких-то местах и говорят: «Здесь русский дух, здесь Русью пахнет».

Не березки и рябинки перелесков, но могучий сосновый бор подступает к стенам и башенкам обители. Некогда бор этот был дремучим, обильным всякой дичью. Цапли оглашали окрестности странным своим криком, и питались они неисчислимой рыбешкой, водящейся в неширокой быстроводной речке Жиздре — притоке Оки. На левом берегу Жиздры — роскошный зеленый луг, а к правому подступают белые стены монастыря, похожего на кремль.

До советского разорения Оптиной через Жиздру существовала единственная переправа. Паром при-

ставал прямо перед главными Святыми воротами монастыря. Монахи на послушании управляли паромом, и каждый по-своему настраивал странников на пребывание в святой обители — кто молитвенным молчанием, кто приветливым и ласковым словом, а кто и мудрым замечанием, чтобы не с любопытством, но со смирением шагали дальше к старцам.

Переправившись через Жиздру, богомольцы сразу попадали в совершенно иной мир: кругом тишина, покой, строгие лица монахов, которые молча кланяются при встрече. Несколько гостиниц с удобными комнатами были к услугам приезжающих: многие задерживались не на день и не на два — на недели и месяцы.

Четыре храма стояли на территории монастыря, но особо чтимых святынь не имели. Главным духовным богатством почитались оптинские старцы, жившие в скиту, в полукилометре от обители. Скит — это как бы монастырь в монастыре, более уединенный и строгий. На его территории — деревянная церковь во имя Иоанна Предтечи, первого пустынножителя. Скит потому и образовался в начале XIX века: некий монах построил себе отдельную от монастыря келью, чтобы пустынножительствовать — жить отшельнически, предаваясь молитве и духовному созерцанию. К нему впоследствии присоединились другие, способные к подобному монашескому подвигу. Но старцами — не по годам, но по духовному разуму — становились единицы. Имена их хорошо известны православному миру, и речь о них — впереди.

На территории скита был разбит фруктовый сад, построены братские корпуса и кельи, обсаженные чудесными цветами, среди которых поэт Апухтин видел, «кажется, и голубой георгин». Райский уголок, но находиться в нем могли только мужчины, женщин в скит не пускали. В кельи старцев входили они с внешней стороны, через особые двери.

Расцвет оптинского старчества пришелся на XIX век, особенно последнюю треть его. Но подлинная история монастыря Оптинского уходит своими корнями в глубь веков.

В давние времена постоянные опустошительные набеги крымских татар на южные границы Московского государства заставили русских правителей укрепить засеками всю страну от Оки до Дона и от Дона до Волги. Одна из таких засек проходила вблизи города Козельска, основанного в 1146 году. В трех километрах от этого древнего города и находится Оптина пустынь.

Сделавшись оборонительным рубежом от набегов диких кочевников, засека одновременно стала и притоном для разбойничьих шаек, наводивших ужас на мирное население.

В XIV веке в засеке, прилегающей к Козельску, укрывался грозный предводитель разбойников Опта. Много лет до того он в напарниках своих имел легендарного и жестокого Кудеяра, но потом пути их разошлись.

Случилось нечто невиданное: Опта раскаялся в своих злодеяниях, переменил образ жизни, постригся в монахи под именем Макария и основал две пусты-

ни — два уединенных монастыря. В том, который теперь называется Оптина пустынь, он, вероятно, и окончил свои дни смиренным отшельником.

Надо полагать, что инок Макарий вел строгую, подвижническую жизнь и стал для окружающих наставником и духовным руководителем, ибо написано о нем в сказании, что Господь «взыскал его в вождя и наставника душ». В обители при нем свято соблюдались три завета: строгая иноческая жизнь, сохранение нищеты и стремление всегда и во всем проводить правду без какого-либо лицеприятия.

Первые письменные сведения об Оптином монастыре относятся к царствованию Бориса Годунова. В козельских писцовых книгах 1629—1631 годов сообщается, что этому монастырю пожалованы разные угодья на помин души царя Феодора Иоанновича.

В начале XVII века, когда Козельск, а вместе с ним и Оптина пустынь были «без остатку» разорены литовцами, в обители уже существовала деревянная церковь Введения Пречистой Богородицы, а в монастыре шесть келий. В конце же века на том месте была построена каменная церковь во имя Введения во храм Богородицы усердием окрестных бояр и всякого чину людей. Помогали монастырю и царевна Софья, и цари Иоанн и Петр Алексеевичи.

Но только-только стала устраиваться Оптина пустынь, как на основании «Духовного регламента» была упразднена. В 1724 году ее приписали к белевскому Спасо-Преображенскому монастырю: братию, состоявшую из 12 человек, перевели в Белев, куда перевезли и разобранные монастырские ограды,

кельи и скотный двор. Оптинский храм был превращен в приходскую церковь, а для служения в ней был оставлен «белый поп» Федор с дьячком.

Через два года по указу императрицы Екатерины I Оптина пустынь была восстановлена, но имущество ее было возвращено не сразу и то лишь благодаря официальному вмешательству.

Конец XVIII века явился временем полного упадка и оскудения обители, хотя на пожертвования был отстроен новый каменный Введенский храм. В эти годы число братии не только не превосходило положенного по штату семи, но и постоянно было меньше его. Случалось, что настоятель монастыря был и единственным в нем монахом. Жизнь Оптиной едва тлела, но Бог не дал ей совсем погаснуть, потому что судил монастырю великое служение уже в недалеком будущем. Как объяснить подобные исторические судьбы — одному Богу известно...

Возрождением своим пустынь обязана знаменитому митрополиту Московскому Платону, который, посетив ее в 1796 году, «признал место сие для пустынножительства весьма удобным, почему и решился оное тут учредить, по образу Песношского монастыря». Митрополит Платон обратился к настоятелю этого монастыря с просьбой дать для этой цели способного человека. Таковым был признан иеромонах Авраамий.

Прибыв в Оптину, о. Авраамий нашел ее в немыслимом запустении. «Не было полотенца рук обтирать служащему, — рассказывал он впоследствии, — а помочь горю и скудости было нечем: я

плакал да молился, молился да плакал». Через два месяца он отправился обратно в Песношский монастырь и просил настоятеля «снять с него бремя не по силам». Но тот утешил о. Авраамия и повез по знакомым помещикам, которые снабдили его необходимым на первое время. Вернувшись, настоятель собрал братию и сказал: «Отцы и братия! Кто из вас пожелает ехать с о. Авраамием для устроения вверенной ему обители, я не только не препятствую, но и с любовью благословляю на сие благое дело».

Некоторые из монахов приняли благословение и поехали с о. Авраамием в Оптину пустынь. Бог знает каких трудов стоило им возрождение захудалого монастыря, но только после 20-летнего настоятельства о. Авраамия порядок в нем установился верный и твердый.

Однако расцветом своим и славой Оптина пустынь обязана другому настоятелю — архимандриту Моисею (Путилову), принявшему свою должность в 1825 году. При нем материальное благосостояние монастыря удивительным образом увеличилось и окрепло.

О. Моисей действовал, казалось, вопреки здравому смыслу. Привез, например, разорившийся торговец продавать негодную сбрую. Настоятель купил. Эконом спрашивает: «Все гнилье, на что вы это купили?» — «Эко, ты, брат, какой, ведь продавал человек бедный, у него пятеро детей, ему все равно и так надобно помочь!» И таких случаев было множество.

Не отказывая бедным в помощи, питая бесплатно многих странников в гостинице и в трапезной, когда монастырь сам нуждался в средствах, о. Моисей пред-

принимал все новые и новые постройки с единственной целью: прокормить бедное окрестное население.

Таким образом он построил огромную каменную ограду вокруг монастыря, который стал похож на мощный кремль. Говорили: «Ничего нет, хлеба даже у братии нет, а он этакую огромную постройку ведет — несколько домов каменных можно из такой ограды выстроить».

Потихоньку и выстроились семь новых братских корпусов, трапезная, библиотека, два конных двора, заводы кирпичный и черепичный, мельница близ монастыря и кладбищенская церковь. В старой трапезной была устроена церковь во имя преподобной Марии Египетской, а главный соборный храм Введения принял современный вид, получив два новых придела. Кроме того, были разведены обширные огороды и фруктовые сады.

Козельская Введенская Оптина пустынь всего за четверть века приобрела широкую известность среди сотен русских монастырей. Поток пожертвований хлынул от тех богомольцев, которых привлекала святая обитель с ее особым духом, напоминающим времена древнего подвижничества.

О. Моисей ко времени своего настоятельства в Оптиной был монахом высочайшей духовной жизни и про иноческие подвиги знал не понаслышке. Не случайно он еще в молодые годы попал в Москве к прозорливой старице Досифее[1], которая направила

[1] Это была знаменитая княжна Тараканова, законная дочь императрицы Елизаветы и графа Разумовского, которую насильно постригли в Ивановском московском монастыре, где она провела в затворе 35 лет и сподобилась дара прозорливости. Причем с посетителями она разговаривала только через окно своей кельи.

его в Саровский монастырь, и там о. Моисей беседовал и принимал духовные наставления от великого старца преподобного Серафима Саровского. После этого около 20 лет прожил он пустынником в Рославльских лесах наподобие древних египетских отцов, проводя 6 дней в одиночестве, а в воскресный день сходясь с другими старцами для совместной молитвы. Именно в эту пору о. Моисей встретил выдающегося подвижника, постника и молитвенника о. Льва. Встреча эта была промыслительна для дальнейшей судьбы Оптиной пустыни. Когда о. Моисей стал настоятелем обители, то пригласил туда о. Льва, тем самым положив начало оптинскому старчеству.

Поистине Оптина приобрела Божье благословение, сделалась исключительной среди прочих монастырей. По образному выражению современников, пустынь Оптинская явилась как бы чашей, куда сливалось драгоценное духовное вино, пить которое и при этом веселиться духом довелось не одному поколению православных христиан, жаждущих правды.

Первый оптинский старец

Сердцем Оптиной пустыни, местом, где бился пульс ее жизни, откуда исходила благодатная сила старчества, был знаменитый Оптинский скит. Так повелось, что именно там, среди монахов, предпочитавших более строгую, уединенную жизнь, в полукилометре от самого монастыря, селились и старцы.

О. Лев почитается первым старцем оптинским. Но справедливости ради наравне с ним должно назвать и настоятеля монастыря о. Моисея. Дело в том, что о духовных дарах о. Моисея — прозорливости, рассудительности — знали только близкие, дальние же предполагали в нем обычного монаха, облеченного высоким саном архимандрита и направившего свою энергию на монастырское строительство. Оба — о. Моисей и о. Лев прошли одинаковый духовный путь. Между этими строгими подвижниками было глубокое взаимопонимание и полное единодушие, что может быть только между людьми одинакового духовного разума и уровня. Но так случилось, что к о. Моисею народная тропа еще не была протоптана, возможно, из-за его обремененности настоятельской должностью. А вот к о. Льву уже началось настоящее паломничество.

О. Лев (в миру Лев Данилович Наголкин) родился в 1768 году в Орловской губернии. В молодости он занимался торговым делом и, будучи купеческим приказчиком, объездил много городов и сел, общаясь с людьми разных званий и состояний. Одаренный от Бога прекрасной памятью, любознательностью и сообразительностью, он, еще живя в миру, приобрел глубокое знание людей и опытность. Лев Данилович был большого роста, величественный, обладавший баснословной силой, так что мог поднимать мешки до двенадцати пудов. Случилось однажды, что он один проезжал по глухой лесной дороге и на него напал волк. Вскочив в сани, зверь вырвал из ноги молодого приказчика кусок мяса. Не растеряв-

шись, сильный юноша засунул ему в глотку кулак, а другой рукой сдавил горло. Обессиленный волк упал с воза. После этого случая о. Лев прихрамывал всю жизнь.

Двадцати восьми лет Лев Наголкин оставил многопопечительную жизнь в миру и пошел в послушники Оптиной пустыни. Через два года, повинуясь неудержимому желанию в совершенстве обучиться духовной жизни, он перешел в пустынную Белобережскую обитель, в которой настоятелем был старец высокой духовной жизни Василий (Кишкин), который долгое время жил на святой горе Афон в Греции. Здесь послушник Лев принял иноческий постриг с именем Леонид. Он отличался таким смирением и человеколюбием, что братия Белобережского монастыря при открывшейся вакансии единогласно избрала его своим настоятелем. Но не по сердцу была о. Леониду многозаботливая настоятельская должность, и в скором времени — в 1808 году, сложив с себя настоятельство, он поселился в уединенной келье в глухом лесу вместе с двумя другими подвижниками. Так жили они около трех лет в пустынном безмолвии, в постоянных трудах, посте и богомыслии. Здесь о. Леонид принял схиму с именем Лев.

О высокой духовной жизни трех подвижников прознали люди, которые стали тысячами стекаться к дверям их кельи за благословением, молитвенной помощью и духовным советом. Тяготясь разраставшейся молвой, старцы — не годами, но мудростью (о. Льву было около сорока лет) — переселились на Валаам. Как говорил про них местный юродивый,

«торговали здесь хорошо». Под этим иносказанием следовало понимать, что многих валаамских иноков привлекли к себе старцы своим смирением и мудростью, став духовными их руководителями.

Однако в 1829 году по приглашению настоятеля Оптиной пустыни схимонах Лев вернулся в монастырь и основал старчество, ту духовную школу, из которой вышла вся плеяда последующих старцев. Они преемственно сменяли друг друга в течение целых ста лет — до самого разгрома знаменитой Оптиной пустыни.

Ко времени появления в Оптиной о. Лев несомненно обладал великими дарами Божиими — прозорливостью и рассуждением. В первую очередь это стало понятно братии монастыря. К его скитской келье ежедневно стекались монахи просить совета и наставления, открывать свои помыслы. О. Лев вникал во все мелочи монастырской жизни, и как бы само собой возникло непререкаемое правило — просить его благословения на всякое важное событие обители.

Ради духовных советов старца стали приходить к дверям его кельи из городов и сел разного рода люди: дворяне, купцы, мещане и простой люд. О нем говорили: «Он для нас, бедных и неразумных, пуще отца родного. Мы без него, почитай, сироты круглые».

Исключительный ум, соединенный с прозорливостью, давал ему возможность видеть людей насквозь, но по своей великой любви он относился ко всем терпеливо, отечески.

Как-то утешал о. Лев крестьянина, у которого

украли колеса с повозки: «Оставь, Семенушка, не гонись за своими колесами, — это Бог тебя наказал, ты и понеси Божие наказание и тогда малой скорбью избавишься от больших. А если не захочешь потерпеть этого малого искушения, то больше будешь наказан».

От проницательного взора о. Льва не могли утаиться никакие душевные тайны приходивших к нему. Бывало, что человек невольно или из-за стыда утаивал свои грехи, но старец, выслушав исповедь, сам высказывал все утаенное, побуждая духовных чад к чистосердечному раскаянию.

Относительно каждого человека старец повиновался голосу Божьему. Кого-то он уговаривал оставить грешную жизнь. Иногда же вместо долгих уговоров о. Лев сразу выбивал у человека из-под ног почву, давая осознать и почувствовать свою несостоятельность и неправоту. Старец как бы духовным скальпелем вскрывал гнойник, образовавшийся в огрубевшем сердце человека. Последствием таких действий всегда были слезы покаяния. Как искусный психолог, о. Лев понимал, каким способом достичь своей цели.

Для иных годился и актерский прием. Жил недалеко от Оптиной один барин, который хвастался, что лишь только взглянет на о. Льва, так его насквозь и увидит... Приехал он к старцу, когда у него было много народа. О. Лев имел обыкновение, когда хотел произвести на человека особое впечатление, загораживать глаза, словно от солнца, левой рукой, приставив ее козырьком ко лбу. Именно это он и сделал

при входе того барина, но сказал так: «Эка остолопина идет! Пришел, чтобы насквозь увидеть грешного Льва, а сам, шельма, 17 лет не исповедовался и не причащался». Барин затрясся, как лист, а после плакал и каялся, что он, грешник неверующий, действительно 17 лет не причащался Святых Христовых тайн.

Описывали и другой случай, когда приехал к старцу помещик П., который, увидав старца, подумал про себя: «Что же это такое говорят, будто бы он необыкновенный человек! Такой же, как и прочие, необыкновенного ничего не видно!» И как только он подумал, старец и сказал: «Тебе бы все дома строить! Здесь вот столько-то окон, тут столько-то, крыльцо такое-то...» По прозорливости своей о. Лев и узнал мысли помещика, который, направляясь в Оптину, увидел такую красивую местность, что вздумал уже поставить там дом и строил в уме планы на этот счет.

Однажды преподобный спас от смерти двух купцов, приехавших к нему за благословением. Выручив от продажи хлеба большую сумму денег, купцы спешили домой, но старец своей властью удержал их в Оптиной лишние три дня. После этого купцы благополучно возвратились в свой город. Спустя некоторое время открылось, что, когда купцы получили деньги, они были замечены грабителями. Поселившись рядом в гостинице, злодеи познакомились с купцами и в дороге собирались их ограбить и убить. И исполнили бы свое злое намерение, если бы святой Лев не задержал купцов в своей обители. О неудавшемся по-

кушении раскаявшиеся грабители письменно известили купцов, испрашивая у них прощения.

«Душа человеческая в глубине своей таит много добра. Надобно его только отыскать» — вот, пожалуй, главное, о чем думал и говорил старец с приходящими к нему. Всем и каждому он внушал, что нелегко достается душевное спасение. Нередко в подтверждение этой истины повторял простую, сложенную им самим поговорку: «Душу спасти — не лапоть сплести». Его самого никто никогда не видел возмущенным, гневающимся или раздраженным. В самые тяжкие дни жизни старца никто не слышал от него слова нетерпения или ропота, никто не видел его в унынии. Спокойствие и христианская радость, полнейшее незлобие никогда не оставляли любвеобильного старца. Удивлялись тому многие и желали узнать, как достичь подобного состояния. «Батюшка, как вы приобрели такие духовные дарования, какие мы в вас видим?» — спрашивали ученики. И преподобный смиренно отвечал: «Живите проще, Бог и вас не оставит и явит свою милость».

Помимо дара прозорливости о. Лев был наделен и даром чудотворных исцелений души и тела. Многим страдавшим от телесных недугов, часто соединенных с недугами душевными, старец подавал благодатную помощь, помазав болящих елеем (маслом) от неугасимой лампады, теплившейся в его келье перед Владимирской иконой Божией Матери. Иных он отсылал в Воронеж ко святым мощам святителя Митрофана. Пройдя пешком сотни верст, больные в

дороге и исцелялись, возвращаясь в Оптину благодарить чудотворного старца.

Приводили к о. Льву многих бесноватых. Среди них встречались такие, которые сами не знали, что одержимы нечистым духом, и только в присутствии святого старца начинали бесноваться. Он духовными очами видел затаившегося до времени в человеке врага и строго обличал. Посрамленный бес от этого начинал открыто заявлять о себе. Подобные вещи случались, как правило, с теми из неразумных мирян, которые для спасения души своей тайно носили тяжелые вериги или изобретали для себя другие подвиги, совершенно не помышляя при этом об очищении сердца от страстей. Преподобный Лев снимал с таковых страдальцев вериги, накрывал голову епитрахилью и читал краткую заклинательную молитву, затем помазывал святым елеем. Известно множество случаев подобных исцелений.

Однажды привели к старцу одну бесноватую. Держали ее шесть человек. Увидев преподобного, она тут же упала перед ним, а бес нечеловеческим голосом закричал в ней: «Вот этот-то седой меня выгонит. Был я в Киеве, был в Москве, Воронеже, никто меня не гнал, а теперь-то я выйду!» После молитвы старца и помазания елеем бесноватая тихо встала и пошла вон из кельи. Каждый год приходила она в Оптину, здоровая, благодарить старца, а после его кончины с великой верой брала земли с его могилы для других болящих, от которой и они получили великую пользу.

Вообще вера в старца играет огромную, во многих

случаях решающую роль для приходящего к нему человека. Это особо подчеркивал о. Лев. «Если спрашивать меня — так и слушать, а если не слушать — так и не ходить ко мне», — говорил он часто. «Не столько искусство и опыты старческие действуют, сколько вера с упованием вопрошающих благодать Божию на нас вообще привлекают... Если кто искренне и от всей души ищет спасения, того Бог и приведет к истинному наставнику... Не беспокойтесь — свой своего всегда найдет».

На всю Россию уже прославился преподобный Серафим, Саровский чудотворец. Явил он себя великим старцем, но всего семь лет было отпущено ему для общественного служения, в 1833 году отошел святой в вечность. И вот в другом, ранее неведомом уголке страны стало происходить нечто подобное саровскому чуду. Молва засвидетельствовала истинную праведность и принадлежность к столь немногочисленному племени «печальников народных» оптинского иеросхимонаха Льва. Рассказы о его прозорливости и чудесных исцелениях передавались из уст в уста. Тысячи паломников направились в Калужскую губернию, в Оптин монастырь...

Старчество о. Льва продолжалось тоже недолго — 12 лет, с 1829 по 1841 год. Однако все эти годы старец переживал непрерывные гонения.

Против о. Льва восстал некто о. Вассиан, считавший себя старожилом в монастыре и не признававший старческого руководства. Это был грубый и неразвитый человек. Подобный о. Вассиану монах описан Ф. М. Достоевским в романе «Братья Карама-

зовы» под именем Ферапонта. К Вассиану присоединились и некоторые из старших иноков. От них стали исходить доносы, основанные на ложном истолковании роли старца в монастыре, а также на непонимании самого смысла старчества.

Первые шесть лет гонения на старца еще не принимали крутого оборота, но со временем стали угрожающими. Сначала из епархии приехали следователи и допрашивали весь монастырь. Но все показания были благоприятны для старца.

Поток доносов не уменьшился, закрутились интриги. Кроме ложных донесений калужский архиерей (который не благоволил к о. Льву и имел твердое намерение сослать его в Соловецкий монастырь) получал через московскую тайную полицию анонимные доносы с обвинениями против старца и настоятеля о. Моисея. Свидетельствовалось, что последний несправедливо оказывает скитским монахам предпочтение перед живущими в монастыре, и что скит подрывает авторитет монастыря, и если его не уничтожить, то древняя обитель разорится, и прочее в том же духе.

О. Моисей был вызван для объяснений к начальству духовному, а о. Льву было строжайше запрещено принимать посетителей. Его перевели из скита в монастырь и переселили из кельи в келью. К гонениям старец относился благодушно: с пением «Достойно есть яко воистину блажити Тя, Богородицу...» переносил свою келейную икону Владимирской Богоматери на новое место жительства и продолжал служение.

Запрещение принимать народ предписывалось о. Льву неоднократно. Каждый раз, повинуясь воле архиерея, он прекращал прием, но, видя тяжелые мучения страждущих, возобновлял душеспасительные беседы. Однажды о. Моисей, проходя по монастырю, увидел огромную толпу народа перед кельей старца в то время, когда последовало очередное запрещение из Калуги. Настоятель вошел в келью и сказал:

— Отец Леонид (старцу также запретили и носить схиму, называясь именем, данным при пострижении. — *Н. Г.*)! Как же вы принимаете народ, ведь владыка запретил!

Тогда старец отпустил тех, с кем в тот момент занимался, и велел келейникам внести к себе калеку, лежащего у дверей. Те принесли и положили перед ним.

— Вот, посмотрите на этого человека, — сказал о. Лев. — Видите, как все телесные члены его поражены. Господь наказал его за нераскаянные грехи. Он сделал то-то и то-то (старец назвал тайные грехи калеки) и за все это теперь страдает — живой, точно в аду. Но ему можно помочь. Господь привел его ко мне для искреннего раскаяния, чтобы я его обличил и наставил. Могу ли я его не принимать? Что вы на это скажете, отец Моисей?

— Но владыка грозит сослать вас, — нерешительно сказал настоятель, содрогаясь при виде лежащего на полу несчастного.

— Ну так что ж, — ответил старец. — Хоть в Сибирь меня пошлите, хоть костер разведите и на

огонь меня поставьте, я буду все тот же отец Леонид! Я к себе никого не зову, но кто ко мне приходит, тех гнать не могу. Особенно в простонародье многие погибают от неразумия и нуждаются в духовной помощи. Как могу я презреть их вопиющие духовные нужды?

О. Моисею нечего было возразить, он, как всегда в подобных случаях, молча удалился, предоставляя возможность старцу жить и действовать, как укажет ему Сам Бог.

Понимая великое значение старчества, о. Моисей был всегда на стороне старца, и между ними не возникало ни малейшего трения. Но защита настоятеля была бы малосильна, если бы не заступничество за о. Льва двух митрополитов, двух Филаретов — Киевского и Московского. Киевский митрополит заступился за старца в Синоде. Он также посетил Оптину пустынь, где в присутствии епархиального духовного начальства оказывал о. Льву особые знаки уважения. Святитель Филарет Московский самолично написал калужскому епископу: «Ересь предполагать нет причины».

Незадолго до смерти старец опять был подвергнут гонениям, так же как и его духовные дочери — инокини из женских монастырей, которые посещал о. Лев ради духовного окормления. Его самого назвали масоном, святоотеческие книги, которые он давал читать монашествующим, — чернокнижием; многих замеченных в близком духовном общении со старцем монахинь изгнали из обителей. Перед самой кончиной старца монахини все же были оправданы и

впоследствии самые выдающиеся из них заняли начальственные должности.

Последним тяжелым испытанием старца была его пятинедельная предсмертная болезнь, во время которой он страдал жестоко, но помощи врачей не принимал. За год до своей кончины он знал ее час. С молитвой на устах предал свой дух Богу.

Тело преподобного три дня стояло в соборном храме без малейших признаков тления. Более того, оно согрело всю одежду и даже нижнюю доску гроба. Руки его были мягки, как у живого. Удивительно то, что, болея, старец имел руки и все тело холодными, при этом многим любящим его говорил: «Если получу милость Божию, тело мое согреется и будет теплое».

Это чудо засвидетельствовали сотни людей, съехавшихся со всей России на погребение. Вдруг оказалось, что в одночасье все будто осиротели. И ясно стало, сколь велик был первый оптинский старец иеросхимонах Лев, который при жизни своей говорил, что он ничего более не желал бы, как возможности тихонько сидеть в своей келье, но жалость к народу заставляла его вечно быть на людях.

Об истинном старчестве

В духовной жизни всякое отступление от истины — гибельно. Множество раз случалось, что люди по незнанию или легкомыслию доверялись самозванцам, которые выдавали себя за старцев, однако ничего общего с ними не имели. По-

добное невежество приносило страшный вред обществу, сея духовную смуту и разлагая политическую жизнь страны.

«Страшное дело принять обязанности (старчество), которые можно исполнить только по повелению Святого Духа, между тем как общение с сатаной еще не расторгнуто и сосуд (душа) не перестает оскверняться действиями сатаны (т. е. еще не достигнуто бесстрастие). Ужасно такое лицемерство и лицедейство. Гибельно оно для себя и для других, преступно оно перед Богом, богохульно» — такое страшное определение лжестарчеству дал святой епископ XIX века Игнатий Брянчанинов.

Что же такое истинное старчество?

Старчество — особый вид святости, благодатное дарование свыше, когда Дух Святой непосредственно действует в человеке, водительствует им. Старец, будь он даже и молод годами, призван на свое служение Самим Богом — в точности так же, как и пророк. Старчество и есть прямое продолжение пророческого служения, и возникло оно на заре христианства.

Первым старцем — в том смысле, как его понимает Церковь, — на рубеже Ветхого и Нового Заветов явился святой Креститель Иоанн. С младенчества проводивший отшельническую, аскетическую, богоугодную жизнь, он получил от Господа дар пророчества и вместе с тем — старчества. Люди толпами приходили послушать его уроки о покаянии и верном пути спасения.

Его преемниками были апостолы — сначала 12

избранных Господом, потом еще 70. Христос сказал им: «Слушающий вас Меня слушает, и отвергающий вас Меня отвергается» (Лк. 10: 16). Апостолы и ученики Христовы впоследствии нередко называли себя старцами, являя своей жизнью истинный образец отеческого и старческого душепопечения о своих духовных чадах.

Наиболее ярко старчество проявилось в среде древнего монашества. История Церкви свидетельствует, что скиты, лавры, общежительные обители образовывались поначалу вокруг духоносных старцев и состояли из их учеников.

Во времена преподобного Антония Великого (жившего в Египетских пустынях в IV в.) возросло значение старчества в жизни христианской Церкви. Сама жизнь потребовала такого подъема. Как сказал преподобный Симеон Новый Богослов: «...когда народ верующий стал бесчислен, то благодать Духа Святого устроила, чтобы к архиереям и иереям прибавлены были еще и игумены, и другие духовные отцы (из иночествующих), которые имеют в себе благодать Духа Святого, чтобы они сопастырствовали вместе с теми и содействовали во спасение». Антоний Великий исполнял свое служение безо всякого начальственного значения в Церкви. Он не искал никакой человеческой славы и несколько раз менял место своего уединения, однако люди снова и снова находили его. Преподобный Антоний был возлюблен всеми, и все желали иметь его духовным отцом.

С течением времени накапливался по крупицам духовный опыт, который особо даровитые святые

отцы записывали. Так появилась аскетическая святоотеческая литература, описывающая законы жизни души, способы ее очищения и верные средства к достижению бесстрастия, смирения, безмолвия и Богосозерцания.

Новоначальный монах самостоятельно не мог разобраться во всем этом огромном материале. Непременно был нужен руководитель, учитель-старец, сам прошедший эту школу и уже достигший бесстрастия.

Почитание старчества в мировой среде тоже имеет древнюю историю. Миряне точно так же, как и монахи, шли к старцу за советом, потому что он мог видеть в самой глубине человеческой души зарождение зла и его причины и, зная душу человека, указывал верный путь ко спасению, открывая людям волю Божию.

Истинный старец непременно обладал дарами прозорливости, пророчества и рассуждения, но всегда благодатные дары свои прикрывал глубоким смирением. Прежде чем явить свою духовную помощь людям, старец сам проходил долгий путь духовного трезвения[1], непрестанно пребывая в покаянно-молитвенном состоянии и таким образом научаясь видеть свои собственные грехи в тончайших помыслах и движениях сердца. И это-то знание старец использовал в дальнейшем ради наставления приходящих к нему.

---

[1] *Трезвение* в христианстве — особенная, непрестанная бдительность над собой в охранении души и тела от всяких нечистых, греховных мыслей, пожеланий и дел, по слову апостола: «Трезвитесь, бодрствуйте, потому что противник ваш диавол ходит, как рыкающий лев, ища, кого поглотить».

Из числа последних оптинских старцев — преподобный Варсонофий говорил своему духовному сыну: «Нас называют прозорливцами, указывая тем, что мы можем видеть будущее: да, великая благодать дается старчеству — дар рассуждения. Это наивеличайший дар, даваемый Богом человеку. У нас кроме физических очей имеются еще и очи духовные, перед которыми открывается душа человеческая. Прежде чем человек подумает, прежде чем возникла у него мысль, мы видим ее духовными очами, мы видим даже причину возникновения такой мысли. И от нас не скрыто ничего. Ты живешь в Петербурге и думаешь, что я не вижу тебя. Когда я захочу, я увижу все, что ты делаешь и думаешь. Для нас нет пространства и времени...»

Союз духовный старца и его ученика (в первую очередь монаха, но также и мирянина) есть некое духовное таинство. Оно начинается именно в тот момент, когда ученик отдает свою волю в послушание старцу. И этот союз будет тем теснее, чем сильнее вера ученика, и вера эта должна простираться до того, чтобы он смотрел на старца, как на Самого Христа, и, как Христу, повиновался бы ему. Только на первый взгляд подобное повиновение может показаться «рабством». В действительности же беспрекословное послушание старцу влечет за собой особую радость, душевный мир и покой. Слова старца — слова Бога, говорящие о Его воле в каждом случае. И следование воле Божией всегда сопряжено с истинной духовной свободой.

Справедливо и обратное в отношениях старца и

ученика. Вспомним слова преподобного Льва Оптинского: «Если спрашивать меня — так и слушать, а если не слушать — так и не ходить ко мне»... Непослушание словам старца ведет к тяжким последствиям для ученика. Об этом свидетельствовали древние отцы, о том же говорили и оптинские старцы, например, о. Варсонофий: «Отслужишь обедню, приобщишься и затем идешь принимать народ. Высказывают тебе свои нужды. Пойдешь к себе в келью, обдумаешь, остановишься на каком-либо решении, и когда придешь сказать это решение, то скажешь совсем другое, чем думал. И вот это и есть действительный ответ и совет, которого, если не исполнит спрашивающий, то навлечет на себя худшую беду...»

За многовековую историю старчества законы его не изменились и, надо полагать, не изменятся никогда. Старец, с непостижимой, поистине Христовой любовью относясь к своему ученику, со смирением «назидает, увещевает и утешает» (по слову апостола Павла) его, молится за него, в необходимых случаях берет раскаянные грехи ученика на себя.

Старец — это искусный духовный врач, который в силе лечить даже закоренелого грешника. Однако старец никому не навязывается, подчинение ему всегда добровольно. Но правило для излечения одно: найдя истинного, благодатного старца, человек уже должен беспрекословно повиноваться ему, так как через старца открывается непосредственно воля Божия. Вопрошать старца тоже ни для кого не обязательно, но, спросив совета или указания, необходи-

мо непременно следовать ему, потому что всякое уклонение от явного указания Божия через старца влечет за собой наказание.

Это выражается, в частности, и в том, что епитимью (запрещение), наложенную старцем на ученика, никто, кроме самого старца, отменить не может. Приведем лишь одну характерную историю, рассказанную святым Феодором Студитом (VIII в.): «Один старец не раз приказывал ученику своему исполнить некоторое дело, но тот все откладывал. Недовольный этим, старец наложил на ученика запрещение не вкушать хлеба, пока не исполнит порученное дело. Когда ученик отправился исполнить порученное повеление, старец умер. После его смерти ученик пожелал получить разрешение от наложенного на него запрещения. Но не нашлось никого в пустынной местности, кто бы сумел разрешить недоумение. Наконец ученик обратился к константинопольскому патриарху Герману, который для рассмотрения этого дела собрал других архиереев. Но ни патриарх, ни собор не нашли возможным разрешить епитимью старца, о котором даже неизвестно, имел ли он степень священства. Посему ученик до смерти вынужден был питаться пищей из одних овощей».

Воля старца обязательна не только для его духовных чад, но и для всего монастыря. К печальным последствиям приводило нарушение заповедей старца. В Оптиной известна история о том, что случилось, когда нарушили слово старца Льва.

Когда помирал старец о. Лев, то завещал скиту в день его кончины в качестве утешения для братии

печь оладьи. По смерти же его старцами Моисеем и Макарием было установлено править на тот же день соборную по нем панихиду. Так и соблюдалась заповедь эта долгое время до игумена Исаакия и скитоначальника Илариона. При них вышло такое искушение.

Приходит накануне дня памяти о. Льва к игумену пономарь Феодосий с предложением отменить соборное служение. Игумен не согласился. И что же после этого вышло? Видит во сне Феодосий: батюшка Лев схватил его с затылка за волосы, поднял на колокольню на крест и три раза погрозил:

— Хочешь, сейчас сброшу?

И в это время показал под колокольней ему страшную пропасть. Когда проснулся Феодосий, то почувствовал боль между плечами. Потом образовался карбункул. Более месяца болел, сильно, даже в жизни отчаялся. С тех пор встряхнулись, а то было хотели перестать соборно править панихиду.

В скиту же в тот день келейник о. Илариона, Нил, стал убеждать его отменить оладьи.

— Батюшка, — говорит, — сколько на это крупчатки уходит, печь приходится их на рабочей кухне, работников отрывать от дела, да и потчевать их тоже надо. Где ж нам муки набраться?

И склонил-таки Нил скитоначальника — отменили оладьи.

Тут вышло посерьезней Феодосьева карбункула. С того дня заболел о. Иларион и уже до конца дней не мог совершать Божественную службу, а Нила поразила проказа, с которой он и умер, обессилев при

жизни до того, что его рабочий возил в кресле в храм Божий. Мало того: в ту же ночь, когда состоялась эта злополучная отмена «утешения», на рабочей кухне в скиту угорел рабочий и умер. Сколько возни с полицией-то было. А там и боголюбцы муку-крупчатку в скит жертвовать перестали...

Не нам судить дела Божии, только и добавим слова великого старца — прозорливца и чудотворца преподобного Серафима Саровского: «Как железо ковачу, так я передая себя и свою волю Господу Богу: как Ему угодно, так и действую, своей воли не имею, а что Богу угодно, то передаю». Духовное чадо вручает свою волю старцу, старец же — Самому Богу подчиняется. Всякому — свое послушание, без которого и вообще-то ничего в духовной жизни к успеху не приводит.

Древо российского старчества

С принятием Русью в X веке христианства незамедлительно вошло в ее духовную жизнь и старчество, которое началось с Киево-Печерского монастыря. Основателем русской традиции считается преподобный Антоний Киево-Печерский, который воспринял дух и смысл старчества на святой горе Афон в Греции, где он монашествовал много лет. Преемником Антония стал преподобный Феодосий Киево-Печерский. От него заимствовали устав и образ духовного руководства все русские монастыри.

С самого основания русское старчество отлича-

лось от старчества православного Востока — Византии, Палестины, Греции. Аввы (так называли старцев на Востоке) окормляли народ, верующих мирян, но не столь систематически и постоянно, как на Руси, где даже от мирян требовалось обязательное и постоянное послушание духовнику. На Руси всегда существовала жажда старческого мудрого слова: им утверждались города, прекращались междоусобия, примирялись непримиримые враги. Князья и смерды одинаково почтительно принимали наставления известных старцев, подчиняя свою волю общему служению родной земле, своему народу.

Даже лихие годы татарского пленения не смогли уничтожить молодых побегов древа русского старчества.

На протяжении XIV—XV столетий в подкрепление изнемогшим под иноземным игом русским людям явилось новое поколение удивительных святых подвижников-старцев, среди которых были преподобные Лазарь Муромский, Сергий Нуромский, архиепископ Дионисий Святогорец; преподобные Кассиан Угличский, Иннокентий Комельский (греки); преподобные Савва Крыпецкий, Пахомий Радовицкий (сербы); преподобные Савва Вишерский и Нил Сорский, основатель скитского общежития для совершенных безмолвников; Дионисий Глушицкий, Григорий Пельшемский и Корнилий Комельский. Жившие в безлюдных местах, они были светом миру.

Великим старцем явился и преподобный Сергий Радонежский, «игумен земли Русской», благословивший святого князя Дмитрия Донского на Куликов-

скую битву и прозорливо сказавший: «Победиши враги твоя». Не менее сорока учеников преподобного стали устроителями новых обителей, где возникло старчество.

Не всякое место на Руси процветало старчеством, но русские северные земли им славились. В пределах Вологодских и Белозерских старчествовали преподобные Павел Обнорский, Сергий Нуромский и Сильвестр Обнорский, Кирилл Белозерский.

В XV веке жил знаменитый святой Иосиф Волоцкий, игумен-старец, наставлявший уже не только монастырскую братию, но и благочестивых мирян.

Так случилось, что постепенно в монастырях стали забывать «внутреннее монашеское делание» — подвиг, заповеданный святыми отцами православного Востока, состоявший в очищении сердца от страстей с помощью непрестанной умно-сердечной молитвы[1]. Поколебалось старчество: только очистивший себя от собственных страстей мог руководить другими. Наступило время внешних подвигов — время железных цепей и пудовых вериг.

Петровские и послепетровские реформы стали трагическим испытанием для старчества. В течение 150 лет монашество подвергалось преследованию со стороны правительства. Обескровленное и обездоленное иночество перестало быть идеалом общества, как это было в Древней Руси, оно являло теперь

---

[1] *Умна́я* молитва — внутренняя, творимая в уме непрестанная молитва, которая переходит в сердечную, питая христианина миром и радостью. Так достигается состояние постоянной памяти Божией, которая ведет к очищению души от различных страстей.

2 Зак. 1529

скорее картину распада: монашествующие бродяжничали, настоятели смотрели на свою должность как на источник дохода. Это был век Просвещения... Высшие слои русского общества увлекались идеями, принесенными с Запада. Среди простонародья распространились всевозможные секты. Духовность искали где угодно, только не в монастырях. Старчество в подавляющем большинстве уцелевших обителей и пустыней почти забылось.

В середине XVIII века вдруг пахнуло весной... Появился человек, который силой своего слова и примера, своей энергии и влияния ввел старчество в жизнь монастырей. Это был молдавский архимандрит Паисий Величковский.

Совсем юношей он ушел из Киевской духовной академии, где учился, странствовал, дошел до святой горы Афонской. Монах Паисий стал устроителем монастырей на Афоне и в Молдавии, в которых восстанавливал лучшие заветы византийского монашества. Этому предшествовала кропотливая и трудная работа. На Афоне Паисий начал собирать и проверять славянские переводы аскетических литературных памятников.

После переселения в Молдавию переводческая работа старца Паисия стала планомерной, особенно в Нямецком монастыре. Здесь он собрал большой кружок писцов и переводчиков, посылая их учиться греческому даже в Бухарест. Известное теперь каждому благочестивому христианину Добротолюбие — сборник основных святоотеческих аскетических трудов переведен преподобным Паисием Величковским и

издан митрополитом С.-Петербургским Гавриилом. Издание словено-русского Добротолюбия было не только событием в истории русского монашества, но и в истории русской культуры вообще. Это был сдвиг и толчок...

Множество учеников собралось около Паисия в Нямецком монастыре, ставшем большим литературным центром и очагом богословско-аскетического просвещения. Старец примером собственным, проверенным многовековым опытом святых отцов, научал монахов забытой умно-сердечной молитве. Дверь его кельи не затворялась с раннего утра до девяти часов вечера, любой имел к нему свободный доступ. В основу иноческого жития и духовного союза старца-ученика великий Паисий вернул ставшее будто бы необязательным послушание, без которого, как он говорил, «никак невозможно служить Богу».

Ученики преподобного Паисия Величковского, «собрав мед его наставлений», научившись подвигам монашеским и внутреннему деланию непрестанной умной молитвы, возвращались из Молдавии в Россию, передавая приобретенное духовное сокровище другим ищущим спасения: одни — будучи начальниками обителей, другие — находясь среди братии.

Оптина пустынь явилась преемницей духовного наследия преподобного Паисия Величковского. Здесь соединились многочисленные нити духовного влияния старца Паисия через его различных учеников, среди которых долгое время были преподобные о. Моисей, настоятель Оптиной, и его брат, о. Ана-

толий, о котором речь впереди, и о. Лев, о котором уже рассказывалось ранее.

Все оптинские старцы (которых насчитывается 14) шли путем духовного трезвения и умно-сердечной молитвы, совершаемой в смирении и покаянном чувстве. И как усердные и смиренные труженики все они получили от Бога величайшие духовные дарования — прозорливость, рассуждение (различение духов) и чудотворение.

Четыре столпа. Первый скитоначальник

Скитоначальник преподобный Антоний с братом своим настоятелем преподобным Моисеем и преподобные старцы Лев и Макарий в одно и то же время управляли и руководили всей внешней и внутренней жизнью Оптиной пустыни. Это были четыре духовных столпа, на которых созидалась и упрочивалась духовная жизнь оптинского братства. Все эти поистине святые мужи имели совершенно различные характеры, но жили в таком мире и искренней любви, что каждый за другого готов был отдать душу. Даже взглядом боялись оскорбить друг друга и испрашивали прощения при малейшем недовольстве.

Столетний период старчества в Оптиной отличался преемственностью, все последующие старцы «взращивались» в самой обители, будучи или учениками, или же келейниками маститых старцев.

Назвав первых четырех старцев столпами, за-

метим, что и среди них тоже существовала преемственность. Макарий был учеником старца Льва, а Антоний — старца и настоятеля Моисея.

Расскажем сначала об Антонии. Он родился в благочестивой семье Путиловых из Ярославской губернии. Их было три брата: Моисей, игумен Оптиной пустыни; Исайя, игумен Саровской пустыни, и Антоний, игумен Малоярославецкого Николаевского монастыря. Все трое были монахами и великими подвижниками христианского духа, а двое — о. Моисей и о. Антоний — причислены к святым в лике преподобных.

С юных лет о. Антоний, подобно старшим братьям, стремился к монашеству. При нашествии французов в 1812 году 17-летним юношей он оказался в Москве и попал в плен, из которого чуть живой спасся. После многих мытарств он наконец присоединился к о. Моисею, жившему в то время пустынником в Рославльских лесах. Здесь молодой человек научился истинному смирению, подвижничеству и послушанию. Будучи еще послушником, о. Антоний занимался перепиской святоотеческих книг и помогал брату в составлении рукописных сборников, содержащих изложение правил христианской жизни. Он вставал раньше всех, ночью, ибо имел послушание будильщика. Кроме того, рубил дрова и приносил их в кельи пустынников; на его попечении был и огород. При таких трудах не пропускал он общих молитвословий и келейного молитвенного правила с поклонами. Все это совершалось с необыкновенным усердием при самой скудной постной пище, едва утолявшей голод.

Так продолжалось четыре года, по прошествии которых послушник был пострижен в монахи с именем Антония.

Вскоре по благословению митрополита Киевского Филарета о. Моисей с Антонием и еще двумя преданными монахами навсегда оставили Рославльские леса и переселились в Оптину.

О. Моисей стал настоятелем обители и принялся за устройство «святая святых» Оптиной — ее скита. Оба брата трудились на его строительстве. О. Антоний наравне с наемными рабочими вырубал вековые сосны и выкорчевывал огромные пни. Из срубленного леса построили первую небольшую келью, соорудили скитскую церковь во имя Иоанна Предтечи, потом стали строить и корпуса для братии.

В 1825 году тридцатилетний о. Антоний, несмотря на то что был еще только в сане иеродиакона (монаха-дьякона), сделался первым скитоначальником Оптиной пустыни.

В скитском братстве не знавали такого смиренного послушника, как молодой скитоначальник о. Антоний, который не делал ни малейшего распоряжения без благословения своего старца и брата о. Моисея. Скитская братия состояла в основном из пожилых монахов «со стажем», и какой же кротостью надо было обладать молодому начальнику, чтобы не допускать ни с кем ни наималейших недоразумений. Он жил точно по слову апостола: «Для немощных был как немощный, чтобы приобресть немощных. Для всех я сделался всем, чтобы спасти по крайней мере некоторых»: (IКор. 9: 22).

Однако ни о. Антоний, ни о. Моисей не брали на себя прямой обязанности старчества. Но, будучи все же сами духоносными старцами, понимали значение его, а потому предоставили самое широкое поле деятельности тем великим старцам, которых они привлекли в скит, — о. Льву и о. Макарию.

Уже упоминалось, что калужский епископ враждебно относился к старчеству и причинил много горя и о. Моисею, и о. Льву. Не избежал гонений и о. Антоний, хотя внешне не старался проявлять своих даров. Пробыв начальником скита 14 лет, о. Антоний получил место настоятеля Малоярославецкого Николаевского монастыря. Ему было крайне тяжело расстаться с созданным его трудами уединенным Оптинским скитом, в котором о. Антония окружала всеобщая любовь, и со своим братом-старцем.

«Однажды, — писал о. Антоний, — был в сильном унынии дух мой. Вздремнувши, вижу в тонком сне лик святых отцов, и один из них, якобы первосвятитель, благословляя меня, сказал: «Ведь ты был в раю, знаешь его, а теперь трудись, молись и не ленись!» И вдруг, проснувшись, ощущаю в себе некое успокоение. Господи, даруй мне конец благой!»

То, что скит при о. Антонии действительно напоминал первозданный рай — об этом существует много свидетельств. Приведем лишь единственное — паломника, бывавшего там в юности.

«Величественный порядок и отражение какой-то неземной красоты во всей скитской обители часто привлекали детское мое сердце к духовному наслаждению, о котором и теперь вспоминаю с благоговени-

ем. Простота и смирение в братиях, везде строгий порядок и чистота, изобилие самых разнообразных цветов и благоухание их и вообще чувство присутствия благодати невольно заставляли забывать все, что было вне этой обители. В церкви скитской мне приходилось бывать преимущественно во время обедни. Здесь, уже при самом вступлении, бывало, чувствуешь себя вне мира и превратностей его. С каким умилительным благоговением совершалось священнослужение! И это благоговение отражалось на всех предстоящих до такой степени, что слышался каждый шелест, каждое движение в церкви. Клиросное пение, в котором часто участвовал сам начальник скита о. Антоний, было тихое, стройное и вместе с тем величественное и правильное, подобного которому больше нигде уже не слыхивал, хотя после мне очень часто приходилось слышать самых образованнейших певчих в столицах и известнейших певцов в Европе. В пении скитском слышались кротость, смирение, страх Божий и благоговение молитвенное, между тем как в мирском пении часто отражается мир и его страсти — а это уже обыкновенно! Что же сказать о тех вожделеннейших днях, когда священнодействие совершалось самим начальником скита о. Антонием? В каждом его движении, в каждом слове и возгласе видны были девственность, кротость, благоговение и вместе с тем святое чувство величия...»

К горечи разлуки со своим детищем — скитом добавлялась сильная физическая немощь: на ногах о. Антония открылись глубокие раны — как следст-

вие его подвигов и трудов. В новом монастыре — городском, расположенном при большой дороге — он часто мог давать приказания только лежа. Тем не менее через силу новый игумен заботился о внешнем и внутреннем благоустройстве монастыря по образу лучших русских обителей. Много раз пытался он сложить с себя бремя настоятельства, но калужский епископ был неумолим. 13 лет продолжалось подобное злострадание. Наконец митрополит Московский святитель Филарет вступился за о. Антония и повлиял на калужского епископа, который согласился отпустить его «на покой» в Оптину пустынь.

В 1853 году он возвратился в родной скит и прожил еще 12 лет. «Покой» же его был многотрудный, многоболезненный, но в духовном отношении — многоплодный.

Свой смиренный и кроткий характер о. Антоний сохранил до конца. Он никогда ничем не соблазнялся, никого не осуждал и не порицал; ни о ком не изменял благой мысли, на всё и на всех смотрел ясным оком, чем и доказал, что имел чистое сердце. Об образе общения его со своими духовными чадами говорит характерный пример.

Один скитский инок привык не ходить к утрени. О. Антоний убеждал его, но тот ссылался на нездоровье. Никакие самые убедительные уговоры не действовали на него. Тогда старец сам пошел на утреню, несмотря на то что по болезни ног вообще не мог стоять на службе. После утрени он отправился прямо к тому иноку. Тот, увидев скитоначальника, вскочил с постели испуганный, а преподобный Антоний как

был в мантии, так и упал ему в ноги. «Брате, брате мой погибающий! Я за твою душу обязан дать ответ пред Господом: ты не пошел на святое послушание. Пошел я за тебя. Умилосердись, брате мой, и над собой, и надо мной, грешным!» — говорил он у ног своего послушника и плакал. А под мантией на полу разлилась целая лужа крови, которая набралась в сапоги из открытых ран на ногах от стояния и хлынула, как из ушата, на пол при земном поклоне. Так и спас преподобный своего немощного ученика.

Почти тридцать лет терпел он неизлечимую, жестокую болезнь ног — всегда благодушно и смиренно. В огромной степени это терпение и смирение привлекали к о. Антонию многих мирян, которые, как и монашествующие, находили в нем мудрого руководителя.

Старец умел не только влиять на души вопрошавших, вызывая в них чувства покаяния и страха Божия, но и рассудить, как в каждом конкретном случае уврачевать эти души. Никогда он не старался насильно убедить кого-либо. Назидания свои предлагал не в виде заповеди, а скорее намеком или в виде дружелюбного совета. Он так искусно направлял общую беседу, что в продолжение ее, говоря о третьем лице или рассказывая будто про себя, как бы мимоходом и обличал, и наставлял своих собеседников. Часто случалось, что только по выходе от старца посетитель, опомнясь, понимал, что какое-нибудь как будто к слову сказанное замечание прямо относится к нему, к тайным его недоумениям и недостаткам и разрешает вопросы, которых он не задавал. Бывало,

что иным он напоминал о грехах, которые они не только никогда не открывали ему, но и сами давно забыли. В этом и проявлялась прозорливость старца. О ней говорит такой пример.

Одна особа, когда однажды преподобный Антоний устремил на нее свой проницательный взор, сказала, что боится, когда он так на нее смотрит. «Вы видите все мои грехи», — прибавила она. «Напрасно вы так думаете, — возразил старец. — О чем я помолюсь и что мне Бог откроет, то я и знаю. А если Бог мне не откроет, то я ничего не знаю».

Было замечено, что по прозорливости своей о. Антоний часто, еще не получив шедших к нему писем, давал адресатам наставления и утешения, в которых те нуждались.

«А когда б вы были здоровы всегда, всем довольны и покойны и веселы, то, кто знает, может быть, тогда и вы, якоже и прочии человеки, уклонились бы в рассеянную жизнь и жили бы по вкусу нынешнего века. Но Бог, предвидя все, предохраняет нас, как Отец милосердный, от всего бесполезного и Ему неугодного. А посему не смущайтесь вы и не испытывайте, почему случается не то, что хочется, а то, чего никогда не хотелось; ибо Бог лучше знает, что для нас полезнее — здоровье или нездоровье. А наш долг с детской покорностью все принимать от Отца Небесного... и говорить: «Отче наш, да будет воля Твоя!..»

«Душевное спокойствие приобретается от совершенной преданности воле Божией...»

«Истинно горе тому человеку, кто не имеет сми-

рения. Кто не умеет сам смиряться, того впоследствии будут смирять люди; а кого не смирят люди, того смирит Бог...»

Целая книга составлена из добрых поучительных писем о. Антония к разным людям, искавшим у него духовной пользы.

Ему пришлось пережить кончину старца и брата своего о. Моисея. Скорбь о. Антония была невыразима. Два месяца провел он в затворе в непрестанной молитве за усопшего.

Некоторым лицам о. Антоний открыл, что духовное общение его с братом, преподобным Моисеем, и по кончине его не прерывалось. Он постоянно ощущал около себя его присутствие: души их таинственно беседовали между собою. Умерший брат — о святости земной жизни которого были неоднократные знамения от Бога — духовно утешал и подкреплял живого и подавал ему свое решение в некоторых недоуменных случаях, касавшихся как его самого, так и других.

Так прошли три года. За пять месяцев до кончины о. Антоний постригся в великую схиму. Духом он отрешился от всего земного, и всем было ясно, что он знал о близости смерти. В 1864 году некоторым посетившим его о. Антоний прямо сказал, что они больше не увидят его, а другим объявил, что они еще раз увидятся с ним перед смертью. Все это в точности сбылось.

До последней возможности принимал он посетителей, за некоторыми даже сам посылал, спеша высказать свое последнее слово. Словно читая в душе

каждого, говорил он то, что было для человека самым нужным, — все это в немногих, но исполненных необыкновенной силы словах.

Мирно предал о. Антоний свою праведную душу Богу. Он был похоронен рядом с братом в склепе Казанского собора.

Четыре столпа. Макарий Оптинский

Заветы первого оптинского старца — Льва (ум. в 1841 г.) поддерживали до 60-х годов трое великих: о. Моисей (ум. в 1862 г.), о. Антоний (ум. в 1865 г.) и о. Макарий (ум. в 1860 г.).

О. Макарий, ученик старца Льва, был к нему особо расположен с самой первой встречи, состоявшейся в 1828 году в Площанской пустыни Орловской губернии. К тому времени он сам был уже духовником более пятнадцати монастырей, среди которых — Брянский, Елецкий, Золотоношский, Великолуцкий, Серпуховской, Осташковский, Вяземский, Севский... Но обширное духовническое служение о. Макария ставило перед ним столь серьезные вопросы, помочь разрешить которые мог только по-настоящему умудренный духовным опытом наставник. О нем молил Бога о. Макарий и обрел его в лице старца Льва.

Мечтал ли с детства Михаил Иванов (таково мирское имя о. Макария) о монашестве? По-видимому, нет. В дворянской семье Ивановых из Орлов-

ской губернии было пятеро детей. Богобоязненная и любвеобильная мать рано скончалась от чахотки. 14-летнему дворянскому сыну пришлось пойти в столь раннем возрасте на службу бухгалтером. Михаил Иванов служил усердно и ответственно и уже через три года обратил на себя внимание начальства и получил должность начальника стола счетной экспедиции в Курске. Отличался он от своих молодых сверстников тем, что не поддавался соблазнам большого губернского города, а в свободное время много читал и прекрасно играл на скрипке.

В 18 лет Михаил потерял отца, и это изменило всю жизнь молодого человека. На семейном совете решено было, что он войдет в управление орловским имением. Поселившись в деревне, он понял, что вести хозяйство ему в тягость, однако сельское уединение давало возможность предаться любимым занятиям — чтению духовной литературы и музыке. Повинуясь воле братьев, Михаил поехал в соседнее имение свататься, но дело не сладилось — то ли от того, что жених был на вид неказист, то ли от того, что совершенно не имел желания жениться...

В 1810 году отправился он на богомолье в Площанскую пустынь, расположенную в 40 верстах от имения. Уединенный монастырь и иноки произвели на 22-летнего Михаила столь сильное впечатление, что он решил домой уже не возвращаться. Из монастыря он уведомил братьев о своем решении покинуть мир. Принадлежащее ему имение отписал в их пользу — при единственном условии, чтобы из вырученных от его продажи денег тысячу рублей употребить

на строительство каменной церкви в селе Турищеве, где был похоронен отец.

Пять лет провел здесь молодой подвижник, исполняя возложенные на него послушания письмоводителя обители, чтеца, ризничего, певца. В монастыре услышал он рассказы о высокой духовной жизни подвижников с Афона и из Молдавии, которые, приняв учение преподобного Паисия Величковского, уединялись в скиты Брянских лесов. Поэтому, когда в 1815 году в Площанскую пустынь переселился сподвижник Паисия — схимонах Афанасий, он сразу привлек к себе сердце только что постриженного в монашество Михаила, получившего иноческое имя в честь святого Макария Великого.

За 16 лет, проведенных в Площанской пустыни, о. Макарий вырос в «мужа совершенна», восприняв от старца Афанасия искусство духовного рассуждения, незыблемо утвердившись в истине. Потому и назначили 38-летнего о. Макария благочинным обители и духовником ближайших монастырей.

Тогда же он лишился своего первого старца.

Как уже сказано, на смену ему явился другой — Лев, проживший в Площанской пустыни полгода и сразу же привлекший к себе внимание о. Моисея. Хотя о. Лев считал о. Макария равноправным сотоварищем в монашеском деле, однако, уступая смиренным просьбам, решился обращаться с ним как с учеником. Их совместное пребывание скоро закончилось — старец Лев был приглашен в Оптину. Но между ними не прекращалась интенсивная переписка,

завершившаяся переездом в 1834 году о. Макария в Оптину пустынь.

Семь лет провел смиреннейший о. Макарий под руководством старца Льва. Он был назначен духовником монастыря, а после отъезда в Малоярославецкую обитель о. Антония — начальником скита и тем не менее никогда не пренебрегал духовными наставлениями о. Льва.

«Поучительны и назидательны были отношения между двумя старцами — о. Львом и о. Макарием, — вспоминал современник. — Умилительно было видеть единодушие и взаимную любовь двух старцев».

«Сидят они, как Ангелы Божии, рядом, а мы стоим пред ними на коленях и двум открываем свои души — как бы одному... Поистине в них были сердце и душа едины», — рассказывала игуменья Павлина, ученица обоих старцев.

Смерть старца Льва в 1841 году глубоко потрясла душу преданного его ученика. Крест старческого служения вместе с многочисленными заботами по устроению скита лег на плечи о. Макария. И если до этого времени преподобный Макарий оставался как бы в тени, то теперь истинная высота его духовной жизни и обилие духовных дарований были явлены всем.

День его шел по заведенному порядку 20 лет. Жил о. Макарий в келье с левой стороны у самых скитских ворот. Помещение было разделено коридором на две половины — для него и для келейника. Тут проводил он частые бессонные ночи и вставал на

молитвенное утреннее правило при ударе скитского колокола в 2 часа ночи. Так продолжалось до 6 утра. Выпив чашку чая и чуть отдохнув, старец принимался за письма или за чтение. С 9 часов начинала скрипеть входная дверь — появлялись первые посетители. В это время приходили в основном люди простого звания — крестьяне, мещане, мастеровые, которые ждали выхода старца в приемную. Здесь он давал советы и наставления, всегда принимая во внимание различие характеров, способностей и уровень духовного состояния человека. Все эти личные качества старец распознавал тут же, при первом недолгом общении. Женщин о. Макарий принимал за воротами скита, в особой келье.

В 11 часов звонили к трапезе, старец отправлялся чуть подкрепиться, после чего немного отдыхал. В два часа дня о. Макарий имел обыкновение ходить из скита в монастырские гостиницы, где его дожидались посетители из обеспеченных и высших сословий — помещики, военные и государственные чиновники, купцы, ученые, литераторы и богословы. Старец имел к таковым особый ключик, недаром к преподобному Макарию приезжали известные писатели — Н. В. Гоголь и братья И. В. и П. В. Киреевские.

В иные дни его ждали сотни людей, и старец, отличавшийся слабым от природы здоровьем, покорно шел — с костылем в одной руке и четками в другой — к страждущим и обремененным.

Измученный, едва переводя дыхание, порой не в состоянии говорить от усталости, возвращался старец

в скит со своего ежедневного подвига. Но вместо отдыха следовало новое молитвенное правило. Далее, до вечерней трапезы, а иногда и во время ее, принимал о. Макарий монастырскую братию — тех, кто не успел днем побывать на ежедневном откровении помыслов. Если кто-то из приходящих к нему монахов долго не появлялся, старец сам шел к тому в келью — всегда вовремя, чтобы уберечь от отчаяния, уныния или других искушений. Старец всегда оставлял после себя успокоение и увеселение души скорбящих.

Заканчивался день большим вечерним молитвенным правилом. Когда входил старец в свою спаленку, на столе его ждала кипа требующих ответа писем. Тело ныло от изнеможения, а сердце — от сопереживания открытым ему человеческим страданиям. Наступала молитвенная ночь. Молитва в нем никогда не прекращалась — был ли старец в многолюдии, за трапезой, в беседе или наедине с самим собой. А в 2 часа — как считать: ночи или утра? — о. Макарий был опять уже на ногах.

Строгость подвижнического образа жизни не заслоняла от него красоты окружающего мира. Наоборот, одаренный необыкновенной силой любви, о. Макарий умилялся каждому Божиему творению, видел в природе мудрость и красоту Творца. Прогуливаясь по скитским дорожкам, он останавливался и со слезами взирал на разнообразные цветы. У окна его кельи была устроена специальная кормушка для лесных птиц, щебечущих на все голоса. Очень любил он лес и даже писал одному из адресатов: «Человек

получает в лесу себе успокоение и душевную пользу... Один вид вечнозеленых хвойных деревьев нашей Родины веселит зрение, служа символом надежды на жизнь вечносущую...»

Было, еще одно важное дело, начало которому в Оптиной пустыни положил старец Макарий — книгопечатание.

В те годы в России ощущался голод на духовную литературу, ибо печатание ее в соответствии с «Духовным регламентом» Петра I и указами 1787 и 1808 годов дозволялось только с одобрения Святейшего Синода и лишь в духовных типографиях. В результате святоотеческая литература практически выходить перестала, в то время как светская печать пустила в оборот огромное количество переводных произведений западного лжемистического направления. Подобная литература печаталась с дозволения гражданской цензуры и была прямо враждебна Православию.

Оптинскому монастырю благодаря о. Макарию удалось наладить выпуск книг духовного содержания. Старец объединил вокруг своего начинания известных русских людей, духовно устремленных «интеллектуалов», среди которых были С. П. Шевырев, М. П. Погодин, М. А. Максимович, Н. В. Гоголь, братья И. В. и П. В. Киреевские. Со старцами Оптиной их связывала не только литературная работа, многие вверили себя их духовному руководству.

Деятельность старца о. Макария была обширнейшей: он приготавливал к печатанию славянские тексты — переводил их на русский язык, снабжал мало-

понятные места своими примечаниями. Так были опубликованы жития и творения преподобных Паисия Величковского, Нила Сорского, Варсонофия Великого и Иоанна, Симеона Нового Богослова, Феодора Студита, Максима Исповедника, аввы Дорофея. Всего в XIX веке Оптиной пустынью было выпущено 125 наименований духовной литературы в количестве 225 тысяч экземпляров.

Ближайшим сотрудником о. Макария был И. В. Киреевский, который помогал в переводах с греческого и объяснении философских терминов. Он сам и его жена Наталья Петровна держали корректуру; они же являлись самыми крупными жертвователями на «благое дело».

«Бог посылал средства на благое дело через добрых людей, и одна за другой было издано большое количество книг», — удовлетворенно признавался о. Макарий. Действительно, было чему удивляться и радоваться. Он и настоятель Моисей бесплатно рассылали книги во все библиотеки — академические, семинарские и прочие; получали их почти все архиереи, ректоры, инспектора академий и семинарий и все общежительные монастыри на святой горе Афон.

Святитель Филарет митрополит Московский не только благословил книгоиздание в Оптиной, но был самым высоким его покровителем. Он сам участвовал в проверке переводов, определении последовательности изданий, привлечении необходимых людей. «У старцев как все поспевает, удивительно! Очень им благодарен...» — передал он через Н. П. Киреевскую о. Макарию.

Дело о. Макария особенно расцвело при старце Амвросии. Сам же о. Макарий жертвовал для книгоиздания своим и без того кратким отдыхом и при этом никогда не оставлял старческого подвига.

По смирению старец скрывал свою прозорливость, но в ней не сомневались имевшие к нему близкое отношение, зная об этом даре по собственному неоднократному опыту. «Делай, как знаешь, — говаривал обычно старец. — Но смотри, чтобы не случилось с тобой вот того-то...» И всегда выходило, что предостерегал он не зря.

Старец обладал даром понимать и разрешать современные вопросы и видеть будущее.

В 1848 году во Франции произошла буржуазная революция, идеи которой нашли впоследствии необыкновенно питательную почву на русской земле. Стихии захватили власть над землей. И вот что сказано в летописи монастырской жизни:

«С наступлением 1848 года настали бедствия в Европе почти повсеместно. Во Франции 24 февраля — революция: ниспровержение законной власти, республика. От Франции разлился сей адский поток в смежные земли, кроме России. Везде мятежи, нестроения. В России холера, засуха, пожары. 26 мая в 12-м часу дня загорелся губернский город Орел, сгорело 2800 домов; на воде барки сделались добычей пламени. В Ельце сгорело 1300 домов.

Июнь, 24-е число. Праздник в скиту дня Рождества св. Иоанна Предтечи. Пополудни в три часа зашла страшная туча с молнией и громовыми ударами с юго-запада при 20 градусах тепла. Она разразилась

страшной бурей с проливным дождем и градом. От этой бури во многих местах Козельского уезда произошли разрушения, в особенности же в Оптиной пустыни. На церквах Казанской и Больничной разломало на части железную крышу, сорвало кресты... поломало множество плодовых деревьев. В скиту упавшей сосной повредило башню... А в монастырском лесу поломано и вырвано с корнем до двух тысяч самых толстых сосен. Страшная буря! Никто не помнил такой...»

Старец вместе с братией своими руками убирал поваленные деревья, а на их место сажал новые. И посадки эти были не простые. Они имели вид определенного клина и служили своеобразным зашифрованным письмом в будущее. На клочке земли между скитом и монастырем при помощи деревьев была написана великая тайна, прочесть которую суждено последнему старцу скита. Так передавалось в Оптиной из поколения в поколение и во исполнение завета о. Макария не дозволялось уничтожать вовеки не только вековых деревьев, но и кустика. Однако в начале 20-х годов нынешнего века, когда монастырь закрыли, но последние старцы еще были живы, безжалостно спиливали великолепные сосны оптинского леса, визжали пилы и раздавалась брань рабочих.

Тайна о. Макария так и осталась неразгаданной. Но уже в середине прошлого века предвидел он и поругание оптинских святынь, и грядущие огненные испытания России. По поводу разрушительной бури о. Макарий писал: «Это страшное знамение Божьего гнева на отступнический мир. В Европе бушуют политические страсти, а у нас — стихии. Началось с

Европы, кончится нами...», «Благодетельная Европа научила нас внешним художествам, а внутреннюю доброту отнимает и колеблет православную веру; деньги к себе притягивает».

«Сердце обливается кровью при рассуждении о нашем любезном отечестве, России нашей матушке: куда она мчится, чего ищет? Чего ожидает? Просвещение возвышается, но мнимое: оно обманывает себя в своей надежде; юное поколение питается не млеком учения Святой нашей Православной Церкви, а каким-то иноземным, мутным, зараженным духом; и долго ли это продолжится? Конечно, в судьбах Промысла Божия написано то, чему должно быть, но от нас сокрыто по неизреченной Его премудрости. А кажется, настает время по предречению отеческому: «Спасающийся да спасет свою душу»[1].

---

[1] Другой современный преподобному о. Макарию святой — святитель Игнатий Брянчанинов также много писал о смысле французской революции 1848 г. «Когда я услышал о происшествиях, изменяющих лицо земли, я как бы услышал о смерти человека, давно-давно страдавшего неисцельным недугом... Такой мне всегда казалась просвещенная Европа... внезапно вспомнились мне слова Спасителя: «Когда же услышите о войнах и о военных слухах, не ужасайтесь: ибо надлежит *сему* быть; но *это* еще не конец. Ибо восстанет народ на народ, и царство на царство; и будут землетрясения по местам, и будут глады и смятения. Это начало болезней». (Мк. 13: 7—8)... Последним признаком начальных болезней, долженствующих предшествовать окончательной болезни — антихристу. Писание выставляет «мятежи»... Надо искать большего и большего развития болезни. Она начала потрясать спокойствие народов с конца прошлого столетия; чем далее, тем обширнее, разрушительней... Меня поражали причины этих обстоятельств: общее стремление всех исключительно к одному вещественному, будто бы оно вечно, и забвение вечного, как бы несуществующего...»

Н. В. Гоголь в Оптиной

Слова старца Макария чем-то напоминают трагическое удивление знаменитого русского писателя Н. В. Гоголя: «Русь, куда ж несешься ты? Дай ответ. Не дает ответа».

В представлении большинства современников и нынешних читателей Гоголь — классический писатель-сатирик, обличитель человеческих и общественных пороков. Другого Гоголя, религиозного мыслителя и публициста, автора молитв и таких произведений, как «Выбранные места из переписки с друзьями» и «Размышления о Божественной литургии», мало кто знает... Вся его жизнь, особенно последнее десятилетие, была непрерывным восхождением к высотам духа. Гоголь не давал монашеских обетов — нестяжания, целомудрия и послушания, но был поистине монахом в миру. Он не имел своего дома и жил у друзей — сегодня у одного, завтра у другого. Свою долю имения он отказал в пользу матери и остался нищим, помогая при этом бедным студентам из собственных гонораров. После смерти Гоголя все личное его имущество состояло из книг, немногих старых вещей да нескольких десятков рублей серебром, однако созданный им фонд «на вспоможение бедным людям, занимающимся наукой и искусством», составлял более двух с половиной тысяч рублей. Современники не оставили никаких свидетельств о близких отношениях Гоголя с какой-либо женщиной.

Из письма Гоголя в Оптину пустынь в июне 1850

года, адресованного иеромонаху Филарету: «Ради Самого Христа, молитесь обо мне, отец Филарет. Просите вашего достойного настоятеля (о. Моисея. — *Н. Г.*), просите всю братию, просите всех, кто у вас усерднее молится и любит молиться, просите молитв обо мне. Путь мой труден; дело мое такого рода, что без ежеминутной, без ежечасной и без явной помощи Божией, не может двинуться мое перо... Мне нужно ежеминутно, говорю вам, мыслями быть выше житейских дрязг и на всяком месте своего странствования быть как бы в Оптиной пустыни...»

Гоголь паломничал в Оптину три раза, и его мысли о великой ответственности писателя пред Богом за свое творчество окончательно сложились не без влияния бесед со старцем Макарием, перед прозорливым духовным оком которого писатель высказывал все свои суждения и мнения.

Скорее всего, путь в Оптину пустынь Гоголю указал философ И. В. Киреевский, который был уже духовным чадом о. Макария и прекрасно понимал значение старчества. «Существеннее всяких книг и всякого мышления найти святого православного старца, который бы мог быть твоим руководителем, которому бы ты мог сообщать каждую мысль свою и услышать о ней не его мнение, более или менее умное, но суждение святых отцов», — писал он А. И. Кошелеву. Подобные мысли, надо полагать, не раз высказывал Киреевский и Гоголю... Так или иначе, но в 1850 году Гоголь вместе с М. А. Мак-

симовичем проездом на юг заезжает в Оптинский монастырь.

До обители Гоголь и его спутник шли пешком две версты, как то прилично паломникам. По дороге встретили девочку с лукошком земляники и хотели купить у нее ягоды, но та отдала их даром, отговариваясь: «Как можно брать деньги со странных[1] людей». В первый раз писатель пробыл в Оптиной три дня, «молился весьма усердно и с сердечным умилением».

В тот же приезд Гоголь познакомился со столпами оптинского старчества — настоятелем о. Моисеем и о. Макарием. Существует предание, что прозорливый о. Макарий предчувствовал приход Гоголя. Он был в своей келье и, быстро ходя взад-вперед, говорил бывшему с ним монаху: «Волнуется у меня что-то сердце. Точно что необыкновенное должно совершиться, точно ждет оно кого-то». В это время доложили, что пришел Николай Васильевич Гоголь.

«Достоверно известно, что батюшка о. Макарий не одобрял его светскую литературную деятельность и советовал ему оставить писательство в этом роде и начать новую жизнь во Христе, по заповедям евангельским. И Гоголь во всем согласился, приняв близко к сердцу наставления старца Макария... После того Гоголь еще два раза приезжал в Оптину пустынь к батюшке о. Макарию и во время своего пребывания в монастырской гостинице усердно посещал

---

[1] Странников.

церковные службы в скиту» — так писал составитель жития преподобного Макария.

Без сомнения, в беседе со старцем речь зашла и о «Выбранных местах из переписки с друзьями» — произведении, выходившем за рамки всех известных литературных жанров. Здесь, в светской прозе, Гоголь заговорил о том, что считается привилегией прозы духовной. «Выбранные места...» вышли в свет в 1846 году и вызвали массу толков и недоумений. П. А. Вяземский нашел замечательный образ: «...наши критики смотрят на Гоголя, как смотрел бы барин на крепостного человека, который в доме его занимал место сказочника и потешника и вдруг сбежал из дома и постригся в монахи». Мало кто мог объяснить подобную метаморфозу творчества писателя.

Судить об этом можно было только с духовных позиций. Не осталось документальных свидетельств, конкретно выражавших отношение старца Макария к творчеству Гоголя, однако в библиотеке Оптиной пустыни сохранился отзыв на «Выбранные места...» святителя Игнатия Брянчанинова. Он всю жизнь сохранял особую близость к монастырю и в молодости был духовным чадом старца Льва. Святитель Игнатий к книге Гоголя отнесся достаточно критически: «Она издает из себя свет и тьму. Религиозные его понятия неопределенны, движутся по направлению сердечного вдохновения неясного, безотчетливого, душевного, а не духовного... Книга Гоголя не может быть принята целиком и за чистые глаголы истины. Тут смешение, тут между многими правильными

мыслями много неправильных. Желательно, чтобы этот человек, в котором заметно самоотвержение, причалил к пристанищу истины, где начало всех духовных благ...»

Этот отзыв был переписан лично о. Макарием — надо полагать, изложенные в нем оценки святителя Игнатия были сродни оценкам оптинского старца.

Посещение Оптиной пустыни произвело на Гоголя глубокое впечатление, спустя три недели он писал графу А. П. Толстому, в доме которого жил последние четыре года своей жизни: «Я заезжал по дороге в Оптинскую пустынь и навсегда унес о ней воспоминание. Я думаю, на самой Афонской горе не лучше. Благодать видимо там присутствует. Это слышится в самом наружном служении, хотя и не можем объяснить себе почему. Нигде я не видел таких монахов. С каждым из них, мне казалось, беседует все небесное...»

В середине 1845 года Гоголь пытался оставить литературное поприще и уйти в монастырь (с этим связано и сожжение рукописи 2-го тома «Мертвых душ»). Ко времени первого приезда в Оптину он уже осуществил давнее свое желание побывать на Святой Земле и мечтал о паломничестве на Афон, чтобы снова приблизиться к монастырю. На Афон съездить не удалось. В Оптиной Гоголю довелось побывать еще дважды.

Во второй раз он приехал сюда в июне 1851 года, когда возвращался в Москву с юга. «Пополудни прибыл проездом из Одессы в Петербург известный писатель Николай Васильевич Гоголь, — записал в

своем дневнике оптинский иеромонах Евфимий. — ...Гоголь оставил в памяти нашей обители примерный образец благочестия».

В этот приезд он снова беседовал со старцами. Под впечатлением этих бесед он писал в Оптину из Москвы — настоятелю Моисею и старцу Макарию, — просил молитв, благодарил за гостеприимство и жертвовал 25 рублей на обитель. В свою очередь и старцы благодарили Гоголя, а о. Макарий благословил его на написание книги географии для юношества; но при этом предупредил сочинителя, что благое дело никогда не бывает без искусительных препятствий: «Пожеланию вашему не смею отказать и только тем могу служить, что, взяв перо, простираю мою грешную руку на сию хартию, а вера ваша да будет ходатайством у Господа внушить мне слово к вашему утешению... Но как пишут святые отцы, что всякому святому делу или предыдет или последует искушение, то и вам предложится в сем деле искус, требующий понуждения».

Замысел написать «живое, а не мертвое изображенье России... начертанное сильным, живым слогом», созрел у Гоголя давно, для его осуществления он хотел совершить путешествие по всей русской земле, от монастыря к монастырю, ездя по проселочным дорогам и останавливаясь отдыхать у помещиков. Он мыслил написать свое географическое сочинение так, «чтобы была слышна связь человека с той почвой, на которой он родился». Замысел этот, как известно, не осуществился. Гоголю оставалось жить меньше года.

В третий, и последний, раз Гоголь посетил благословенную Оптину в сентябре 1851 года — по дороге из Москвы на родину, на свадьбу своей сестры, намереваясь оттуда поехать в Крым на всю зиму. Доехав до Калуги, он отправился в монастырь, а потом неожиданно для всех вернулся в Москву. Такой поворот событий вызвал недоуменные толки среди знакомых писателя. Действительно, в этой поездке было много загадочного.

Но вот что известно в точности. 24 сентября, накануне дня памяти преподобного Сергия Радонежского, Гоголь был у старца в скиту, а на другой день обменялся с ним записками. Гоголь обратился к старцу Макарию за советом — ехать или не ехать ему на родину. Старец советовал возвратиться, видя подспудное желание Гоголя. Но он продолжал сомневаться, тогда о. Макарий предложил все-таки поехать в Васильевку к сестре. Однако и после этого Гоголь оставался в нерешительности. Старец возложил тогда решение на него самого, благословив образком преподобного Сергия.

Очевидно, между о. Макарием и Гоголем состоялся какой-то разговор, содержание которого осталось неизвестным. Вполне возможно, что Гоголь собирался остаться в монастыре. Оптинский старец Варсонофий позже рассказывал своим духовным детям, что незадолго до смерти писатель говорил своему близкому другу: «Ах, как много я потерял, как ужасно много я потерял, что не поступил в монахи. Ах, отчего батюшка Макарий не взял меня к себе в скит?..»

В этом удивительного ничего нет, ибо уже в «Выбранных местах...» (в письме к графу А. П. Толстому: «Нужно проездиться по России») Гоголь писал: «Нет выше званья, как монашеское, и да сподобит нас Бог надеть когда-нибудь простую ризу чернеца, так желанную душе моей, о которой уже и помышление мне в радость. Но без зова Божьего этого не сделать. Чтобы приобресть право удалиться из мира, нужно уметь распроститься с миром... Нет, для вас так же, как и для меня, заперты двери желанной обители. Монастырь ваш — Россия!»

В марте 1852 года, уже после смерти Гоголя, В. А. Жуковский писал П. А. Плетневу: «Я уверен, что если бы он не начал свои «Мертвые души», которых окончание лежало на его совести и все ему не давалось, то он был бы монахом и был бы успокоен совершенно, вступив в ту атмосферу, в которой бы душа его дышала легко и свободно».

Сразу после смерти писателя граф Толстой послал в Оптину пустынь извещение и 15 рублей серебром на помин души новопреставленного. Н. П. Гиляров-Платонов писал, что Гоголь принадлежал к разряду людей, которых можно назвать «оптинскими христианами. Это люди, глубоко уважающие духовную жизнь, желающие видеть в духовенстве руководителей к духовной высоте жизни...». Летом 1852 года профессор Московского университета С. П. Шевырев, возвращаясь с родины Гоголя, заезжал в монастырь, где читал его насельникам «Размышления о Божественной литургии». Оптинские монахи, хорошо помнившие Гоголя,

нашли это его сочинение «запечатленным цельностью духа и особым лирическим взглядом на предмет». Мария Ивановна, горячо любимая мать Николая Васильевича, была в Оптиной на Пасху 1857 года со своим внуком Николаем.

Посмертная связь Гоголя с благословенной Оптиной продолжалась.

Старец Иларион

Среди келейников о. Макария были два будущих старца: знаменитый Амвросий Оптинский и Иларион, который менее известен. Но сравнивать духовные дары — дело напрасное. Оба старца имели благодать назидать, увещевать и утешать по своей прозорливости и дару рассуждения в той степени, в какой было угодно Богу.

Родион Никитич Пономарев родился в пасхальную ночь 1805 года в Воронежской губернии. Его будущее монашеское имя Иларион, означающее «радостный», «тихий», явилось словно следствием радостного, пасхального прихода в мир младенца, который на всю жизнь сохранил характер кроткий и душу светлую. Мать его еще в семь лет предсказала сыну монашескую жизнь, глядя на эту его кротость. В 24 года, научившись от отца портновскому искусству, Родион создал артель из 30 человек. Рабочие ему были точно дети, за которых должно отвечать перед Богом: он содержал их прилично и наблюдал за нравственностью. Семья уже жила в Саратове, где в ту

пору существовало множество раскольничьих сект, враждовавших меж собой и сходившихся лишь в одном — в ненависти к Православию. Глядя на все это, Родион вольно или невольно встал на путь миссионерский. Он беседовал с раскольниками, рассказывая о православной вере, основываясь исключительно на Священном Писании, и обратил-таки многих на путь истины.

Два раза Родиона хотели женить, но оба раза не получилось.

В 32 года он серьезно задумался, не наступила ли пора вступить в монастырь, жизнь его в миру была благочестивой, осмысленной и полезной для других, но сам Родион думал, что «все еще не так живет, как следовало бы, что монахи лучше живут». Он много ездил по монастырям, и кто-то его надоумил посетить Оптину пустынь. Приехав наконец туда, нашел он у старцев Льва и Макария то, чего искала душа его. О. Макарий много беседовал с будущим иноком, посещал его в гостинице, разъяснял непонятное. Так и случилось, что Родион возвратился в Саратов, управился со всеми делами и вернулся в Оптину насовсем.

В 1839 году, когда он пришел в монастырь, о. Макарий стал скитоначальником. Тогда же и избрал себе Родиона в келейники. Только через 10 лет постригли его в монахи с именем Иларион.

Двадцать лет о. Иларион был келейником у скитоначальника, имея теснейшее общение со старцем, учась истинному иночеству в его лице, получая наставления, благоприятные для будущего своего старчества. Преданность о. Илариона своему старцу

была беспредельна. Однажды о. Макарий отлучился из обители для посещения своих духовных чад. В пути экипаж перевернулся в ров и старец получил сильные ушибы и вывихи. Сообщение об этом пришло в Оптину. О. Иларион в это время был сам тяжело болен, но, несмотря на это, тотчас поспешил с врачом к своему духовному отцу, проехав около трехсот верст на перекладных в осеннюю распутицу.

Послушание келейника состояло в трудах по служению самому старцу и личным его потребностям, по содержанию в чистоте его кельи и всего корпуса и по хлопотливой должности быть посредником между старцем и искавшими его совета. Этих трудов, не исключавших длинного молитвенного скитского правила, было достаточно, чтобы заполнить каждый день до отказа. Но келейник Родион (а последние десять лет о. Иларион) имел еще много послушаний, конечно же — с благословения и по воле старца. Воля же о. Илариона состояла в том, чтобы непрестанными добросовестными трудами смирить свою плоть, обратить понуждение себя на всякое телесное и нравственное делание в свою природу. Спал он не более четырех часов.

Главное послушание о. Илариона было в саду: сначала занимался больше деревьями, а потом взялся и за цветы. О. Макарий сам не умел садовничать, но любил и сад, и цветы; предыдущие келейники запустили его палисадник, о. Иларион устроил в скиту вдоль всех дорожек цветочные шпалеры, затейливо чередуя различные растения. Невозможно было

представить, что все это великолепие — дело рук одного человека...

Сад при о. Иларионе давал столько плодов, что монахи до весны кормились его дарами. Нередко городские и сельские жители приходили в обитель просить для больных свежих и моченых яблок и никогда не получали отказа.

Кроме этого, о. Иларион завел пасеку, сам работал на ней, впоследствии отдав пчелиное хозяйство на попечение отца, поступившего в монастырь вслед за сыном. На плечи о. Иллариона легло начинание по разведению рыбы, чем он раньше никогда не занимался; при помощи хороших помощников из монахов дело быстро наладилось.

До своего посвящения в иеродиаконы о. Иларион варил в скиту квасы и кислые щи, пек блины, ставил хлебы. Это были не каждодневные послушания, но временные: хлебы ставились раз в неделю, квасы и блины лишь по нескольку раз в год. Но работы эти были утомительные, требующие внимания, напряжения и бессонных ночей. Будучи уже дьяконом, он иногда после жаркого летнего дня, проведенного в различных трудах, вечером с сотрудником своим о. Флавианом разносил по всему саду до 300 больших ведер воды — для поливки фруктовых деревьев.

По благословению старца Макария о. Иларион завел домашнюю аптечку и занимался лечением братии скита, посещая больных монахов в их кельях и исполняя фельдшерскую работу. Поздней осенью и зимой еще и резал деревянные ложки.

Много потрудился о. Иларион над разнообраз-

ными скитскими постройками, в том числе и над устроением иконостасов...

Время, предназначенное для отдыха — от дневной трапезы до двух часов пополудни, о. Иларион употреблял почти всегда для чтения святоотеческих писаний.

Кажется, только труды телесные выделяли келейника среди других. О. Иларион оставался как бы в тени великого старца Макария. Своих духовных чад у него не было, лишь изредка ближайшие знакомые исповедовались у него после того, как в 1857 году о. Иларион был посвящен в иеромонахи.

Лишь на смертном одре о. Макарий поручил своих близких духовных чад старческому водительству о. Илариона, среди них была Н. П. Киреевская, игуменьи Севского и других монастырей, также и монахини этих обителей. Вообще же желающим после его смерти иметь духовника о. Макарий указывал на двух даровитых своих келейников — на о. Илариона и о. Амвросия, кому кто более по душе, —таким образом благословляя их на продолжение старческой традиции.

В 55 лет судил Бог о. Илариону старческое служение, а спустя три года он стал скитоначальником. И в духовничестве, и в управлении он старался поддерживать порядки, заведенные его почившим учителем. По воспоминаниям братии, наставления о. Илариона были кратки, ясны, просты и убедительны, поскольку он сам первый исполнял то, что советовал монахам. Учил старец, что по своей воле никто ничего не должен делать и начинать, хоть бы и доброе было, но прежде объявить то своему духовному отцу, просить совета и положиться на его рассуждение: для

монаха это и есть главное условие спасения — отсечение своей воли. «Послушание, — поучал о. Иларион, — должно проходить с хранением совести, без небрежения, лености и невнимания, должно наблюдать за собой и быть внимательным ко всем даже незначительным действиям, тогда и в важных делах будешь так же серьезен и послушлив. Каждое дело необходимо начинать с призывания в помощь Имени Божия, ибо занятия, освященные молитвой, будут благотворны для нашего душевного спасения».

Не отказывал старец Иларион в своих советах и мирянам: со всеми бывал одинаково обходителен и внимателен. Главную причину любых страданий видел он в нашем отступлении от Бога и в греховной жизни. Как яркий пример тому приведем случай с одним молодым купцом, который был одержим манией преследования, доводившей его до безумия. В такие времена он избегал людей, бродил с блуждающим взором, произнося бессмысленные слова. Старец Иларион долго занимался с ним и из расспросов понял, что главной причиной его болезни является вражда и непокорность отцу, которую он таил в своем сердце и наружно почти не выказывал. Старец долго убеждал купца оставить свою злобу, испросить у родителя прощения, доказывал, что только после этого можно надеяться на помощь Божию и избавиться от непонятной болезни. Наконец упорство болящего было сломлено: он чистосердечно покаялся, и в его душе водворился мир, болезнь постепенно ушла.

Замечено было, что старец прекрасно лечил нервные болезни, равно как и душевные, в простонародье называемые порчей. Лекарство всегда было одно:

полное и глубокое раскаяние и сокрушение о своих грехах. Часто в таких случаях о. Иларион советовал болящему испросить прощения у того человека, которого считал причиной своей болезни — если это лицо было живо; если же его уже не было на свете, то примириться с ним в душе, отслужить на его могиле панихиду, молиться о его упокоении и понести достаточную епитимью, какую старец назначал в каждом конкретном случае.

Однажды старец сверх обыкновения задержался в своей хибарке — пристройке, где исповедовал женщин. Его ожидало много людей, которые волновались, что о. Иларион не успеет всех принять. Наконец узнали, с кем он занимался: это была упорнейшая душевнобольная. Старец заставлял ее креститься и называть свои грехи, но она противилась, кричала, обзывала старца непристойными словами. О. Иларион, не обращая на брань внимания, добивался лишь того, чтобы женщина покаялась в том грехе, за который так сильно страждет. После длительных усилий больная созналась, покаялась и обещала выполнить то, что посоветовал ей старец. Он вышел из хибарки усталый, но весьма довольный. «Поди ты, какая попалась злющая и сопротивная, — сказал он. — Таких, кажется, у меня еще и не бывало. Однако Бог помог узнать и добиться толку, за что ей было такое попущено: хоть не напрасно трудился столько времени. Другие, верно, скорбят, что так долго я с нею пробыл. Но Бог поможет, со всеми займусь!»

Свой дар прозорливости о. Иларион, по великому смирению, скрывал от людей, но знание человеческо-

го сердца он имел удивительное. Слова его оказывались истинными, а потому противиться им было невозможно. Получив наставление старца, люди чувствовали в себе искреннее, часто внезапное желание исполнить его, даже вопреки собственной воле.

И все же история сохранила много примеров явной прозорливости о. Илариона. Обычно дело касалось тех случаев, когда люди находились на распутье, особенно при решении вопроса о вступлении в брак. Однажды овдовевший молодой купец обратился через своего брата, поехавшего в Оптину, за советом к старцу Илариону и благословением на второй брак. Ответ был таков: «Пусть он погодит еще годок, да приедет к нам, и мы посмотрим, годится ли он нам». Купец совета этого не исполнил, женился, но через три недели и вторая жена внезапно умерла. А еще через некоторое время он все-таки оказался в обители, был принят в скит и пострижен в монашество.

Мать одного благочестивого семейства, глубоко верившая старцу, бывшему ей духовным отцом, приехала в монастырь посоветоваться с ним относительно замужества своей дочери. Три дня ходили мать с дочерью к о. Илариону в надежде услышать, кого из трех женихов тот укажет. Но старец молчал и только на четвертый день сказал: «Ну, дочка! Когда уж плыть, так плыть. Переплывешь — будешь человек. Видно, Богу так угодно». Подразумевалось, что девице придется вынести множество скорбей по выходе замуж. Действительно, на первых порах очень трудно было ей в семействе мужа: скорби и огорчения следовали друг за другом. Оттого даже крепкое ее здоровье расстроилось. Молодая жена упала духом, за-

унывала, но, вспоминая слова старца, стала укреплять себя ими, ожидая изменения обстоятельств на благоприятные. Тяжелое положение ее продолжалось три года. Неожиданно все изменилось: здоровье снова вернулось к ней, молодые зажили в мире и радости, благословляя память мудрого старца.

Множество прозорливых советов хранят письма преподобного Илариона к разным мирским лицам. Этих писем с конца 1860 года по 18 сентября 1873 года (за несколько дней до кончины) было отправлено 4442 — это по записной книжке. Кроме того, при различных оказиях — по нескольку раз в неделю — посылались еще десятки писем. Множество людей пользовалось наставлениями старца. Это тем более удивительно, что о. Иларион с юности не отличался хорошим здоровьем, а многолетние его изнурительные труды не могли не отозваться на физическом самочувствии старца.

В марте 1872 года он отслужил последнюю литургию. Возвратясь в келью, о. Иларион сказал: «Никогда так не уставал, должно быть, пришел конец мой». Через несколько дней он принял пострижение в схиму и окончательно слег. И несмотря на свою чрезвычайную болезненную слабость, на бессонницу, продолжавшуюся в течение всей 20-месячной болезни, на постоянную одышку, переходившую по ночам в удушье, на сильные боли, старец до последнего утра своей жизни не оставлял положенного в скиту длинного молитвенного правила. По величайшему своему смирению старец приписывал свою тяжелую болезнь тому, что как духовник занимался больше рассматриванием чужих грехов, чем своих...

Он причащался не реже чем через 2—3 дня, а в последние, самые тяжелые 33 дня болезни — ежедневно. Старец написал своим дальним духовным чадам, чтобы приехали с ним проститься.

О. Илариону и прежде неоднократно являлся в сновидениях его старец преподобный Макарий, но в предсмертные дни видения участились и приносили необыкновенное духовное утешение страдальцу. Он скончался, точно заснул в кресле, перебирая в руках четки. Погода, до того долгое время бывшая пасмурной и дождливой, внезапно прояснилась: при перенесении тела старца из скита в монастырь не погасла ни одна свеча.

Почитание памяти преподобного Илариона началось с первых же дней после его преставления. Люди почитали его за святого. Об этом существует множество свидетельств, но приведем единственное: «Мне случалось не раз после беседы с ним испытывать на душе такое спокойствие, такой рай, что решительно забываешь все земное. Это испытывали мы на себе и после того, как он уже скончался. Когда стараешься жить по его советам, бывает отрадно, легко; когда же по немощи впадаешь в искушение и сделаешь что-либо не так, как он учил, то бывает очень тяжело. Только с той минуты, как мы узнали его, мы поняли, что такое спокойствие духа, что такое мир душевный; а теперь единственное, что поддерживает в великих постоянных скорбях житейских, — это память о нем. Вспомнишь его смирение, его терпение непостижимое, его любовь отеческую ко всем, его снисхождение к нашим великим недостаткам душевным, и невозможно не обратиться на себя, не видеть свою нищету духовную в сравнении с этим облагодатствованным отцом».

Плодоносная осень

Преподобный Амвросий Оптинский

Образно жизнь скита до конца XIX века можно уподобить трем временам года: весне — при жизни старца Льва, лету — при о. Макарии и плодоносной осени — при старце Амвросии. Тому способствовало и само по себе естественное развитие в Оптиной традиции старчества, которая всегда была сильна преемственностью — непосредственной передачей духовных навыков и знаний от учителя к ученику.

Мирской славе знаменитого о. Амвросия, помимо прочего, способствовало развитие науки и техники. Старцы Лев и Амвросий действовали словно в различные эпохи. При жизни первого оптинского старца Льва не было регулярного почтового и телеграфного сообщения и железных дорог, как позднее, при о. Амвросии, о котором еще при его жизни немало публикаций попало в прессу.

Но, конечно же, никакое развитие науки и техники ни в какие времена не заменит собственных усилий человека ради очищения сердца от страстей. По милости Божией духовные дары получали и будут получать лишь чистые сердцем. Легких путей в стремлении к духовному совершенству не бывает.

Путь к святости преподобного Амвросия Оптинского был непостижим обычному человеческому разумению, потому что старец с 33 лет тяжело болел, и казалось, что ему было не до подвижнических подвигов. Однако на нем, как ни на ком другом из всех оптинских старцев, исполнились апостольские слова: «Сила Божия в немощи совершается».

Но обо всем по порядку. Александр Гренков (таково мирское имя старца Амвросия) родился в 1812 году в Тамбовской губернии. Его дед был священником. Перед тем как младенцу появиться на свет, к деду съехалось много гостей, родильница была переведена в баню, там и родила.

«Как на людях я родился, так все на людях и живу», — любил впоследствии шутливо приговаривать старец Амвросий.

Учился Александр Гренков прекрасно: закончил Тамбовское духовное училище и семинарию, но в академию не пошел, в священники — тоже, предчувствуя, что призвание его другое. В последнем классе семинарии молодой человек перенес опасную болезнь и дал обет: если выздоровеет, то пострижется в монахи. По исцелении он все откладывал его исполнение, и совесть не давала ему покоя. Уединившись, юноша часто молился, чтобы Божия Матерь напра-

вила его волю, которая настойчивой никогда не была. Уже на склоне лет старец повторял своим духовным детям: «Вы должны слушаться меня с первого слова. Я — человек уступчивый. Если будете спорить со мной, я могу уступить вам, но это не будет вам на пользу».

Веселый, остроумный, любимый товарищами молодой преподаватель семинарии в Липецке Александр Гренков никак не мог решиться порвать с миром. Довелось ему однажды побывать у известного в то время местного тамбовского подвижника Илариона, который сказал: «Иди в Оптину — ты там нужен». Прошло еще некоторое время, и решимость созрела. Гренков тайно бежал в Оптину, опасаясь, что уговоры близких и родных эту решимость поколеблют.

Александр застал там столпов старчества — Моисея, Антония, Макария и Льва. Последний из названных и благословил молодого человека остаться на жительство в монастыре. В то время ему исполнилось 27 лет. Поначалу он жил в гостинице, пока епархиальное начальство решало вопрос о принятии в обитель исчезнувшего из дома Гренкова.

В 1840 году Александр был наконец зачислен в братство и некоторое время состоял келейником старца Льва: исполнял послушание чтеца. Преподобный старец Лев особенно любил молодого послушника, ласково называя его Сашей. Но из воспитательных целей при людях испытывал его смирение, часто делая вид, что на него гневается, и называл «химерой», подразумевая под этим словом пустоцвет, бы-

вающий на огурцах. Однако другим про него говорил: «Великий будет человек», — и в этом также проявилась прозорливость старца Льва Оптинского. Приблизившись к порогу жизни, старец Лев призвал к себе о. Макария и сказал ему о послушнике Александре: «Вот человек уж больно ютится к вам, старцам. Я теперь очень слаб. Так вот я и передаю тебе его из полы в полу, владей им, как знаешь».

После смерти старца Льва послушник Александр стал келейником старца Макария. В 1842 году он был пострижен с именем Амвросий (в честь святителя Амвросия Медиоланского).

В 1845 году монах Амвросий поехал в Калугу на хиротонию (рукоположение) в иеромонаха. По дороге он простудился и заболел, получив осложнение на внутренние органы. С тех пор он уже не смог по-настоящему поправиться. Однако никогда не унывал и признавался, что телесная болезнь благотворно действует на его душу. И другим болящим в утешение говорил: «Бог не требует от больного подвигов телесных, а только терпения со смирением и благодарения».

Через два года о. Амвросий был вынужден из-за болезни выйти за штат и стал числиться на иждивении обители. Он уже никогда не мог служить в храме, еле передвигался, не выносил холода и сквозняков, страдал от испарины, так что переодевался и переобувался по нескольку раз в сутки; то у него усиливался катар желудка и кишок, открывалась рвота или жестокая лихорадка, которые по временам так изможDали болящего, что он лежал в постели как

мертвец. Ел он всегда меньше младенца, употребляя пищу жидкую или протертую.

К 1848 году состояние здоровья о. Амвросия казалось столь угрожающим, что он был пострижен в схиму прямо в келье с сохранением прежнего имени. Но неожиданно для многих больной стал поправляться и даже выходить на улицу для прогулок. Этот перелом в болезни был явным действием силы Божией, а сам старец Амвросий впоследствии говорил: «Милостив Господь! В монастыре болеющие скоро не умирают, а тянутся и тянутся до тех пор, пока болезнь принесет им настоящую пользу. В монастыре полезно быть немного больным, чтобы менее бунтовала плоть, особенно у молодых, и менее пустяки приходили в голову. А то при полном здоровье, особенно молодым, какая только пустошь в голову не приходит!»

Но не только терпением болезней закалялся дух будущего старца. Особую роль сыграло тесное общение с о. Макарием; несмотря на недуг, о. Амвросий оставался по-прежнему в полном послушании у него и даже в мелочах давал ему отчет. Старец Макарий начал книгоиздательскую деятельность, помощником ему в этом деле стал и его келейник. О. Амвросий занимался переводом святоотеческих книг, в частности, подготовил к изданию знаменитую «Лествицу» Иоанна Лествичника, переложив с древнеславянского на удобопонятный новославянский язык.

Пребывая в отдельном от старца Макария корпусе, о. Амвросий ежедневно ходил к нему, когда позволяло здоровье, и усердно помогал старцу в обшир-

ной переписке с его духовными детьми. Так мало-помалу шла монашеская жизнь о. Амвросия под руководством духоносных оптинских старцев — ровно, без особых преткновений, в великом смирении, послушании и терпении болезни. Он внимательно перечитал все известные творения отцов-подвижников и под руководством своего старца прекрасно усвоил их учение, при этом он собственным опытом проходил науку духовной жизни, готовясь в скорости тоже стать старцем. «Придешь, бывало, к нему, — вспоминал о. Геронтий, — скажешь, что нужно, а он развернет книгу и заставит меня прочитать ответ на мое недоумение. В то время я возымел было ревность к высоким иноческим подвигам, но о. Амвросий вразумил меня, что ревность моя была не по разуму... Впрочем, замечу, что в продолжение пятилетнего срока, начиная с 1848 года, ходили на совет к о. Амвросию только немногие из монастырской и скитской братии и не иначе как по благословению старца Макария: о. Амвросий хотя и старчествовал, но как бы прикровенно».

Вот что вспоминает о более поздних годах игумен Марк, поступивший в монастырь в 1854 году. «Сколько мог я заметить, о. Амвросий жил в это время в полном безмолвии. Ходил я к нему почти ежедневно для откровения помыслов и всегда почти заставал его за чтением святоотеческих книг... Иногда же я заставал его лежащим на кровати и слезящим, но всегда сдержанно и едва приметно. Мне казалось, что старец Амвросий всегда ходил пред Богом или как бы ощущал присутствие Божие, а по-

тому все, что ни делал, старался Господа ради и в угодность Господу творить... Наставления же он преподавал не от своего мудрования или рассуждения, хотя и богат был духовным разумом, предлагал не свои советы, а непременно деятельное учение святых отцов. Для сего, бывало, раскроет книгу того или другого отца, найдет, сообразно с устроением пришедшего брата, главу Писания, велит прочитать и затем спросит, как брат понимает ее. Если кто не понимал прочитанного, то старец разъяснял содержание святоотеческого учения весьма толково. И все это делалось с безграничной отеческой любовью и благопожеланием... Случалось мне приходить к старцу весьма рано — часов в пять утра. По обычной молитве, получив позволение войти в келью, я всегда находил его трезвенным и бодрым, как бы совершенно не спавшим и отечески любезным сверх моего чаяния; неудовольствия же за ранние мои посещения у него почти не проявлялось. Он не различал богатого от убогого, достойного от недостойного, по примеру Господа, евшего и пившего с мытарями и блудницами, лишь бы заблуждающихся возвратить на путь истины и привлечь к страху Божиему. Никогда не порицал он чужих согрешений и не терпел клеветы на ближнего, строго относясь к клеветникам, не разбирая лиц».

Поручая духовному окормлению о. Амвросия некоторых из братий, старец Макарий постепенно знакомил его и с некоторыми посетителями обители, искавшими старческих советов. О. Амвросий имел особенную способность говорить с людьми и занимался

этим с любовью, исполняя послушание преподобного Макария. Видя о. Амвросия беседующим с его духовными чадами, он шутливо говорил: «Посмотрите-ка, посмотрите! Амвросий у меня хлеб отнимает». А иногда среди разговоров с близкими старец Макарий говорил: «Отец Амвросий вас не бросит».

Послал однажды старец Макарий о. Амвросия в гостиницу к приезжей богатой госпоже, которая готовилась причаститься — говела. Наслышавшись об о. Амвросии много хорошего, она стала говорить ему о своих неудачах, желая услышать сочувственное слово. Но, выслушав ее, о. Амвросий спокойно сказал: «По делам вору и мука». Госпожа обиделась и прекратила разговор. О. Амвросий, взвалив на плечо свой неизменный мешок с чулками и рубашками, который он всегда носил с собой для переодевания при испарине, ушел к себе. На следующий день старец Макарий, взяв с собой о. Амвросия, пошел в гостиницу поздравить госпожу с принятием Святых тайн. Увидев о. Амвросия, госпожа сказала, что много думала над его словами, хотела даже отложить причастие, разволновавшись, и вдруг поняла, что о. Амвросий сказал про нее правду.

Так исподволь находились люди, узнававшие в о. Амвросии дары старчества, с помощью которых он назидал и увещевал духовных чад... Но многие из старшей братии монастыря смотрели на него как на монаха вполне заурядного: внутренняя его жизнь была известна одному Богу да старцу Макарию и еще лишь некоторым. Встречались и такие, которые завидовали его быстрому посвящению в иеромонаха.

Наступил тяжелый для Оптиной момент кончины старца Макария. Сам святитель Филарет Московский, лично знавший почившего оптинского старца и любивший его за высокие душевные качества, не знал о преемнике и так писал наместнику Троице-Сергиевой лавры архимандриту Антонию: «Оптинские лишились о. Макария. Думаю, остались от него добрые духовные наследники, но найдется ли, кто мог бы поддержать их в единстве духа и возглавить?» Действительно, о. Амвросию в это время было всего 48 лет, старец Макарий прямо не назначил себе преемника, а только сказал: «Смотрите на его дела». То есть время и обстоятельства должны были показать, достоин ли о. Амвросий подобного назначения.

Из мирских людей, хорошо знавших о. Макария, некоторые стали относиться к новому старцу даже с неприязнью. Например, одной барыне, которую кончина старца повергла в глубокое горе, сказали, что в Оптиной новый старец, которого очень хвалят, и зовут его Амвросий. «Как! — воскликнула она в негодовании. — Чтобы я после Макария пошла к этому монаху, который все вертелся в батюшкиных кельях и расхаживал со своим мешком! Это невозможно!» И только спустя время, когда довелось ей невзначай вступить в беседу со старцем Амвросием, барыня вышла от него в умилении и сказала: «Я знала обоих, но чувствую, что о. Амвросий выше старца Макария...»

При новом старце появились келейники: о. Михаил и о. Иосиф, будущий оптинский старец, а также приехавший в Оптину К. К. Зедергольм (впоследст-

вии иеромонах Климент, — человек известный в ученом мире, выпускник Московского университета, магистр греческой словесности. До самой смерти он был письмоводителем старца Амвросия. Среди его духовных чад были такие известные люди, как обер-прокурор Святейшего Синода граф А. П. Толстой. К старцу за советом приезжали Ф. М. Достоевский, В. С. Соловьев, К. Н. Леонтьев, Л. Н. Толстой, М. П. Погодин, Н. Н. Страхов.

Митрополит Евлогий (Георгиевский) писал: «К отцу Амвросию приходили за духовной помощью люди всех классов, профессий, состояний. Он нес в своем роде подвиг народнический. Знал народ и умел с ним беседовать. Не высокими поучениями, не прописями отвлеченной морали назидал и ободрял он людей — меткая загадка, притча, которая оставалась в памяти темой для размышлений, шутка, крепкое народное словцо — вот были средства его воздействия на души. Выйдет, бывало, в белом подряснике с кожаным поясом, в шапочке — в мягкой камилавочке — все бросаются к нему. Тут и барыни, и монахи, и бабы. Подчас бабам приходилось стоять позади — где ж им в первые ряды пробиться! А старец, бывало, прямо в толпу — и к ним, сквозь тесноту дорогу палочкой себе прокладывает... Поговорит, пошутит — смотришь, все оживятся, повеселеют. Всегда был веселый, всегда с улыбкой. А то сядет на табуреточку у крыльца, выслушивает всевозможные просьбы, вопросы, недоумения. И с какими только житейскими делами, даже пустяками к нему не приходили! Каких только советов и ответов ему не дово-

дилось давать! Спрашивают его о замужестве, и о детях, и можно ли после ранней обедни чай пить? И где в хате лучше печку поставить? Он участливо спросит: «А какая хата-то у тебя?» А потом скажет: «Ну, поставь печку там-то...»

Мелочей для старца не существовало. Он знал, что все в жизни имеет свою цену, и потому не было вопроса, на который бы он не отвечал с участием и желанием добра. Однако, бывало, старец и воевал. Сам живя в смирении, без которого невозможно спасение, старец Амвросий всегда желал видеть эту необходимейшую добродетель в приходивших к нему: он терпеть не мог горделивых, так что иных ощутительно бил — кого палкой, кого кулаком или осыпал бесчестием. Жаловалась как-то старцу одна женщина, что от скорбей она чуть с ума не сошла. «Дура! — воскликнул при всех старец. — Ведь с ума-то сходят люди умные, а ты-то как же сойдешь с ума, когда у тебя вовсе его нет?» Или другая жаловалась старцу, что у нее украли шаль. А он с улыбкой ответил: «Шаль-то взяли, а дурь-то осталась». Старец обобщал иногда понятия «дурак» и «гордый». Не любил он также проистекающего от тщеславия щегольства. Приехала к нему одна духовная дочь, молодая женщина, в платье, обшитом стеклярусом. Батюшка улыбнулся, глядя на нее, прищурился и сказал: «Ишь какая ты стала, какие игрушечки на себя навесила!» — «Мода, батюшка», — ответила та. «Э-эх, на полгода ваша мода!»

При глубоком смирении, несмотря на свой веселый нрав и характер, старец нередко и против своей

воли проливал слезы. У него был столь редкий дар слез. Он плакал о себе, плакал о частных лицах, скорбел и болезновал душой и обо всем дорогом ему отечестве, о духовных своих детях, болящих душевными недугами, о благочестивых царях русских. По случаю убиения императора Александра II в письме от 14 марта 1881 года он в глубокой скорби сокрушался: «Не знаю, что вам написать об ужасном настоящем времени и жалком положении дел в России... Господь попустил Александру II умереть мученическою кончиной, но силен Он подать помощь свыше Александру III переловить злодеев, зараженных духом антихристовым. Дух антихристов от времен апостолов действует через предтечей своих, как пишет апостол: «Ибо тайна беззакония уже в действии, только не совершится до тех пор, пока не будет взят от среды удерживающий теперь» (2 Сол. 2: 7). Слова апостольские «удерживающий теперь» относятся к предержащей власти и церковной власти, против которой предтечи антихриста и восстают, чтобы упразднить и уничтожить оную на земле. Потому что антихрист, по объяснению толковников Священного Писания, должен прийти во время безначалия на земле. А пока он еще сидит на дне ада, то действует через предтечей своих. Сперва он действовал через разных еретиков, возмущавших Православную Церковь, и особенно через злых ариан, людей образованных и придворных; а потом действовал хитро через образованных масонов; а, наконец, теперь через образованных нигилистов стал действовать нагло и грубо паче меры. Не есть ли крайнее

безумие трудиться выше сил, не щадя своей жизни, для того, чтобы на земле повесили на виселице, а в будущей жизни попасть на дно ада в тартар на вечное мучение. Но отчаянная гордость ни на что смотреть не хочет, а желает всем высказать свое безрассудное удальство».

Когда же духовные дети старца Амвросия спрашивали в большом смущении, что же последует за этим неслыханным злодеянием цареубийства, он отвечал в радостном восторге при мысли о восшествии на престол императора Александра III: «Жив Господь, и живы души наши!» Старец Амвросий прозревал будущее и охватывал своим духовным оком предстоящее царствование, во время которого Россия не участвовала ни в одной войне, а благосостояние державы упрочилось, как никогда.

Благочестивый русский император Александр III в годы своего недолгого царствования последовательно проводил внутреннюю политику, заявленную еще в Манифесте при восшествии на престол: он призывал всех верных сынов Отечества ободриться и всеми силами стремиться «к искоренению гнусной крамолы, позорящей землю русскую, к утверждению веры и нравственности, к доброму воспитанию детей, к истреблению неправды и хищения, к водворению порядка и правды в действии учреждений, дарованных России ее благодетелем, возлюбленным Моим родителем».

За свою самодержавную деятельность император получил прозвание Миротворца и скончался в цветущем возрасте на руках другого великого российского

святого старца Иоанна Кронштадтского. Этот святой много пророчествовал о приближающихся страшных временах для России, о грядущем на нее Божьем гневе за отступление от Православной веры.

Преподобный Амвросий Оптинский точно так же предчувствовал наступление лютых времен для России. В частности, в 80-х годах он писал одному из своих духовных чад: «Не хлопочи о ризе; я передумал, решил, что лучше теперь не делать ризу на Калужскую икону Божией Матери. Первое, у нас денег мало... Второе, вспомнил я слова покойного митрополита Филарета, который не советовал делать ризы на иконы, потому что «приближается время, когда неблагонамеренные люди будут снимать ризы с икон».

Подобные мысли часто посещали прозорливого старца. «Что-то около 1882 или 1883 года — точно не упомню, — рассказывал известному русскому духовному писателю С. А. Нилусу современник старца Амвросия, — я был у старца с ответными письмами для отправки их многочисленным духовным чадам его и почитателям. Вдруг старец взглянул на меня.

— Ныне, — сказал он, — настоящий антихрист народился в мир!

И, увидев мое недоумение и испуг, старец вновь повторил ту же фразу».

Заметим, что Ленину — не антихристу, но его верному предтече — было в это время 12—13 лет...

Удивительны были подобные прозрения старца Амвросия на фоне общей благостной обстановки внутри самой Оптиной. Известно, что С. А. Нилус долго жил в монастыре, подготавливая к печати раз-

нообразные оптинские документы. Он часто беседовал с монахами о будущих временах, зная пророчества и о. Амвросия, и о. Иоанна Кронштадтского, и прочих духоносных старцев. Однажды после очередного разговора к Нилусу обратился канцелярский послушник о. Павел (Крутиков), сказав ему:

— Сергей Александрович! Вы наводите на нас такую жуть! Ведь сейчас в России ничего не ощущается, быть может, это и будет, но теперь нет основания так беспокоиться...

— Эх, отцы, отцы! — сокрушенно качал головой Нилус. — Эти стены скрывают от вас ту ужасную обстановку, среди которой мы живем; и слава Богу, что вы всего не знаете... Я не пророк, а скажу вам, что вы сами на себе испытаете то, что я вам говорю!

И действительно, испытали, когда в 1923 году Оптина была закрыта и монахи рассыпались, как горох, по лицу земли. Но и это предвидел Амвросий Оптинский. «Насколько Оптина пустынь прославилась, настолько же впоследствии обесславится», — говорил он в то самое время, когда монастырь находился в самом цветущем состоянии.

Амвросий был первым из оптинских старцев, кому явственно, пророчески открыл Бог грядущие судьбы России.

Старец Варсонофий (о котором речь впереди) писал так: «Монастырский иеромонах и духовник о. Иларион передавал мне, что о. Лев как-то однажды выразился, что придет время, когда скит наш запустеет и в нем будут жить одни кошки. На вопрос мой: в каком смысле должно понимать — в прямом

или иносказательном, о. Иларион сказал, что не знает». Времена запустения скита на несколько десятков лет отстояли от времен жизни первых оптинских старцев — Моисея, Антония, Льва, Макария. И промыслительно им не было дано ясных знамений перемен жизнеустройства России. При них вера Православная только начинала расшатываться в народе; и первые старцы были призваны укреплять эту веру, проповедовать о покаянии и наставлять на этот путь пока еще многочисленных верующих.

При старце Амвросии Оптинском явилось множество сомневающихся, колеблющихся, отходящих от веры отцов и дедов. И тут нужен был особый дар любви к людям, чтобы чувствовали они, что Бог печется о них в самых наималейших нуждах. Передавалось это чувство через старца Амвросия. Он всегда разом схватывал существо дела, непостижимо мудро разъяснял его и давал ответ. В продолжение 10—15 минут подобной беседы решался не один вопрос, за это время старец Амвросий вмещал в своем сердце всего человека — со всеми его привязанностями, желаниями, страстями внутренними и внешними. Из его слов и указаний следовало, что он любит не одного того, с кем говорит, но и всех близких этого человека, его жизнь, все, что ему дорого. Предлагая свое решение, старец имел в виду все стороны жизни, с которыми это дело сколько-нибудь соприкасалось.

Слово о. Амвросия обладало властью, основанной на близости к Богу. И это живое общение великого старца и есть дар пророчества и необыкновенной прозорливости. Об этом свидетельствовали тысячи его

духовных чад. Для него не существовало тайн: он видел все. Незнакомый человек мог прийти к нему и молчать, а он знал его жизнь, обстоятельства и зачем тот сюда пришел. Старец расспрашивал своих посетителей, но внимательному человеку по тому, какие вопросы и как он задавал, становилось ясно, что ему все известно...

Он любил бодрых, сообразительных людей и давал благословение, а с ним и веру в удачу самым смелым предприятиям.

Один помещик, часто посещавший старца, пришел к нему однажды и услышал такие слова:

— Говорят (о. Амвросий любил употреблять это слово для прикрытия своей прозорливости), около тебя выгодное имение продается — купи.

— Продается, батюшка, — удивился помещик. — И как бы хорошо купить, да это мечта одна: имение большое, просят чистыми деньгами, а у меня денег нет.

— Денег?.. Деньги-то будут, — тихо сказал старец. А при прощании снова напомнил: — Слышишь, имение-то купи!

Помещик отправился домой, а по дороге заехал к своему богатому, но скаредному дяде, которого вся родня старалась избегать. Во время беседы тот вдруг спросил:

— Отчего ты не купишь имение, которое возле тебя продается? Хорошая ведь покупка!

— Откуда же мне столько денег взять! — ответил племянник.

— Хочешь, взаймы дам? — спросил дядя.

Помещик принял это за шутку, но дядя говорил серьезно и денег дал.

Имение было куплено. Не прошло и недели, как к новому владельцу приехали купцы, желая купить часть леса, принадлежащего имению. Стали говорить о цене: купцы не торговались и заплатили именно ту сумму, за какую было приобретено все имение. Племянник тут же вернул долг дяде.

Другой случай. Пришел к старцу состоятельный орловский помещик и за беседой объявил, что хочет устроить водопровод в своих обширных яблоневых садах. О. Амвросий воодушевился и оживленно стал рассказывать, как лучше повести дело, прикрываясь своим «говорят». Когда помещик вернулся домой, то выписал новые книги и занялся изучением этого вопроса. Каково же было его удивление: старец описал ему последние изобретения в интересующей его области. Помещик через некоторое время снова приехал в Оптину. О. Амвросий и спрашивает:

— Ну что водопровод?

— Вокруг яблоки гнили, а у меня — богатый урожай.

Старец не любил выказывать свою прозорливость, и, когда по живости его характера это знание обнаруживалось явно, он смущался. Так, однажды к нему подошел молодой человек из мещан с рукой на перевязи и стал жаловаться, что никак не может ее вылечить. У старца в келье находилось в это время еще несколько человек. Не успел тот договорить: «Болит, шибко болит», как старец его перебил: «И будет болеть, зачем мать обидел?» — но тут же сму-

тился и продолжал: «Ты ведешь себя хорошо ли? Хороший ли ты сын?»

Что касается исцелений, то им не было числа. Но и их старец тщательно прикрывал, а потому посылал больных в Тихонову пустынь на источник. До старца Амвросия в этой пустыни не было слышно про исцеления. Иногда он посылал болящих к мощам святителя Митрофана Воронежского. Часто люди исцелялись по пути в Воронеж и возвращались, здоровые, благодарить старца.

Духовная сила преподобного Амвросия проявлялась в совершенно исключительных случаях. Рассказывали, как однажды, идя в скит из монастыря, о. Амвросий, еле передвигавший ноги от слабости, увидел такую картину. Стоит нагруженный воз, рядом лежит мертвая лошадь, а над ней рыдает крестьянин, лишившийся своей кормилицы-трудяги. Приблизившись к павшей лошади, старец трижды медленно ее обошел, потом, взяв хворостину, стегнул лошадь и прикрикнул: «Вставай, лентяйка!» И лошадь послушно поднялась на ноги.

Многим людям преподобный старец являлся на расстоянии, подобно святителю Николаю Чудотворцу, — или для исцеления, или для избавления от всякого рода бедствий.

«Мне кажется, что для всех, прибегавших к отцу Амвросию, он представляется в двойном виде: во-первых, великий старец, прославленный подвижник, с ореолом святости, с дивными дарами, чудотворивший еще при жизни; и потом для всякого в отдельности — самый близкий, самый ласковый, самый

трогательный человек, какого можно себе вообразить. И обе эти стороны в отце Амвросии дополняли и возвышали друг друга», — писал Е. Н. Поселянин (Погожев)[1].

Подобный взгляд на личность преподобного после знакомства со старцем Амвросием пытался отразить и Ф. М. Достоевский в образе старца Зосимы из «Братьев Карамазовых». По монастырским воспоминаниям, приехав в Оптину, великий писатель часами беседовал со старцем в его келье, отдавая на его суд свои творческие и личные проблемы.

Впечатление, полученное Достоевским от знакомства с о. Амвросием, было так сильно и глубоко, что, преломившись в творческом сознании писателя, вызвало к жизни яркий, полный психологической правды художественный образ старца Зосимы, наделенный чертами живого человека. И все же нельзя отождествлять литературный образ с реальным старцем: трудное дело человеку кающемуся, как определил сам старец Амвросий личность гениального писателя, в точности изобразить само существо святого подвижника. «Он так много принял в душу свою откровений, сокрушений, сознаний, — описывает

---

[1] *Е. Н. Поселянин (Погожев)* — русский духовный писатель. После окончания Первой московской гимназии поступил на юридический факультет Московского университета, пополнив ряды неверующей молодежи. Обращение юноши произошло в стенах хибарки старца Амвросия, после беседы с которым он стал другим человеком, сделавшись усердным прихожанином университетского храма св. Татьяны. Одно время он даже подумывал уйти в монастырь, но его духовный отец — старец Амвросий не благословил, направив по другому пути: «Пиши в защиту веры, Церкви и народности».

своего литературного героя Достоевский, — что под конец приобрел прозорливость столь сильную, что с первого взгляда на лицо незнакомого человека, приходившего к нему, мог угадать, с чем тот пришел, что тому нужно и даже какого рода мучения терзают его совесть, и удивлял, смущал и почти пугал иногда пришедшего таким знанием тайны его, прежде чем тот молвил слово».

Прозорливость старца Зосимы, как объясняет автор, идет от опыта, памяти, наблюдательности, а помощь же при недугах — от знания лечебных средств. В таком случае не принимается во внимание главное — помощь сверхъестественная, дары Святого Духа, действующие в человеке иногда и вопреки тому же опыту и наблюдательности.

Монахи Оптиной пустыни прохладно отнеслись к образу старца Зосимы. Однако нельзя не согласиться, что этот литературный персонаж оказался настолько пленительным, что приводил читателей к познанию веры; как сказал философ В. В. Розанов: «Вся Россия прочла его «Братьев Карамазовых», и изображению старца Зосимы *поверила*. «Русский инок» (термин Достоевского) появился как родной и как обаятельный образ в глазах всей России, даже неверующих ее частей».

Достоевский во многих пробудил угасающую во второй половине XIX века тягу к монастырю вообще и к Оптиной пустыни — в частности. Ведь вся внешняя обстановка жизни монастырской, запечатленная в «Братьях Карамазовых», само описание обители, где жил старец Зосима, — все это взято из

реалий Оптиной 1877 года, когда Достоевский посещал преподобного Амвросия Оптинского.

О святом старце Амвросии говорить не переговорить: о нем существует множество воспоминаний, изданы его многочисленные письма к мирским особам, известны его поучения и поговорки. Но, отдавая должное его личности, снова и снова задумываешься о сущности старчества и его основном законе — послушании ученика своему учителю. Об этом размышления Е. Н. Поселянина: «Среди тех жизненных предположений, которые я открыл старцу и на которые он меня благословил, некоторые казались совершенно неисполнимыми. А между тем жизнь шла — вернее, Божия воля постепенно приближала исполнение того, что он считал возможным и нужным. И если я вижу, что надо приступать к какому-нибудь делу, благословленному старцем, — соберись тут полки знатоков этого дела с пророчеством неудачи, — я знаю, что оно удастся. И мало-помалу я совершенно свыкся с тем, чтобы ничего важного не делать, не спросясь наперед старца.

Как могу я знать, чего я истинно желаю, когда желания меняются, как ветер? Как могу судить, хорош ли или полезен поступок, когда от меня скрыты те бесчисленные будущие побочные обстоятельства, которые доставят ему те или иные последствия? И при этом не только на место моей неопытности я ставлю старцеву мудрость, не только ищу совета человека, лучше меня знающего, что полезней мне в духовном смысле, — самое важное вот в чем. Я верил, что когда с верой спрашивал его, чтобы под-

чиниться его решению, он (может быть, и не вникая в мои обстоятельства рассудочно) особым даром от Бога получает внушение — указать мне именно то, в чем воля Божия».

Шамординская обитель

Просто удивительное единодушие проявили три великих старца XIX века. Молитвами и покровительством преподобного Серафима Саровского был основан Дивеевский женский монастырь; святой Иоанн Кронштадтский на собственные деньги возвел в С.-Петербурге Иоанновский женский монастырь; старец Амвросий Оптинский пожелал устроить в 12 верстах от Оптиной Шамординскую Казанскую женскую обитель. Каждый из этих трех женских монастырей чудесным образом строился и существовал благодаря поддержке и прозорливым советам своих основателей при их жизни и молитвенному предстательству пред Престолом Божиим при отходе в вечность.

Старец Амвросий имел особую заботу о женщинах-вдовах, бедных девицах и детях-сиротах, ибо много таковых благочестивых просительниц приходило к нему, не имея средств поступить в какой-нибудь монастырь. Дело в том, что почти все женские монастыри в России принимали в число сестер только таких, которые были в состоянии купить себе келью, сделать хотя бы небольшой взнос в обитель и содержать себя своими средствами и трудами. Редко при-

нимали женщин без взноса, рассчитывая лишь на ее здоровье и силы, позволявшие исполнять тяжелые монастырские послушания. Женщин с плохим здоровьем старались не принимать из опасения, что в случае продолжительной болезни и неспособности к трудам она обременит монастырь. Таких-то болезненных и обездоленных женщин старец Амвросий старался пристроить к какому-нибудь месту.

По возможности он склонял некоторых благочестивых состоятельных людей к устроению и благотворению женских общин и сам, сколько мог, этому содействовал. Так его попечением были устроены женские общины в Орловской, Саратовской, Полтавской и Воронежской губерниях. Старцу приходилось не только рассматривать планы, давать советы и благословлять людей на дело, но часто защищать и благотворителей, и насельниц этих общин от недоброжелателей, для чего ему случалось иногда вступать в переписку с епархиальным начальством и членами Святейшего Синода.

Последняя женская обитель, над которой старец особенно потрудился, была Шамординская Казанская Горская община. Основание ей было положено как бы случайно — но это на обычный взгляд...

Один богатый московский господин, усердный почитатель старца, просил его купить неподалеку от Оптиной небольшую дачку для своего семейства, желавшего жить поблизости от о. Амвросия. На этот счет старец сговорился с бедным помещиком Калыгиным, владевшим имением недалеко от деревни Шамордино по Большой Калужской дороге. Калыгин

4 Зак. 1529

согласился с тем условием, чтобы ему и супруге-старушке было дано место в Оптинской гостинице дожить остаток своих дней. Имение было куплено. Деньги за него заплатила бывшая помещица монахиня Амвросия Ключарева. У преподобного Амвросия своих денег не было: сколько бы ему ни жертвовали, он немедленно раздавал нуждающимся и на потребы скита. Кроме 200 десятин земли, ценного в купленном имении ничего не оказалось, но местность была живописнейшая. Следует отметить, что Калыгину за год до продажи имения было дивное видение: представилась ему церковь в его владениях, стоящая на облаках.

Московский господин, для которого было приобретено имение, по домашним обстоятельствам отказался от него. Тогда старец Амвросий сказал Ключаревой: «Вот, матушка Амвросия, жребий тебе выпадает взять это имение для себя. Станешь жить там, как на даче, со своими внучками, а мы будем ездить к тебе в гости». У внучек-близняшек умерла мать, отец — сын матушки Амвросии — женился на другой, и малютки остались под покровительством бабушки. Крестным отцом их был старец Амвросий.

В первое же лето после покупки имения, то есть в 1872 году, о. Амвросий приехал навестить Ключареву и посмотреть местность. Тогда же он благословил ее построить новый корпус для себя и многочисленных сестер-послушниц, бывших ее крепостных. «У нас здесь будет монастырь», — сказал о. Амвросий. Такое было трудно предположить, потому что имение было куплено на имя близнецов. Сейчас они

были малютки, а впереди их ожидала несомненно долголетняя супружеская жизнь.

Ключарева стала строить большой одноэтажный, на высоком каменном фундаменте дом, где предусмотрительно отвела место под келью о. Амвросию, в которой он и гостил каждый год — случалось, по целой неделе.

В доме по плану старца находился большой зал, занимавший восточную часть, а кельи для внучек были обращены на север. Ключарева сильно скорбела, потому что этот план не совпадал с ее желаниями. Старец впоследствии говорил: «Она строила детям дом, а нам нужна церковь».

В доме поместили внучек и послушниц, сама же Ключарева по-прежнему продолжала жить в гостином дворе Оптиной, но внучек не забывала: или брала их к себе, или гостила в имении, в котором жизнь уже текла по монашескому образцу.

Девочки подрастали, и бабушка пожелала дать им хорошее светское образование. Она просила благословения старца подыскать бонну-француженку, но старец отказал. Матушка Амвросия долго силилась понять, почему он не разрешает, переживала и мучилась.

Девочки же очень любили длинные оптинские службы, часто молились, отказывались от мяса и ели его только по убеждению старца.

Однажды приехала в Оптину близкая духовная дочь старца А. А. Шишкова. Она зашла и к Ключаревой, которая с печалью рассказала, что о. Амвросий не благословляет ей взять к своим внучкам

француженку. «Как можно, — говорила матушка Амвросия, — в нашем кругу не знать иностранных языков? Ведь дети будут вращаться в свете; да и советует он одевать их проще. Вы нынче будете у батюшки, попросите у него благословения приискать мне иностранку к детям. И о платьицах спросите...»

«Прихожу я к батюшке, — рассказывала Шишкова, — и между прочим говорю ему: «Теперь я живу в Москве, и мне было бы легко и удобно приискать иностранку к внучкам г-жи Ключаревой. Не благословите ли?» Тут же и о платьях упомянула. Но батюшка мне ответил так: «Нет, ты этого не делай: детям не надо француженки. Я к ним поместил отличную благочестивую русскую особу, которая их наставит и приготовит к будущей жизни. Знаешь ли, дети жить не будут. Ты только этого не говори матушке Амвросии».

Вскоре Ключарева, заботясь о благосостоянии своих внучек и по настойчивому совету старца, приобрела еще четыре дачи возле Шамордина и окружающие их леса — впрочем, не понимая опять замыслов о. Амвросия, ведь не город же строить придется! Она определила для девочек и часть своего капитала и составила завещание, что в случае неожиданной смерти внучек в калыгинском имении должна быть устроена женская община.

В 1881 году, недолго проболев, Ключарева скончалась. Наследницами имения стали девятилетние близняшки, которые продолжали жить со своими нянями и сестрами-послушницами в Шамордино. Прошел год. Девочки никогда не шалили, одевались про-

сто, любили тихую, уединенную жизнь, почитали своих нянь, заменивших им мать. Такая жизнь не понравилась их отцу, жившему со своей второй женой в Калуге и остававшемуся бездетным. Он решил дать им светское воспитание и определить в пансион. Старец желанию отца не противоречил. Девочки, проучившись зиму в пансионе, должны были на каникулы ехать к отцу, чтобы знакомиться с правилами и образом светской жизни. Но душа их рвалась в Оптину, к горячо любимому батюшке Амвросию. И так устроилось, что с разрешения своего родителя девочки сначала приехали в Оптину. Это было весной 1883 года. Но, прибыв в монастырь, они вдруг заболели дифтеритом — сначала одна, потом другая. Их разъединили, чтобы одна от другой не заразилась. Пока были в силах, девочки часто писали о. Амвросию записочки, в которых просили его молитв и благословения. Первой скончалась Вера. Оставшейся в живых Любови не говорили об этом. Но она, вдруг очнувшись, спросила сидевшую около нее сестру: «Вера умерла?» Та стала отговариваться, что, мол, жива, но Любовь возразила: «Как жива? Мне сейчас няня сказала, что умерла». Няни же рядом не было. Девочки, в последнее время часто говорившие: «Мы не хотим жить дольше 12 лет, что хорошего в этой жизни!» — одна за другой отошли в тот мир, о котором мечтали. Как родились они вместе и всю жизнь были неразлучны, так вместе и предстали, точно ангелы, пред Лицо Господа.

За семь лет говорил о. Амвросий Шишковой о кончине этих детей.

В имении закипела работа. Один за другим строились корпуса. Но желавших поступить в Шамординскую общину нахлынуло вдруг столько, что не успевали построить новый дом, как уже вдвое больше народу ожидало нового помещения. Старец принимал и помещал туда находившихся в крайней бедности вдов и сирот, а еще слепых, хромых, болезненных — и вообще самых обездоленных женщин и девиц. Рассказывал старец Иларион: «Замужняя моя сестра подверглась тяжкому недугу, и муж ее оставил на произвол судьбы. Привезли ее, больную, в Оптину к старцу Амвросию. Было лето. Батюшка вышел к больной, посмотрел на нее и, благословив, шутливо промолвил мне: «Ну, этот хлам-то у нас сойдет, отвези ее в Шамордино». Около десяти лет прожила она там в богадельне и скончалась, быв пострижена перед кончиной в схиму».

Или еще: приходит бедняк из Сибири и отдает о. Амвросию свою малолетнюю дочку. «Возьмите, — говорит, — у нее нет матери, что я с ней буду делать?» Старец и эту отправляет в Шамордино. Из девочек-сирот образовался приют, из убогих женщин и девиц — богадельня. К этому добавить дом в Козельске для умалишенных женщин, который содержался на средства одного благодетеля старца Амвросия.

В 1884 году на праздник Покрова Божией Матери был освящен домовый храм в доме покойной владелицы имения: дел потребовалось немного — в большом зале, обращенном на восток, пристроили алтарь, а иконостас привезли из Оптиной.

Первой настоятельницей стала С. М. Астафьева, вдова, преданная послушница старца, женщина умная, благонамеренная и обладавшая прекрасным даром слова. С детства жившая в неге и не знакомая с физическим трудом, Софья Михайловна теперь трудилась, не жалея себя. Через три года такая ее подвижническая жизнь надломила слабое здоровье, и она скончалась как праведница. Настоятельство приняла на себя монахиня Ефросиния Розова, для которой воля старца была законом.

8 октября 1889 года исполнилось 50 лет со времени прибытия о. Амвросия в Оптину пустынь. Он доживал последние свои годы. Изнуренный беспрестанными трудами и болезнями, он ослабевал все более и более, временами жизнь его висела на волоске. В такие минуты он говорил: «Мне трудно, невозможно становится жить». В связи с болезнью старца посетителям приходилось подолгу жить в монастырских гостиницах, в которых по традиции приют давали бесплатно. Стечение народа было громадным, а посему и расходы были немалые. Приходилось ограничивать наплыв посетителей Оптиной. Для любящего сердца о. Амвросия это являлось немалой скорбью. Когда он хоть чуть поправлялся, то начинал принимать всех без разбора: со всех сторон осаждали его, не давая ни покоя, ни отдыха.

После смерти первой настоятельницы хозяйство Шамординского монастыря стало приходить в упадок, потому что новая настоятельница не имела в этих делах опыта. К тому же все были уверены, что средства неисчерпаемы. Даже самые близкие к стар-

цу Амвросию благотворители не знали истинного положения: средств у него никаких не было, а он затеял строить по утвержденному плану новый огромный каменный храм. Предварительные работы уже начались: устроили кирпичный заводик и заложили для храма фундамент. Было отпечатано приглашение к пожертвованиям и разослано ко всем значительным московским домовладельцам, но сбор оказался столь скуден, что едва покрыл расходы. Такие крайние обстоятельства заставили старца Амвросия подумать о перемещении в Шамординскую общину.

Обстоятельства отъезда в 1890 году в женскую обитель были необычны, похоже, старец знал, что это последняя его поездка в Шамордино. На этот раз он не взял с собой, как обычно, старшего келейника иеромонаха Иосифа, который начал сам старчествовать и которому о. Амвросий перепоручил почти всех своих духовных чад. И еще. Благодетельнице обители А. Я. Перловой явилась во сне икона, которую долго не могли определить, но оказалось, что это «Споручница грешных». О. Амвросий благословил образ и, когда икону привезли к нему, велел поместить в своей келье и затеплить перед ней неугасимую лампаду. Уезжая, святой старец словно поручал скит и монастырь Матери Божией.

Поначалу о. Амвросий намеревался пробыть в Шамордине дней десять. Трижды пытался оттуда уехать, но по необыкновенной слабости здоровья так и не смог этого сделать. Оптинская братия скорбела, что старец остался на зиму у монахинь, шамординские сестры, наоборот, были в восторге. В Оптину

о. Амвросию пришлось даже писать записку: «Я доселе задержался в Шамордине по особенному промышлению Божию, а почему — это должно означиться позже».

Оставшись в Шамордине, старец стал вникать во все хозяйственные дела. Без его совета и благословения в обители ничего не делалось, все постройки производились по его плану и указанию, при этом часто проявлялся его удивительный дар прозорливости.

Кроме того, болезненный старец по-прежнему с утра до вечера принимал народ, занимался перепиской с просившими у него советов. При скудости средств общины милостыня его не только не уменьшилась, но и приобрела такие размеры, что даже многие из близких людей стали его осуждать. Но всегда, когда о. Амвросий отдавал последний рубль нуждающемуся, непременно в ближайшее же время в Козельскую почтовую контору приходила на его имя большая сумма денег, и строительство в Шамордине продолжалось.

Теперь туда стекались толпы народа, возмущаясь, что старец их так долго не принимает. Не всегда верили люди, что он часто лежит в своей келье навзничь в полном изнеможении, об этом он особенно скорбел: «Ведь не верят, что я слаб, — ропщут». Но и в недуге старец никогда не терял присутствия духа, хотя болезни его прилагались к болезням, скорби — к скорбям. К нему и всегда-то не очень благоволило высшее духовное начальство, но к концу жизни это неблаговоление особенно обострилось. Новоназначенный в Калугу епископ Виталий, приехав на

место, желал поскорее увидеть известного всему православному миру старца, но он все никак не возвращался в скит. Преосвященный стал высказывать неудовольствие, что старец самовольно отлучился в другой уезд, да еще живет в женском монастыре. Многочисленные посетители Оптиной пустыни разносили всевозможные слухи об оптинских и шамординских делах, часто совершенно неверные. О старце каждый толковал по-своему, в основном осуждали.

Владыка Виталий передавал через некоторых лиц, что силой увезет о. Амвросия из Шамордина, на что тот отвечал: «Я знаю, что не доеду до Оптиной, если меня отсюда увезут, я на дороге умру». К старцу обращались сестры: «Батюшка! Как нам владыку встречать?» Старец отвечал: «Не мы его, а он нас будет встречать!» — «Что для владыки петь?» — «Мы ему пропоем аллилуйя». И действительно, епископ Калужский застал старца уже в гробу и вошел в церковь под пение «аллилуйя».

В 1891 году старец Амвросий постриг в монахи своего духовного сына — известного русского философа К. Н. Леонтьева с именем Климент, благословив на жительство в Троице-Сергиевой лавре. Прощаясь с о. Климентом, старец сказал ему: «Скоро увидимся». Старец скончался 10 октября 1891 года, а его постриженник — спустя всего лишь месяц, от скоротечного воспаления легких.

Перед кончиной болезнь старца Амвросия усилилась, он потерял и слух, и голос. Его предсмертные страдания были невыносимы — он сам признавался,

что подобного не знавал всю свою жизнь. «Вот целый век свой я все на народе, так и умру». Действительно, так и пришлось старцу умереть на народе, который неотступно теснился около двери его кельи. В самую минуту смерти он также был окружен почитателями внутри самой кельи. Весть о кончине старца мгновенно облетела монастырь, и раздирающие душу крики монахинь и насельниц Шамордина слились в общий ужасающий стон беспомощности и безнадежия.

Возникли споры, где похоронить старца. Разрешать их пришлось Святейшему Синоду, и он постановил предать земле тело старца в Оптиной.

Тысячи людей сопровождали похоронную процессию из Шамордина в Оптину; стояла невероятно ветреная и дождливая погода, однако свечи в руках людей не гасли. На другой день было совершено отпевание архиерейским служением и сказано много знаменательных слов. Смерть старца стала горем для всей России, но в первую очередь для Оптиной пустыни, Шамордина и духовных чад старца. «Когда батюшку схоронили, — записал один из свидетелей, — кто-то из ближайших к нему монахов стоял у могилы, сложив крестообразно на груди руки и опустив в нее глаза. Все отправились на поминальную трапезу, приготовленную на 500 человек. Прошло часа два времени. Тот же монах все еще стоял в том же самом положении у могилы батюшки».

Старец предсказал процветание Шамординской обители. И действительно, вскоре огромный каменный 15-главый собор был закончен, поставлены боль-

шие кирпичные корпуса. Весь монастырь по своей архитектуре являл законченную художественную идею. Выстроенный из красного кирпича с белыми наличниками окон, расположением многочисленных своих строений он напоминал крепкий русский кремль. В общине были заведены различные художественные рукоделья, и Шамординская женская обитель во многом опередила Оптину пустынь.

Откуда же взялись деньги? Несомненно, по молитвам батюшки Амвросия, о святости которого явилось сразу после его кончины множество свидетельств: так, например, старец стал являться разным людям, исцеляя от болезней и наставляя в затруднительных случаях жизни. Одной своей духовной дочери в видении он сказал: «Я вас никогда не брошу».

Чайный торговец Перлов (магазин которого в китайском стиле известен до сих пор в Москве на Мясницкой улице) был духовным чадом о. Амвросия. Он и его жена много благотворили старцу. Во сне Перлову явилась Матерь Божия и повелела принять на себя попечение о Шамординской обители. Перлов отвечал, что на нем лежит бремя чайной торговли. Но Матерь Божия обещала взять на Себя его торговлю. После этого Перлов уже не щадил ни сил, ни средств для помощи Шамординской обители — туда потек его капитал.

Преподобный Амвросий Оптинский первым среди тамошних старцев был причислен к лику святых Православной Церкви. Канонизация состоялась в 1988 году, в 1000-летний юбилей Крещения Руси.

Ученик преподобного Амвросия — старец Иосиф

Владыка Виталий, который поначалу поверил было злым слухам о великом старце Амвросии, скоро во всем разобрался и скорбел вместе со всеми о кончине его и о том, что так и не повидался с прозорливцем. При отъезде из Оптиной после погребения преподобного владыка обратился к собравшимся в Казанском соборе с прощальной речью, в которой помянул заслуги о. Амвросия. Говорил он и о старчестве, как особенности Оптиной пустыни, призвав братию монастыря молиться, чтобы Господь воздвиг бы ей нового светильника, преемника в Бозе почившего старца Амвросия.

Но таковой уже существовал в Оптиной. Сам преподобный Амвросий говорил о нем: «Я поил вас вином, разбавленным водою, а о. Иосиф будет поить вас одним чистым вином», — имея в виду вино духовной мудрости. И действительно, речь о. Иосифа — в письмах ли, в устных ли беседах — всегда была сжатая, короткая, без капли «воды». Отличительной чертой характера о. Иосифа была необыкновенная скромность, деликатность, уступчивость. Его неизменно благодушное настроение благотворно влияло на окружающих. Он со всеми был мирен и умел всех смирять своею кротостью.

Еще послушником Иван Евфимович Литовк... (таково мирское имя о. Иосифа) в Оптиной был определен в келейники к о. Амвросию. Новый келейник перешел в хибарку старца, где и прожил более

полувека: тридцать лет вместе со своим наставником и еще двадцать — без него. Старец Амвросий доверял о. Иосифу во всем, называя его своей правой рукой, и до самого своего отъезда в Шамордино никогда не разлучался с ним.

Путь о. Иосифа в монашество определился без мучительных сомнений. Родился он в Харьковской губернии в благочестивой семье, где было шестеро детей. В восемь лет мальчик удостоился видения Божией Матери и с тех пор сделался тих и задумчив, уклонялся от детских игр. В одиннадцать лет Иван остался круглым сиротой, жил по чужим углам, перебивался поденной работой. Молитва стала его неизменной спутницей, а храм Божий — единственным местом утешения. Через некоторое время он поступил на службу к таганрогскому купцу, который решил даже женить его на своей дочери, видя добрый нрав юноши, но дело не сладилось. Когда о. Иосиф уже был старцем, его спрашивали, нравился ли ему кто-нибудь, пока он жил в миру, и он простодушно отвечал: «Да ведь я был близорук и никого не мог хорошо рассмотреть издали, а близко подходить совестился — был застенчив».

Купец после недолгих уговоров разрешил Ивану сходить на богомолье в Киев. По дороге юноша посетил Борисовскую женскую пустынь, в которой его сестра была монахиней. Прозорливая тамошняя старица Алипия посоветовала ему идти в Оптину к старцам. Монахини Белевского монастыря, ехавшие как раз туда, взяли молодого человека с собой. В Оптиной, шутя, они сказали о. Амвросию, что привезли с

собой «брата Ивана», на что прозорливец серьезно ответил: «Этот брат Иван пригодится и нам, и вам», — предугадав его старческое служение. Действительно, о. Иосиф стал духовником и оптинской братии, и Шамординской женской обители после смерти старца Амвросия.

Встреча «брата Ивана» со старцем, определившая всю дальнейшую судьбу Литовкина, состоялась 1 марта 1861 года. Ивану было 24 года. Выслушав его, о. Амвросий сказал: «Зачем тебе в Киев, оставайся здесь». Иван поклонился богоносному старцу и сказал: «Благословите», — тем самым вручив себя в послушание о. Амвросию. Тот же, предвидя в своем келейнике и ученике достойного преемника, с любовью приготовлял его к высочайшему служению. О. Амвросий дозволял ему входить в общение с посетителями, а некоторых просто благословлял ходить со своими духовными нуждами к о. Иосифу. Было замечено, что ответы о. Иосифа почти всегда совпадают с ответами на тот же вопрос старца Амвросия.

В 1888 году о. Иосифа постигла тяжелая болезнь. В ожидании неминуемой, казалось, смерти его постригли в схиму, а на другой день прочли отходную. После этого о. Иосиф попросил ходившего за ним брата пойти к старцу Амвросию и передать ему, что он просит отпустить его с миром. Но старец повелел посланному сказать о. Иосифу: «Свят, свят, свят Господь Саваоф». Как только пришедший произнес эти величественные слова, больной попросил чаю и с этой минуты стал выздоравливать, прожив еще четверть века.

Во время этой болезни Своего избранника вновь посетила Матерь Божия. «Потерпи, любимче мой, немного осталось,» — утешила Она его. Эти слова услышал послушник, ухаживавший за о. Иосифом. Думая, что за ширмой, где лежал больной, кто-то находится, он заглянул туда и был поражен: никого не было. «А батюшка Иосиф, — рассказывал он потом старцу Амвросию, —лежал как пласт, с закрытыми глазами. Меня такой объял страх, что волосы дыбом встали». После этого о. Амвросий говорил некоторым, что о. Иосиф в болезни сподобился видеть Царицу Небесную. Таким же ласковым именем: «Любимче мой» — называла Матерь Божия при своем явлении великого старца преподобного Серафима Саровского.

В 1890 году, отправляясь в свою последнюю поездку в Шамордино, о. Амвросий первый раз за 30 лет сказал своему келейнику о. Иосифу: «Тебя не возьму нынешний раз, ты здесь нужен». Мало того, приказал ему перейти в свою келью. С отъездом старца Амвросия монахи стали ходить исповедоваться к о. Иосифу, потом наставник стал посылать к нему и шамординских монахинь.

В скорбное для всех, а особенно для о. Иосифа, время кончины старца Амвросия он во всем величии обнаружил силу своего духа. В нем, скорбящем по своему старцу, многие скорбящие от того же нашли духовную поддержку и почувствовали, что дух о. Амвросия живет в новом старце. И оптинская братия по влечению сердца стала приходить к нему со своими духовными нуждами, и шамординские сестры

вручили себя его духовному окормлению, за ними и другие монахи и миряне.

После смерти своего духовного отца Амвросия одна помещица невыносимо скорбела и недоумевала, к кому теперь обращаться. Сидя однажды с такими печальными мыслями в глубокой задумчивости, она ясно услышала голос старца Амвросия: «Держись отца Иосифа — это будет великий светильник». Сие явление положило конец ее скорбям и колебаниям, и она с полной верой вручила себя духовному водительству о. Иосифа.

Молитва — наедине или на людях — была постоянным его занятием, его стихией. Несмотря на тяжелые болезни, приковывавшие его к постели, о. Иосиф неукоснительно исполнял молитвенные правила. Даже лежа на смертном одре, до самого последнего вздоха он не прекращал чтения молитвы Иисусовой: «Господи Иисусе Христе, Сыне Божий, помилуй мя, грешного», — перебирая бессильной рукой четки.

Это постоянное молитвенное возношение ума и сердца к Богу ясно отражалось на лице старца Иосифа, которое было всегда такое доброе, светлое, радостное, миролюбивое.

«Достаточно показаться на пороге его светлому с ангельской улыбкой лицу, чтобы сами собой разгладились морщины на моем лице, скорбь оставила прежде, чем высказал ее», «От одного воспоминания о выражении лица его делается веселее на сердце», — говорили знавшие его.

Священник из Гомеля о. Павел (Левашов) сви-

детельствовал, что явным образом видел благодать Божию, почившую на лице и голове старца. «Вошел я в убогую келейку, увидел глубокого старца, изможденного беспрерывным подвигом и молитвой, едва поднимающегося со своей коечки. Он в то время был болен. Мы поздоровались, через мгновение я увидел необыкновенный свет вокруг его головы, четверти на полторы высотою (нимб святости, как пишут на иконах. — *Н. Г.*), а также широкий луч света, падающий на него сверху, как бы потолок кельи раздвинулся. Луч света падал с неба и был точно такой же, как и свет вокруг головы, лицо старца сделалось благодатным, и он улыбался. Ничего подобного я не ожидал, а потому так был поражен, что решительно забыл все вопросы, которые толпились в моей голове; наконец я едва сообразил, что хотел у него исповедоваться, и начал, сказав: «Батюшка, я великий грешник». Не успел я сказать это, как в один момент лицо его сделалось серьезным, и свет, который лился на него и окружал голову, скрылся. Так продолжалось недолго. Опять заблистал свет вокруг головы, и опять появился такой же луч света, но теперь в несколько раз ярче и сильнее.

Я не мог оторваться от столь чудного видения и раз десять прощался с батюшкой, и все смотрел на его благодатный лик, озаренный ангельской улыбкой и этим неземным светом, с которым я и оставил его... Свет этот не имеет сходства ни с каким из земных светов, как-то: солнечным, фосфорическим, электрическим, лунным и т. п., ничего подобного в видимой природе я не видел. Я объясняю себе это видение

тем, что старец был в сильном молитвенном настроении, и благодать Божия видимо сошла на избранника Своего».

Молитва о. Иосифа имела необыкновенную силу, с ее помощью он исцелял людей как от душевных, так и от телесных болезней.

Одна особа, живя в Оптиной, сильно заболела и попросила привести себя в хибарку к батюшке. Он ее принял и, дав в руки свои четки, прошел в келью, велев подождать. Когда он вышел, она совершенно исцелилась.

Вот выдержки из писем духовных чад о. Иосифа.

«Батюшка, писала вам об Н., что он был горький пьяница; ваши вздохи дошли до Господа: не пьет теперь, в храм ходит, раньше и слушать не хотел, читает хорошие книги, собирает свое хозяйство и т. д.».

«Чрез ваше ходатайство пред Богом сколько отрады, сколько утешения бывает в семьях! Писала я об одном П. — страшно пил и был жесток с семьей. Переменил себя во всем по вашим святым молитвам, семья счастлива. Об одной писано было, что больна, теперь ей хорошо. У другой муж пропадал безнадежно, писала вам об нем, и вот пришел: дети и жена счастливы. Невольно слезы льются при виде всего этого. И как не благодарить Господа, что Он через ваши святые молитвы так щедро посылает подобные утешения! Где же неверующие в Бога? Пришли бы и уверовали, когда бы все проследили. И еще, еще много случаев на моих глазах: все утешены, кто бы ни прибегал к вашим святым молитвам».

Духовной дочери о. Иосифа, монахине Исааковской Богородичной пустыни Лидии перед ее смертью было чудесное видение. Она увидела Царицу Небесную и Самого Господа с ликом святых. Но мгновенно озарившая ее лицо радость сменилась выражением ужаса. Долго смотрела больная как-то странно вверх, как бы ожидая чего-то, затем радостно перекрестилась и сказала: «Слава Тебе, Господи! Слава Тебе, Господи! Умолил, умолил, теперь я ничего не боюсь, теперь и мне будет хорошо!» Когда у нее спросили: кто за кого умолил, она ответила: «За меня батюшка Иосиф. Как он молился и умолил! Теперь уж мне будет хорошо, только батюшку я здесь не увижу, я скоро умру. Напишите ему поклон и поблагодарите за все». Потом больная, взглянув на портрет о. Амвросия, прибавила: «И этот угодничек Божий тоже за меня молился».

У одной барышни, также духовной дочери о. Иосифа, болел желудок. Она приехала к о. Иосифу, сказала ему, что лечится, а потому по постным дням ест скоромное. А он ответил: «Займись-ка ты лучше своим горлом — полечи его, а постное все же есть надо». Она по приезде домой пошла к доктору, показала ему горло, и выяснилось, что если бы не захватили вовремя, то могла бы быть горловая чахотка.

Сколько подобных случаев передавалось из уст в уста, когда по молитвам старца одни избавлялись от болезней или даже от неминуемой смерти, другие — от грозящей им беды. В этом случае прозорливость старца обнаруживалась яснее ясного.

Одна шамординская сестра рассказывала такой

случай. Однажды зять ее пожелал встретить день своего ангела в Оптиной пустыни. Накануне он приехал в монастырь, а о. Иосиф говорит ему: «Нет, уезжай ранним поездом домой: как бы чего не случилось — сильная буря». Зять никак не хотел уезжать, но старец насильно проводил его, дав просфору, на которой было написано пять женских имен. Вернулся зять домой, жена и гости удивились, а он в ответ подает просфору и смеется: какие-то пять женских имен — что за загадка? В полночь вдруг загорелся его дом и поднялась сильная буря. Пять женщин, увидевшие пожар, стали стучать в дверь, еле достучались: в доме все крепко спали. Но достучались-таки... Зять выскочил со своими домочадцами в чем был, все же дом и лавку отстоять от огня удалось. Пять женщин, что спасли жизнь семейству, имели как раз те имена, которые батюшка написал на просфоре.

«На четвертом году по поступлении в обитель, — писала послушница Шамординского монастыря, — я по благословению батюшки уехала на родину определить брата в духовное училище, а мать — в монастырь. Пишу с родины батюшке, а он отвечает: «Помогай матери, кончай дело и с ней приезжай». Но обстоятельства заставили меня вернуться одну, без матери. Приезжаю к батюшке и рассказываю ему все, а он говорит: «Опасно ей там жить». И что же случилось? Этим же годом в принадлежащем нам другом доме убили четырех человек. Прошло больше года, как один преступник попался за малую кражу, его посадили в тюрьму. Тут он сознался, что был

участником в убийстве наших квартирантов: его приводили к нашему дому, и он все показал —где двери прорезали, где кого убили, все верно. Притом он сказал: «Мы подходили и к вдове Тимошенковой и хотели ее захватить спящую, но как подойдем к окну — видим, что она не спит: или на диване сидит с котенком играет, или еще что делает, и на нас нападал какой-то страх». Так повторялось несколько раз, и в конце концов они пошли к нашим квартирантам. Но удивительно, мама моя никогда не любила кошек в руках держать, очевидно, разбойникам так представлялось. Не батюшкины ли молитвы защитили маму? Квартирантов четверых убили, а мама оставалась одна с мальчиком, разбойников же было 6 человек. Всем было на диво».

Одна женщина спрашивала у о. Иосифа: «Как быть, вот уже четыре года неизвестно, где пропадает мой сын». Она уже считала его умершим. Преподобный отвечал: «Отслужи молебен Казанской Божией Матери, молись о здравии, сын твой найдется». Через некоторое время сын действительно объявился: прислал ей 10 рублей и написал, где он.

В 1894 году старец Иосиф после смерти старца Анатолия был назначен скитоначальником, за год до этого его сделали по общему выбору и желанию всей братии духовником Оптиной.

Будучи человеком внутренней, сокровенной жизни, он тем не менее принял на себя — просто и покорно — это великое служение, и оказалось, что о. Иосиф удивительным образом соединял начальнические обязанности с долгом старчества. По отноше-

нию к братии он был тверд, строг и взыскателен, учил терпению, смирению и послушанию. Но учил этому не со властью начальника, а с любовью отца. Монахи говорили про него: «Наш батюшка чего не сделает приказанием, то доделает своим смирением; так скажет и взглянет, что и не хотелось бы смириться, да смиришься».

Он любил повторять мудрое изречение: «Если не от Бога дело сие, то само разорится», — и верил в его справедливость.

12 лет преподобный Иосиф был скитоначальником и духовником Оптиной. Перед смертью он настолько изнемог по болезни, что упросил уволить себя на покой и отказался от духовничества, однако духом оставался бодр, не переставая привлекать к себе и монахов, и мирянок — кому, что называется, еще везло выслушивать советы удивительного старца. «Умираю», — говорил он радостно, погруженный в молитву.

Кончина его совершилась мирно. На одре болезни «лицо его было озарено таким неземным светом, что все присутствующие были поражены: мир и глубокое спокойствие запечатлелись на нем. Дыхание становилось все реже, губы чуть заметно шевелились, что свидетельствовало, что присный (истинный) делатель молитвы окончит ее только тогда, когда дыхание смерти заключит его уста... 9 мая 1911 года в 10 часов 45 минут старец испустил последний вздох. Ангельская улыбка озарила его благолепный лик и застыла на нем. В эту ночь некоторые из иноков, не зная еще, что старец скончался, видели его во сне

светлым, сияющим и радостным. В последующие дни он также являлся многим и на вопрос: «Как же, батюшка, ведь вы умерли?» — отвечал: «Нет, я не умер, а напротив, я теперь совсем здоров».

Другое посмертное явление старца сопровождалось благодатной помощью. В ту ночь, когда он скончался, одна белевская монахиня, жившая по своей бедности лишь помощью о. Иосифа и очень скорбевшая, как она теперь будет существовать, увидела его во сне — светлого и радостного. «Не скорби, — сказал он, — вот тебе батюшка Амвросий посылает на нужды 25 рублей». Проснувшись и узнав, что старец скончался, она подумала, что теперь не только батюшка Амвросий, но и о. Иосиф никогда не пришлет ей денег, других материальных источников у нее не было. Каково же было ее удивление, когда через несколько дней она получила по почте 25 рублей. Вскоре та же благодетельница прислала ей еще 25 рублей, вспомнив, что когда-то о. Иосиф просил помочь этой бедной монахине.

На девятый день на могиле старца исцелилась одна бесноватая. Она долго страдала от какой-то непонятной болезни, ничто не помогало, и никто не мог определить, что с ней. Случайно придя в Оптину в то время, когда скончался о. Иосиф, она в церкви приложилась к его мертвой руке и тотчас начала кричать, после чего не могла спокойно ходить мимо могилы старца, каждый раз упиралась и кричала: «Боюсь, боюсь его!» Сопровождавшие крестьянки насильно положили упиравшуюся больную на могилу.

Тогда она вдруг успокоилась и, полежав так некоторое время, встала совершенно здоровой.

«Старец Иосиф, жизнь моя, радость и утешение! Весьма много помог ты мне и утешил в первые дни моей жизни и постоянно утешаешь и наставляешь во всех делах и случаях: без тебя не знаю, что было бы со мною...» — так писал в дневнике один из послушников старца Иосифа. Тысячи людей имели о нем подобное мнение. Без него все они осиротели.

Старцы Анатолий (Зерцалов) и Исаакий Оптинские

Во времена преподобных Амвросия и Иосифа в скиту Оптинском старчествовали еще два духовных мужа — о. Анатолий (Зерцалов) и о. Исаакий. Оба они умерли в одном и том же году — 1894-м, всего лишь через три года после Амвросия Оптинского. Действительно, для Оптиной последняя треть XIX века была как бы плодоносной осенью. И о. Анатолий, и о. Исаакий были знакомы с первыми оптинскими старцами — Львом и Макарием, получили от них истинно духовную пользу, прошли, как и все оптинские старцы, тяжелый путь молитвенного трезвения, постепенно набираясь опыта старчества.

Время их служения пришлось на тот период, когда Оптина стала известна на всю Россию и туда устремились тысячи паломников. Более всех был известен Амвросий Оптинский, и как бы в тени его

огромной народной популярности скрывались несомненные дары старчества — утешать, назидать и увещевать — о. Анатолия, скитоначальника после преподобного Илариона, умершего в 1873 году, и о. Исаакия, настоятеля Оптиной пустыни в течение 32 лет после преподобного Моисея.

О. Анатолий (Зерцалов) имел, по словам старца Амвросия, особый дар утешать молодых. Возможно, причина того была в характере старца, который каждого из своих духовных чад считал самым дорогим и любимым. А молодые особенно прислушиваются к тем, кто проявляет к их особам повышенный, если не исключительный, интерес.

Сам же о. Анатолий избежал свойственных молодости соблазнов, потому что стремление к монашеству появилось у него в раннем возрасте. После окончания семинарии он несколько лет прослужил в Казенной палате и ожидал лишь одного — явного знамения, указания Божия об избранном пути. И надежда его оправдалась. Он одновременно с двумя товарищами-чиновниками заболел чахоткой. Тогда молодой человек дал в сердце своем обет: если выздоровеет, то поступит в монастырь. Товарищи его вскоре умерли, а он стал поправляться. Когда же выздоровел, то отказался от службы, сходил с матерью, которая желала видеть среди своих шестерых детей иночествующих, на богомолье, пришел в Оптину пустынь, благо она находилась в родной Калужской губернии, и остался там навсегда.

Наставником его стал преподобный старец Макарий, который в шутку называл его «высочайшим» не

только из-за его высокого роста, но более имея в виду его высокие духовные дарования, которые прозорливый старец разглядел в будущем. Несмотря на доброе расположение к нему старца, жизнь послушника Зерцалова в монастыре была полна трудностей и скорбей. О. Макарий искусно вел его опасной для большинства тропой восхождения к высотам иноческого подвига. Сначала он работал на кухне, где приходилось мало спать, да к тому же на дровах. Затем его переводили из кельи в келью: чуть обвыкнет — и в новую... Наконец его поселили в башне, где собрат его не признавал старчества и был с ним груб. От непривычки мало спать и тяжелого физического труда у него болела голова. Иногда он целыми днями лежал на своем убогом ложе и некому было подать стакана воды... Терпеливо перенося все эти испытания, о. Анатолий вырабатывал в себе дух смирения, терпения и кротости.

Однажды приехал в Оптину пустынь будущий святитель Игнатий Брянчанинов, который пожелал беседовать с тем из братии, кто опытно проходил святоотеческое учение о молитве Иисусовой. Преосвященный Игнатий долго говорил с о. Анатолием и по окончании беседы выразил свое удивление и уважение к нему, говоря, что рад был встретить такого образованного и опытного в духовных предметах инока, знакомого также и со светскими науками. Почетный гость долго расхваливал о. Анатолия, которого послали к нему оптинские старцы. На полдороге к скиту о. Анатолий встретил старца Макария и простосердечно все ему пересказал. Старец, окруженный

множеством народа, лишь только услышал о похвалах, принял грозный вид и при всех стал обидно укорять о. Анатолия, напоследок сказав: «А ты вообразил о себе, что такой умный! Ведь Преосвященный — аристократ, на комплиментах вырос, он из любезности сказал тебе так, а ты и уши развесил, думая, что это правда!» Со стыдом отправился в свою келью монах о. Анатолий. А о. Макарий тогда сказал: «Ведь вот как не пробрать? Он монах внимательный, умный, образованный, уважаемый людьми. Долго ли загордиться?»

Когда преподобный Макарий на время уезжал из обители или был занят делами по управлению скитом, то благословлял о. Анатолия ходить за разрешением духовных вопросов к о. Амвросию. Когда же скончался старец Макарий, о. Анатолий и о. Амвросий, потеряв любимого старца и руководителя, особенно сблизились. О. Амвросий видел, что о. Анатолий достиг высокого духовного устроения и созрел, чтобы наставлять других, потому постепенно стал вводить его в курс старческого служения, делая его своим сотрудником и первейшим помощником.

По просьбе же старца Амвросия о. Анатолий был назначен скитоначальником. В 1870 году, еще до этого назначения, о. Анатолий по утверждению Святейшего Синода был определен на должность настоятеля мужского монастыря в Вятской губернии с возведением его в сан архимандрита. Но ради трудов старчества и послушания старцу Амвросию о. Анатолий отказался от карьеры.

Первая шамординская настоятельница — София

была необыкновенно расположена к о. Анатолию. О. Амвросия она называла великим, а о. Анатолия — «нашим апостолом». Большинство сестер Шамординской обители было передано о. Амвросием старческому окормлению своего помощника, который стал духовником-утешителем насельниц любимого детища святого Амвросия. До слез, до сердечной боли переживал о. Анатолий за своих духовных чад. Особенно он любил детей, и когда в Шамордине организовался приют, то старец Анатолий, несмотря на множество разнообразных дел, стал его усердным попечителем и имел на детей огромное нравственное влияние. Дети были с ним столь откровенны, что когда после исповеди кто-нибудь вспоминал нерассказанный грех, то писал старцу письмо, и тот всегда отвечал и давал наставление ребенку.

Многие из сестер остались верны многотрудной жизни монахини только благодаря влиянию и утешению о. Анатолия. Двадцать один год служил старец Анатолий своим чадам-насельницам, потому неудивительно, что они относились к нему, как к отцу родному, что поощрял сам Амвросий Оптинский. Он не раз говорил шамординским монахиням: «Я редко вас беру к себе на беседу, потому что я за вас спокоен: вы с отцом Анатолием».

О. Анатолий был великий утешитель монашествующих и мирян, а по дару прозорливости ему были открыты судьбы его духовных детей. Предвидя близкую смерть кого-либо из них, болезни или невзгоды, он осторожно предупреждал о несчастьях, внушая принимать любые испытания с покорностью Богу.

Воспоминания его духовных детей полны описаний подобных случаев.

«Я по поступлении в монастырь заболела. Мне было 15 лет, доктора нашли у меня порок сердца и горловую чахотку и сказали, что я скоро умру, но мне не хотелось умирать. Батюшка сказал мне: «Читай, как можешь — и сидя, и лежа, молитву Иисусову и все пройдет». Так я и сделала, и за святыми его молитвами выздоровела. С тех пор прошло 23 года, и я живу, и послушание несу по силам, и делаю все для себя, хотя и не имею большого здоровья, а прежде не могла и по келье ходить».

Другой пример прозорливости. Одна сестра была благословлена на пострижение в монахини, но почему-то отказывалась. Старец Анатолий сильно огорчился, три раза задавал вопрос: «Что, приехала в мантию постригаться?» Она троекратно отвечала: «Нет, но думаю, что слова ваши так не пройдут». Старец ответил: «Нет, пройдут». Так и случилось: старец вскоре умер, а эта сестра так и осталась непостриженной в мантию, о чем сильно горевала.

Несмотря на то что в Оптиной в последней трети XIX века старчествовали несколько известных старцев, к о. Анатолию ежедневно приходило до 200 писем, на которые он старался незамедлительно отвечать. Большинство из его адресатов были теми, кто хоть однажды побывал у о. Анатолия в скитской хибарке.

Когда скончался старец Амвросий, о. Анатолий словно осиротел духовно и сам стал быстро приближаться к закату жизни. Он еще успел съездить в

1892 году в Петербург и Кронштадт, где встретился со святым праведным Иоанном Кронштадтским. Оба старца чувствовали друг к другу взаимное уважение. 10 октября старец Анатолий вместе с о. Иоанном служил литургию в память о. Амвросия, после чего имел беседу с кронштадтским пастырем. Как вспоминал оптинский старец Варсонофий, когда началась литургия, о. Иоанн ясно увидел, что с батюшкой Анатолием сослужают два ангела.

Столичные врачи нашли у о. Анатолия отек легких. Эта болезнь стала принимать угрожающие размеры. В конце 1893 года старец тайно был пострижен в схиму и через 40 дней мирно предал дух свой Богу. Шел ему 70-й год.

Полгода оставалось жить и 85-летнему настоятелю Оптиной старцу Исаакию. С самого вступления в эту должность в возрасте 52 лет игумен Исаакий вручил себя духовному руководству старца Амвросия, относясь к нему с неизменной преданностью и сыновней любовью. А надо заметить, что о. Амвросий был на два года моложе о. Исаакия. Каждую субботу накануне служения игумен отправлялся для исповеди в скит и, сидя в приемной преподобного Амвросия вместе с другими, смиренно дожидался своей очереди, которая, бывало, не скоро до него доходила. Без совета старца о. Исаакий в пору своего настоятельства никогда не приступал ни к какому важному делу.

В историю Оптиной пустыни преподобный Исаакий вошел как многопопечительный строитель, при нем возводились новые корпуса, обновлялись храмы,

было завершено строительство водопровода, воздвигнуты новые гостиницы. По завещанию предыдущего настоятеля, преподобного Илариона, игумен Исаакий построил новую больницу с церковью во имя Илариона Великого. При больнице была устроена аптека, снабженная всем необходимым для лечения братии и посетителей Оптиной пустыни.

Возрастал спрос на духовную литературу, поэтому был построен новый большой корпус для книжной лавки. Простому народу, во множестве приходившему в обитель, бесплатно раздавались крестики, священные изображения, книжечки нравственного содержания и получившие большую популярность «Троицкие листки».

На все это нужны были огромные средства. Откуда же они являлись? «Я принял обитель с одним гривенником», — вспоминал о. Исаакий. Тяжелое материальное положение монастыря в первое время было нелегким испытанием для нового настоятеля. Но именно оно и послужило укреплению его веры в Промысел Божий, в Господне попечение о благословенной Оптиной. Много раз было так, что не на что было содержать братию. В один из таких скорбных моментов вдруг пришло известие об уплате долгов обители благотворительным помещиком и о завещании неким жертвователем 15 тысяч рублей. Возблагодарил Бога преподобный Исаакий, восклицая: «Господи! Я, неблагодарный, не имея на Тебя надежды, стал было сетовать, а вот уж и помощь Тобою послана».

С тех пор преподобный Исаакий не переставал

возлагать надежду свою на Господа и более не имел материальных нужд, ибо доходы монастырские ощутимо стали увеличиваться и не оскудевали почти во всем время его настоятельства. Надо думать, что некоторые навыки ведения огромного монастырского хозяйства о. Исаакий приобрел в мирской своей жизни: он происходил из старинного, весьма зажиточного купеческого рода Антимоновых из Курска. Дед его проводил благочестивую христианскую жизнь, сумев привить любовь и ревность к посещению храмов Божиих всему своему многочисленному семейству. Желание уйти в монастырь созревало у внука, в миру Ивана Антимонова, постепенно; он вел воздержанную жизнь, умудряясь скрывать свои подвижнические устремления от близких. Иван до 36 лет делал несколько попыток сватовства, но все они оказывались неудачными. Наконец он сказал отцу о своем твердом намерении пойти в монахи.

Оптина пустынь была ему уже знакома — там монашествовал старший брат Михаил. Навещая его, Иван познакомился со старцем Львом, который и предсказал молодому преуспевающему купцу, что со временем и он станет иноком. После смерти старца Льва сердечные духовные отношения завязались у него со старцем Макарием. Он-то и написал Ивану письмо, зовя поскорее приехать в Оптину. Это письмо помогло ему оставить мирские привязанности. Семь лет Иван Антимонов был послушником, в 1854-м принял постриг с именем Исаакия и с этого времени оставил даже невинные шутки, которые так любил по своему природному дару остроумия. Без-

молвие постепенно стало естественным состоянием о. Исаакия, он даже уклонялся от принятия сана священства, опасаясь, что полюбит славу мира сего. Только после старательного и убедительного слова старца Макария о. Исаакий со слезами согласился на священство. Спустя несколько лет подобная история повторилась при его посвящении в сан игумена.

Старец Макарий специально предпринял поездку в Москву к митрополиту Московскому Филарету и получил его благословение на избрание о. Исаакия настоятелем. Когда слух об этом дошел до смиренного иеромонаха, он тотчас отправился к старцу, стараясь отклонить назначение. Но преподобный Макарий ответил о. Исаакию: «Если воля Божия будет на это и будут тебя избирать, то не отказывайся. Только не гордись!»

Воля Божия оказалась благосклонной именно к о. Исаакию, который, как сказано, стал руководителем и успешным хозяином монастыря. Его заботами, помимо уже перечисленных дел, был устроен в скитской церкви придел во имя преподобного Макария Египетского в память почившего старца Макария, приобретен большой колокол 750 пудов весом, были куплены лесные и луговые участки, построен свечной заводик.

Однако, обращая большое внимание на внешний порядок и устройство монастыря, еще большее попечение о. Исаакий имел о внутреннем душевном благоустройстве монашествующих. На опыте познав пользу и силу старчества, о. Исаакий предоставил заниматься духовным руководствам братии старцам

Амвросию, Иосифу, Анатолию, но и сам не оставлял монахов без наставлений. Особенное внимание настоятель обращал на неопустительное посещение монахами храма Божия. Сам строго наблюдал за соблюдением церковного устава, чинного пения, неспешного, ясного чтения и благоговейного поведения в храме, точно зная, что исправление монаха идет от внутреннего к внешнему. Впрочем, это касается любого человека.

О. Исаакий, если замечал в ком-нибудь из братии гордость или тщеславие, желание выказать свои таланты пред ним или братией, напоминал о монашеском обете плакать о грехах своих, а не кичиться Богом данными, природными талантами. Особенно старался настоятель искоренять дерзость и упрямство: если брат даже после старческого внушения и наложенного на него наказания не исправлялся, то о. Исаакий высылал его из обители, дабы не распространился среди немощных соблазн дурного примера. Такое случалось редко, и чистосердечно раскаявшегося он вновь принимал в стены обители. О. Исаакий старался поступать со всеми сообразно духовному устроению и даже мирским привычкам каждого. И мудрость подобного обращения была сродни настоящей прозорливости.

Заботясь о нравственном совершенстве монашествующих, настоятель неохотно отпускал кого-либо из монастыря, особенно на долгий срок, считая, что пребывание в миру вредно отражается на духовном устроении монаха. Исключение делалось лишь для поездок по монастырским делам по послушанию,

сила которого способна сохранить инока от мирских искушений.

Некий послушник из ученых, прослушавший курс Московского университета, ушел из Оптиной, долго скитался по разным местам, через некоторое время явился к игумену Исаакию, наговорил ему немало дерзостей и закончил так: «Вот ты игумен, а не у́мен». Спокойно выслушав безрассудные речи, настоятель ответил: «А ты вот хоть и у́мен, да не игумен».

Настоятельство о. Исаакия в Оптиной — это целая эпоха русского монашества, совсем иная, нежели во времена первых оптинских старцев. Годы его правления совпали со всеобщим ослаблением нравов среди мирских людей вследствие упадка веры и уважения к Православной Церкви, надежды на истинного подателя всяческих благ Бога Творца. А потому и поступающие из мира в монастырь, зараженные духом гордости, самомнения и противления законной власти, естественно, вносили в обитель эти немо́щи человеческие, подстрекая к нестроениям. Меры строгости, применявшиеся прежде, более и более сменялись снисхождением к немощным. Часто скорбящие о чем-либо монахи успокаивались от слов своего настоятеля: «Какие у нас скорби? У нас не скорби, а скорбишки. Вот в миру так скорби: жена, дети, обо всем забота; а у нас что? Полно Бога гневить, надо только благодарить Его...»

Все более тяготило настоятеля бремя правления, потому что чувствовал он великую ответственность пред Богом за вверенных ему иноков. Они же люби-

ли и уважали своего строгого начальника и любвеобильного отца, всегда имеющего заботу о каждом, называли его между собой не иначе как «дедушкой». Описаны случаи, когда по молитве к еще живому «дедушке» люди избавлялись от смертельной опасности.

В 1887 году Оптину посетил президент Российской академии наук великий князь Константин Константинович. Простота и духовная мудрость 77-летнего старца Исаакия произвел на него глубокое впечатление. Впоследствии он часто говорил, что подобных людей ему не приходилось видеть. С тех пор общение между великим князем и настоятелем Исаакием не прекращалось до самой его блаженной кончины.

В июне 1894 года началась предсмертная болезнь старца. Братия, убедившись в неминуемом печальном исходе, стала ходить к 85-летнему о. Исаакию за последним благословением. «Как, батюшка, жить после вас?» — спрашивали монахи. «Живите по совести и просите помощи у Царицы Небесной», — был ответ святого старца.

Последние оптинские старцы

Преподобный Варсонофий Оптинский

Лишь одно-два десятилетия отделяли время последних оптинских старцев от того события, которое долгое время называлось Великой Октябрьской социалистической революцией. На деле же это был страшный государственный переворот, потрясший основание огромной Российской империи, ее православное мироощущение, перевернувший с ног на голову истинные ценности, исковеркавший многовековой народный уклад жизни. Духовный смысл этой катастрофы последние оптинские старцы прекрасно понимали, предупреждали о надвигающемся на Россию гневе Божием за ее богоотступничество, молились, дабы минула страну горькая чаша сия.

Преподобные отцы Анатолий (Младший), Нектарий, Никон и Исаакий-священномученик приняли мученическую кончину после кровавого переворота,

на собственном опыте испытав суровые последствия того, о чем предсказывали и предупреждали.

Преподобный Варсонофий Оптинский умер за несколько лет до революции. Его судьба, возможно, была самой знаменательной среди удивительных судеб преподобных оптинских старцев.

Знамения сопровождали Павла Ивановича Плиханкова, будущего великого старца Варсонофия, с детских лет. Родом он был из оренбургских казаков, из семьи потомственных дворян, состоятельных и благочестивых. В шестилетнем возрасте с ним произошел достойный внимания случай. Они с отцом гуляли по парку, окружающему их дом и охраняемому сторожами и собаками, и вдруг увидели убеленного сединами старичка, который, подойдя к отцу, сказал: «Помни, отец, что это дитя будет в свое время таскать души из ада». Сказав это, он повернулся и внезапно исчез.

Как положено дворянскому сыну, Павел Плиханков окончил гимназию, затем Оренбургское военное училище, выйдя из него офицером. В Петербурге он окончил казачьи офицерские штабные курсы, участвовал в пограничных боях в Туркестане. Служил в штабе Казанского военного округа.

Не раз приступали к нему в это время с предложением обзавестись семьей. Однажды пошел Павел Плиханков на большой званый обед, чтобы приглядеться к невестам. «Ну, думаю, — вспоминал старец, — с кем мне придется рядом сесть, с тем и вступлю в пространный разговор». Случилось, что рядом с молодым офицером поместился священник,

человек высокой духовной жизни, и завел с ним беседу о молитве Иисусовой. Павел Иванович так увлекся, слушая его, что совершенно забыл о невестах. С окончанием обеда созрела твердая решимость не жениться никогда, а посвятить жизнь Богу. Но мир еще не хотел отпускать его. «Приходилось делать по службе приемы, приглашать оркестр, устраивать танцы, были карты, вино. Меня это очень тяготило...» Сослуживцы часто называли Павла Ивановича идеалистом. Постепенно он перестал посещать шумные компании, все чаще оставался дома или ходил на монастырские службы. «Слыхали ли вы, Павел-то Иванович с монахами сошелся». — «Неужели? Вот несчастный человек!» — судачили о нем.

Жизнь готовила ему блестящую военную карьеру: он уже имел чин полковника и был старшим адъютантом штаба Казанского округа...

Однажды по долгу службы полковнику пришлось оказаться в Москве. Уже на вокзале узнал он, что в одном из храмов служит известный на всю Россию о. Иоанн Кронштадтский. Немедленно помчался он в этот храм. Затаив дыхание, вошел в алтарь. Литургия заканчивалась. О. Иоанн переносил Святые Дары с престола на жертвенник. Вдруг случилось неожиданное. Святой батюшка, поставив чашу, подошел к молодому офицеру, поцеловал его руку и молча отошел к престолу. Все присутствующие переглянулись и говорили после, что это означает какое-либо событие в его жизни; решили — будет священник. Однако праведный Иоанн Кронштадтский предузнал в пришедшем офицере будущего старца-схимника.

Однажды в руки Павла Ивановича попала книга, в которой он прочел про Оптину пустынь и старца Амвросия, к которому тысячи людей стекались за разрешением своих недоумений. В августе 1889 года он, в белом кителе, при полковничьих погонах, прибыл в монастырь и сразу же пошел к старцу, который после беседы с полковником благословил его за два года закончить в миру все дела, прибавив, что если он не вернется в Оптину к указанному сроку, то погибнет. Осенью того же года Плиханков внезапно заболел воспалением легких, врачи признали его состояние безнадежным. Почувствовав приближение смерти, он попросил денщика читать Евангелие, сам забылся... И было ему чудесное видение. Внезапно увидел он Небеса открытыми и весь содрогнулся от великого страха и света. В одно мгновение вся прошлая жизнь пронеслась перед ним. Со слезами понял он необычайную глубину евангельских слов, и тогда величайшее покаяние пронзило душу умирающего. «Из блестящего военного в одну ночь, по соизволению Божию, он стал великим старцем» — так сказал о случившемся старец Нектарий. Больной, к удивлению всех, выздоровел и занялся тем, что повелел старец Амвросий. Но возникло вдруг множество препятствий. В Петербурге вместо отставки ему предложили генеральскую должность, окружающие, противясь его уходу из мира, подыскали красавицу невесту, сослуживцы смеялись над ним, он же не находил денег, чтобы расплатиться с долгами. Господь словно проверял искренность намерений Павла Ивановича. Вдруг все устроилось. Под Рождество Христово

1891 года, докончив мирские дела, он приехал в Оптину. Отца Амвросия два месяца как не было в живых. Полковника встретил преемник старца, скитоначальник преподобный Анатолий. 46-летний Павел Иванович Плиханков был принят в число послушников скита и определен келейником о. Нектария, будущего старца оптинского. Три года ходил послушник Павел к старцу Анатолию для долгих духовных бесед, после же его кончины в 1894 году почти целое десятилетие провел в уединении за чтением святоотеческих книг и молитве. Духовником его был старец Нектарий. Так, войдя «в меру возраста духовного» и пройдя соответствующие степени монашеского посвящения, послушник Павел стал иеромонахом Варсонофием. В 1903 году он был назначен помощником скитоначальника о. Иосифа, а также духовником скита и Шамординской обители.

В 1904 году началась русско-японская война, и о. Варсонофия отправили на Дальний Восток, на фронт, в качестве священника при лазарете. Тяжелейшее испытание после 10-летнего уединения, связанное с желанием некоторых недоброжелателей старца удалить его из монастыря. Но Бог хранил своего избранника. Через год он возвратился в скит. «Чаял я тогда, оставив все попечения внешние, в тишине келейного безмолвия оплакивать грехи мои, слезами очищать и уготовлять душу свою к переходу в вечность, но Бог судил иначе», — вспоминал о. Варсонофий.

В 1907 году он был возведен в сан игумена и назначен скитоначальником, потому что старец

Иосиф по болезни более не мог заниматься делами. За послушание принял новый тяжелый крест начальствования о. Варсонофий, и вот тогда-то и открылось широкое поле для его духовной деятельности. Строгость его аскетической жизни, богословская начитанность и дар рассуждения очень скоро привлекли к нему внимание множества людей, ищущих спасения. Старцу Варсонофию был дан от Бога удивительный дар сразу располагать к себе душу кающегося грешника. Он мог одновременно подтолкнуть человека к чистосердечной исповеди, показать всю тяжесть и безобразие грехов и при этом влить в душу надежду на спасение.

Особенно умел о. Варсонофий разговаривать с интеллигентной молодежью. Революционный азарт начала XX века породил небывалую смуту во всей России.

«Моей поездке в Оптину предшествовали всем памятные события 1905—1906 гг., так страшно перевернувшие столько умов, сбившие с толку многих, казалось бы, и не слабых голов, — писала позже одна из его духовных дочерей Е. Шамонина. — Меня же эти годы застали девятнадцатилетней курсисткой, с понятиями неустановившимися, мировоззрением несоставленным и головой, набитой писаниями русских и иностранных авторов, каких было много в те времена на тему: «свобода слова, печати, веры и прочие свободы». Долго кидалась я от человека к человеку, от книги к книге, от Толстого к Бебелю, от обоих к епископу Феофану, оттуда к писаниям лиц, пытавшихся самые ужасные разрушительные

идеи совместить с Евангельским учением, — и ни на чем не могла остановиться, ни в чем не находила успокоения и точки опоры. Сколько раз пыталась я заставить себя поверить какому-нибудь учению, привлекавшему сотни последователей, но стоило только сопоставить его с прекрасным образом Христа Спасителя, каким я Его представляла с детства, — и все «идеи» рассыпались в прах: нет, здесь Спасителя нет, эти мысли, эти взгляды Он не благословил бы... И опять начинались поиски, опять томление духа, опять кидание от книги к книге, от человека к человеку. Доходила даже до такого состояния, что обращалась к Богу, моляcь о помощи, о свете, об избавлении от охватывающей меня тьмы, — света все не было. Только изредка, как яркий луч в темноте, как проблеск чистого неба среда грозных туч, мелькало воспоминание, как почти ребенком была я в Сарове, и вот образ Серафима с его радостной любовью манил меня к себе. Но ведь о. Серафим давно умер, а теперь разве может быть такая или подобная ему личность? Теперь все ценится на деньги, и кому нужна моя бедная голова, запутавшаяся в мыслях, учениях, моя душа, плачущая по чему-то, ей самой не понятному? Да и как заговорить о своем томлении с кем бы то ни было? Кто поймет меня, когда я сама себя не понимаю? Да и о. Серафим был монахом, а что такое теперь монахи? И приходили на ум насмешки многих моих знакомых над бесцельностью монашества, над бездеятельностью якобы жизни иноков, над распущенностью монастырей. Нет, негде искать успокоения...

Почти насильно добрые люди послали меня в Оптину пустынь, куда я приехала летом 1907 года. Пошла в скит и попала в хибарку слева от Святых ворот...»

Подобное тому, что рассказала о себе духовная дочь о. Варсонофия, могли рассказать многие из искренне ищущих спасения молодых людей, зараженных гордыней ума. Таковые, принадлежащие к интеллигентским кругам, отличались и отличаются от простецов тем, что не могут поверить просто, по-детски, без собственных умствований. Путь к свету им не близкий. Как правило, не с первого раза снисходит на них свет истины. «Ушла я из хибарки в монастырь и думала, что не ошиблась, мало ожидая от знакомства с о. Варсонофием. Человек как человек, про мои недоумения и слушать не стал, да и ему ли их разрешить... Да и то сказать, монастырские старцы могут удовлетворить серый, простой люд, — где же им разобраться в думах интеллигентного человека...»

Но вот наступает момент, когда человек снова, будто поневоле, приходит к старцу и тогда... «Вышла я из его кельи через полтора часа, как вошла в нее, — но вышла вовсе уничтоженная. Стыдно было не только людей, но даже этих задумчивых сосен оптинского бора; казалось, и они знают, какая я нечистая, скверная. Куда девалась моя интеллигентская самонадеянность, — на задний план ушли все умственные вопросы и недоумения, и вместо рассуждений о благе всего человечества и прочем встал вопрос о спасении бедной души моей, которой я до сих пор и не знала вовсе, которую держала где-то под спудом

и которую во всей ее наготе показал мне совершенно неожиданно этот чудесный старец...»

Только в таком состоянии возможно человеку встать на путь понимания великой истины, сказанной преподобным Серафимом Саровским: «Стяжи дух мирен, и тысячи вокруг спасутся». Без революции, без кровопролития, без тупика...

Но что же происходит в той самой хибарке старца Варсонофия? Каким образом преображаются люди? Приведем воспоминание другой духовной дочери о. Варсонофия — Марии Азанчевской.

«Взял он меня за оба плеча, посмотрел безгранично ласково, как никто никогда не смотрел на меня, и сказал:

— Дитя мое милое, дитя мое сладкое, деточка моя драгоценная! Тебе двадцать шесть лет?

— Да, батюшка, — изумилась я.

— И сколько страданий ты видела в жизни, — и крепко-крепко прижал меня к себе. Я почувствовала, что сердце мое тает и во мне творится что-то необъяснимое, вся душа моя потянулась к батюшке, я почувствовала, что это именно такой человек, который сам откроет мою душу. — Да, тебе двадцать шесть лет, сколько лет тебе было четырнадцать лет назад?

— Двенадцать...

— Верно, и с этого времени у тебя есть грехи, которые ты стала скрывать на исповеди. Хочешь, я скажу тебе их?

— Скажите, батюшка, — несмело ответила я.

Тогда батюшка начал по годам и даже месяцам

говорить мне мои грехи так, как будто читал по раскрытой книге. Были случаи, что он, не совсем прямо указав на грех, спрашивал, помню ли я это. Я отвечала прямо: «Это не могло быть, батюшка, и не было, я наверно это знаю». Тогда старец кротко указывал на сердце, говоря: «Неужели ты думаешь, что я знаю это хуже тебя? Ведь лучше тебя вижу я всю твою душу!» И после таких слов я мгновенно вспоминала грех. Только один случай на восемнадцатом году не могла вспомнить, — и его батюшка оставил пока. Исповедь таким образом продолжалась 25 минут. Я была совершенно уничтожена сознанием своей величайшей греховности и того, какой великий человек передо мной. Как осторожно открывал он мои грехи, как боялся, очевидно, сделать больно, и в то же время как властно и сурово обличал в них, а когда видел, что я жестоко страдаю, преклонял ухо свое к моему рту близко-близко, чтобы я только шепнула: «Да», или так же тихо говорил мне на ухо что-нибудь особенно страшное...

— Всю жизнь должна ты быть благодарна Господу, приведшему тебя к нам в Оптину; я даже не знаю, за что так милосерд к тебе Господь. Впрочем, нет, знаю: за твою доброту и простоту привел тебя сюда Бог. За намеренно скрываемые грехи налагаются страшнейшие епитимьи, но я на тебя не налагаю никакой. Могла бы ты теперь умереть?

— Конечно, батюшка.

— И ты пошла бы знаешь куда? Прямо в ад.

Так и заледенело во мне все. А я ведь в своем самомнении думала, что выделяюсь среди людей

своей христианской жизнью. Боже, какое ослепление, какая слепота духовная!»

Так мало-помалу очищал о. Варсонофий грешные души. Люди меняли свой взгляд на мир, на себя, да и на старца. «Пришедшие на память случаи прозорливости и духовной опытности о. Варсонофия навели на мысль, что он знает лучше меня, куда меня вести, что мне сказать и чему научить, а мое дело из всего — и доброго, и кажущегося недобрым — извлекать для себя уроки, твердо помня, что он и словом, и молчанием своим, внимательною заботливостью и кажущимся полным пренебрежением сознательно воспитывает меня. Не знаю, ясно ли я сумела объяснить сущность происшедшей во мне перемены, но с этого времени начинается совсем новая полоса руководства. Раньше мне были нужны беседы наедине, постоянное внимание старца, — теперь я рада была возможности сидеть и слушать фразы из бесед батюшки с другими. Раньше всякое, даже малейшее его укоризненное замечание по моему адресу вызывало взрыв огорчения, обиды, даже ропота с моей стороны. Что ни скажи теперь старец, как сурово ни обойдись со мной, — все еще будет мало, я заслужила еще большего».

Игумен Иннокентий (Павлов), начавший свой монашеский путь в Оптиной, вспоминал о первой исповеди у о. Варсонофия: «Это был замечательный старец, имевший дар прозорливости, каковую я сам на себе испытал, когда он меня принимал в монастырь и первый раз исповедовал. Я онемел от ужаса, видя пред собой не человека, а ангела во плоти, ко-

торый читает мои сокровеннейшие мысли, напоминает факты, которые я забыл, и прочее. Я был одержим неземным страхом. Он меня одобрил и сказал: «Не бойся, это не я, грешный Варсонофий, а Бог мне открыл о тебе. При моей жизни никому не говори о том, что сейчас испытаешь, а после моей смерти можешь говорить».

Дар прозорливости великого старца Варсонофия Оптинского был неоднократно засвидетельствован. Этот дар помогал ему видеть в тайниках души человеческой, исправлять ее, направляя по пути истинному, исцелять телесные и душевные болезни, изгонять бесов. Такие высокие дары требовали от подвижника великой святости, постоянной памяти Божией. По его молитве и по особому Промыслу Божию бесы явным образом представали пред людьми: «Во время беседы, в то время, как батюшка говорил о том, каким страхованиям бывают подвержены монашествующие, — вспоминает монахиня Александра Гурко, — я вдруг увидела реально стоявшего неподалеку беса, столь ужасного видом, что я неистово закричала. Батюшка взял меня за руку и сказал: «Ну что же? Ты теперь знаешь?»

Видели о. Варсонофия, озаренного небесным светом. «Однажды я присутствовала при служении отцом Варсонофием литургии. В этот раз мне пришлось увидеть и испытать нечто неописуемое. Батюшка был просветлен ярким светом. Он сам был как бы средоточием этого огня и испускал лучи. Лучом исходившего от него света было озарено лицо служившего с ним диакона».

Подобно праведному Иоанну Кронштадтскому, старец Варсонофий пророчествовал о наступлении революции и гонении на веру Христову. Много раз говорил он своему ученику, будущему иеромонаху старцу Никону (Беляеву):

«Мы-то уж уйдем, а вы будете участниками и современниками всех этих ужасов... До ужасных времен доживете вы. Помяните мое слово, что увидите вы «день лют».

«Гонения и мучения первых христиан, возможно, повторятся... Ад разрушен, но не уничтожен, и придет время, когда он даст о себе знать. Все монастыри будут разрушены, и имеющие власть христиане будут свергнуты. Это время — не за горами...»

«До страшных времен доживем мы, но благодать Божия покроет нас. Повсюду ненавидят христианство. Оно — ярмо для них, мешающее жить вольно, свободно творить грехи. Разлагается, тлеет, вырождается новейшее поколение. Хотят без Бога жить. Ну что же? Плоды такой жизни очевидны... Антихрист явно идет в мир. Но этого в мире не признают... Отсюда, из монастыря, виднее сети диавола. Здесь раскроются глаза, а там, в миру, ничего не понимают...»

«Весь мир находится под влиянием какой-то силы, которая овладевает умом, волей и всеми душевными силами человека. Это сила посторонняя, злая сила. Источник ее — диавол, а люди злые являются только его орудием, посредством которого он действует. Это антихрист идет в мир. Это его предтечи. Что-то мрачное, ужасное грядет в мир, человек ос-

тается как бы беззащитным. Настолько им овладевает эта злая сила, что он не сознает, что делает».

«Все идут против России, то есть против Церкви Христовой, ибо русский народ — Богоносец, в нем хранится истинная вера Христова».

Под крылом старческого окормления в Оптиной были известные и умнейшие люди России, мыслители и писатели: у старца Макария — философ И. В. Киреевский, у старца Амвросия — философ К. Н. Леонтьев, у старца Варсонофия — духовный писатель С. А. Нилус. Он более всех потрудился для увековечивания подвигов святых оптинских старцев и подвижников, всего уклада монастырского жития, знаменательных событий его истории. Нилус с благословения старцев поселился со своей супругой возле Оптиной в доме, где ранее жил Леонтьев, и занялся исследованием неизданных агиографических (житийных) материалов в монастырской библиотеке. Результатом его трудов стали дивные книги «Сила Божия и немощь человеческая», «Святыня под спудом», его оптинский дневник «На берегу Божьей реки», где имя старца Варсонофия встречается нередко. Он был старцем четы Нилусов, и книги писателя, неоднократно переизданные до революции и обретшие в последнее десятилетие современного читателя, писались не для славы человеческой, но ради славы Божией — под присмотром старцев. Эти книги можно много цитировать, но остановимся на состоявшейся в 1909 году беседе Нилуса с преподобным оптинским старцем Иосифом (ум. в 1911 г.), касающейся также пророчеств о России:

«В Москве, да не в одной Москве знамения стали появляться на небе. Не к добру это, особенно как станешь вникать в глубину современной мирской жизни: ведь в этой глубине не чудятся ли уж те «глубины сатанинские», о которых прикровенно говорит Священное Писание?

— Плохо стали жить люди православные, — ответил старец, — плохо, что и говорить! Но знай, пока стоит престол царя самодержавного в России, пока жив государь, до тех пор, значит, милость Божия еще не отъята у России, и знамения эти, что ты или люди видят, еще угроза только, но не суд и конечный приговор.

— Батюшка! И царю и самодержавию со всех сторон угрожают беды великие!

— Э, милый! И сердце царево, и престол его, и сама его драгоценная жизнь — все в руках Божиих. И может ли на эту русскую святыню посягнуть какая бы то ни было человеческая дрянь, как бы она ни называлась, если только грехи наши не переполнят выше краев фиала гнева Божия? А что она пока еще не переполнена, я тебе по одному случаю вот что скажу. Позапрошлым летом (в 1907 г. — *Н. Г.*) был у меня один молодой человек и каялся в том, что ему у революционеров жребий выпал убить нашего государя (Николая II. — *Н. Г.*). «Все, — говорит, — у нас было приготовлено, и мне доступ был открыт к самому государю. Ночь одна оставалась до покушения. Всю ночь я не спал и волновался, а под утро едва забылся... И вижу: стоит государь. Я бросаюсь к нему, чтобы поразить его. И вдруг передо мною, как молния с неба, предстал с огненным мечом

сам Архангел Михаил. Я пал ниц перед ним в смертельном страхе. Очнулся от ужаса, и с первым отходящим поездом бежал вон из Петербурга, и теперь скрываюсь от мести своих соумышленников. Меня они, — говорит, — найдут, но лучше тысяча самых жестоких казней, чем видение грозного Архистратига и вечное проклятие от помазанника Божиего...» Вот, друг, тебе мой сказ: пока Господь своим Архистратигом и Небесным воинством своим хранит Своего помазанника, до тех пор — жив Государь! Запомни».

Великие оптинские старцы говорили: «Придет конец Православию и самодержавию в России, тогда придет и конец всему миру».

О самом старчестве о. Варсонофий пророчествовал: «Догорает теперь старчество. Везде уже нет старчества, — у нас в Оптиной догорают огарочки. Враг ни на что так не восстает, как на старческое окормление: им разрушаются все силы. Везде он старался его погасить и погасил! Есть монахи, исправно живущие, но об откровении помыслов, о старчестве они ничего не знают. Потому без старчества во многих монастырях осталась одна лишь форма монашеского жития, одна внешность».

Лев Толстой и оптинские старцы

Все миру «старчествовал» классик русской литературы Лев Толстой. Его лжеучение — толстовство — много способствовало развитию и утверждению в России революционных идей. Сам вождь революционного пролетариата В. И. Ленин

назвал Толстого «зеркалом русской революции». Но еще ранее святой Иоанн Кронштадтский много говорил и писал о сущности толстовства: «Желаете ли, православные, знать, что я думаю о Льве Толстом? А я вот что думаю и говорю: он объявил войну Церкви Православной и всему христианству. И как сатана отторгнул своим хребтом третью часть звезд небесных, т. е. ангелов, сделал их единомышленниками с собою, так наш Лев, сын противления, носящий в себе дух его, отторг тоже едва ли не третью часть русской интеллигенции, особенно из юношества, вслед себя, вслед своего безбожного учения, своего безверия. Его безбожные печатные произведения свидетельствуют о том».

«Мы знаем двух Толстых: один — художник слова, поэт в душе, преемник Пушкина в творчестве языка родного, — писал в 1910 году архиепископ Никон (Рождественский). — Но этот Толстой умер уже лет 25 назад для родной ему Руси. Умер — и никто будто не заметил, как на его месте явился другой Толстой, совершенно ему противоположный. Он восстал против Личного Бога, он исказил Евангелие Господа нашего Иисуса Христа, он — страшно сказать — называл воплотившегося Бога «бродягой», «повешенным иудеем»... Совесть воспрещает делать даже намек на те хулы, какие он высказывал о Матери Божией, о святейшем таинстве Тела и Крови Господней (перечитайте роман «Воскресение», вышедший в 1899 г.— *Н. Г.*)... Церковь, наша снисходительнейшая Церковь не понесла такого богохульства и отлучила Толстого от общения с собой (в

1901 г. — *Н. Г.*). Что же наша мнящаяся интеллигенция? Да она будто не заметила совершившегося суда Церкви над богохульником, впрочем, некоторая часть заметила, но вместо внимания к голосу Церкви Церковь же и осудила, якобы за нетерпимость; вообще же именно со дня отлучения от Церкви Толстой и стал излюбленным идолом нашей интеллигенции в той ее части, которая любит себя величать этим именем. Враги Церкви принялись восхвалять богоотступника вовсю: каждое его слово, каждое движение превозносили как гениальное нечто, его возвеличили не только гениальным писателем Русской земли, но всемирным гением, крали для него из священного языка Церкви дорогое сердцу верующего по применению к подвижникам имя «старец», да еще приложили к нему словечко «великий», и пошел гулять по миру этот титул богоотступника... Понадергал клочьев из буддизма и из западных философий, прибавил кое-что от себя и поднес миру все это если не как новое откровение, то как новое слово... Гордыня, вот то, чем заражена была несчастная душа Толстого и что сгубило ее навеки... Помню, лет 30 назад, когда он еще ходил по монастырям, пришел он со всей семьей в Троицкую лавру... После осмотра достопримечательностей граф пожелал наедине поговорить с наместником, архимандритом Леонидом. Довольно долго длилась эта беседа. Когда он ушел, покойный старец о. Леонид со вздохом сожаления сказал: «Заражен такой гордыней, какую я редко встречал. Боюсь, кончит нехорошо». Известно, что и покойный оптинский старец о. Амвросий вынес то

же впечатление от графа. «Очень горд», — сказал старец после беседы с ним. И чем дальше, чем больше граф пускался в свои мудрования, тем гордыня эта росла в нем больше и больше. Очевидно, он считал себя непогрешимым в решении вопросов веры».

Вот и сам ответ графа Л. Н. Толстого на определение Синода от 20—22 февраля 1901 года: «То, что я отрекся от Церкви, называющей себя Православной, это совершенно справедливо».

«Горе Льву Толстому, умирающему в грехе неверия и богохульства. Смерть грешника будет люта, — предсказывал святой старец Иоанн Кронштадтский и прозорливо добавлял: — Но, конечно, это скроют родные».

Последние дни писателя Толстого были связаны с Оптиной. Всего же он был в обители четыре раза.

Первая поездка состоялась в 1877 году вместе с Н. Н. Страховым. Это был тот краткий период в жизни Толстого, когда он пытался примкнуть к «вере народной». Поездка не принесла ему никакой духовной пользы, как и паломничество в Киев. В Оптиной ему понравился не великий старец Амвросий, а его келейник Пимен, который спал во время разговора со старцем. Страхов в письме к Толстому сообщил о благоприятном впечатлении, которое произвел писатель в монастыре.

Три года спустя, когда Толстой уже вступил на путь собственного богоискательства, он отправился пешком со своим слугой С. Арбузовым в Оптину пустынь. «У старца Амвросия был и граф Лев Николаевич Толстой, — записано в летописи Опти-

ной. — Пришел он в Оптину пешком, в крестьянской одежде, в лаптях и с котомкой за плечами. Впрочем, скоро открылось его графское достоинство. Пришел он что-то купить в монастырскую лавку и начал при всех раскрывать свой туго набитый деньгами кошелек, а потому вскоре узнали, кто он таков. Он остановился в простонародной гостинице... Когда Толстой был у старца Амвросия, то указал ему на свою крестьянскую одежду. «Да что из этого?» — воскликнул старец с улыбкой».

Толстой в эти годы начал выступать как моралист-учитель, взялся руководить душами других, «старчествовать». И коли народ не признал его за старца, то ему пришлось дать знамение народу, переодевшись в крестьянскую одежду. За этот «вызов аристократам» большевики особенно уважали Толстого.

В одно из посещений Оптиной (скорее всего, во второе) у Толстого произошло столкновение с о. Амвросием. Как полагают, Толстой развил старцу свои «духовные открытия» и получил должный отпор.

Третья поездка состоялась спустя еще девять лет. Толстой посетил Оптину, когда ездил с дочерью навестить в Шамординской обители монашествующую там сестру Марию Николаевну. Это было за год до смерти старца Амвросия. Войдя к нему, Толстой принял благословение и поцеловал его руку, а выходя, поцеловал его в щеку, чтобы избежать благословения после трудного, острого разговора. Старец был

в полном изнеможении и еле дышал. «Он крайне горд», — сказал преподобный вослед писателю.

С этого времени у Толстого возникла сильная неприязнь к о. Амвросию, которая не оставляла его до конца дней. В разговоре с А. Б. Гольденвейзером незадолго до своей смерти Толстой отзывался как о равнозначных личностях — о старце Амвросии и о расстриженном священнике Григории Петрове: «Популярность опасная вещь: в ней опасность потому, что она мешает человеку просто смотреть на людей с христианской точки зрения». В глазах Толстого старец Амвросий был человеком, повредившимся от большой популярности. Как раз именно в этом о. Амвросий и обличал самого Толстого.

Такого подвижника, повредившегося от большой популярности, Толстой вывел в своей повести «Отец Сергий», за которую он принялся в 1890 году после возвращения из Оптиной. Игумен монастыря, куда поступил герой Толстого о. Сергий, был учеником «известного старца Макария, ученика Леонида (в схиме Льва. — *Н. Г.*), ученика Паисия Величковского». Между тем события происходят в эпоху императора Николая I, в то время как старец Амвросий начал свое служение в начале царствования Александра II. Подобная ошибка в хронологии делается писателем сознательно, дабы неудавшийся монашеский путь своего главного героя связать с именем старца Амвросия и тем духовным направлением, которое существовало в Оптиной.

Но не в учителях-старцах причина духовной катастрофы о. Сергия, закончившего свой путь плот-

ским падением, а в необычайной гордости самого о. Сергия, в миру князя Касатского, который с юности добивался первенства во всем: в науках, в игре в шахматы, в разговоре по-французски и т. п. Этот дух первенства — дух гордыни он принес и в монастырь. «Поступая в монастырь, он показывал, что презирает все то, что казалось столь важным другим и ему самому в то время, как он служил, и становился на такую высоту, с которой он мог сверху вниз смотреть на тех людей, которым он прежде завидовал». Святоотеческая мудрость может прокомментировать подобное состояние монаха словами святого Иоанна Лествичника: «Гордый монах не имеет нужды в бесе: он сам сделался для себя бесом и супостатом».

Когда о. Сергий начал «старчествовать», то думал, что «он светильник горящий», «он тяготился посетителями и уставал от них, но в глубине души он радовался им, радовался тем восхвалениям, которые окружали его...» Возможно ли представить, чтобы любвеобильные смиреннейшие оптинские святые старцы имели внутри себя подобный вулкан тщеславия!..

Святой Симеон Новый Богослов объясняет истинную цену лжестарцев, подобных о. Сергию Толстого. Таковой, «взяв на себя труд, награды лишается потому, что обкрадывается тщеславием, не понимая этого. Мнит о себе, что он внимателен, и весьма часто от гордости презирает других и их осуждает, и поставляет себя достойным, согласно своему воображению, быть пастырем овец и путеводит их, и уподобляется слепцу, покушающемуся водить других».

Состояние о. Сергия в терминах аскетики называется «прелестью» (прельщенностью), которая не только не наследует благодатных даров старчества, дара рассуждения, прозорливости, но и опасна для души и самой жизни человека.

Карикатуры на о. Амвросия не получилось, лишь обнаружилось состояние гордой души самого Толстого, ибо «от избытка сердца говорят уста».

Толстой встречался со старцами, видел проявление их благодатных даров и свойств, но решил объяснить все это естественным способом. То же самое он проделал с Евангелием, составив собственное, толстовское, исключив из него все сверхъестественное, свойственное Сыну Божию. Вступив же на этот путь, не мог не пойти дальше, отрицая чудеса Иисуса, Святую Троицу, воплощение, искупительные страдания и воскресение Христа, Его второе пришествие, будущий Страшный суд и воскресение мертвых. С таким багажом знаний и веры он начал создавать новую, превосходнейшую религию, которая должна осчастливить человечество, — толстовство, прельстившее множество несозревших умов и гордых сердец.

В конце концов, не создав ничего, писатель, как и его герой о. Сергий, почувствовал тягу к бегству: он уже приготовил мужицкую рубаху, портки, кафтан и шапку, продумывая, как оденется, острижет волосы и уйдет.

«28 октября 1910 года, — рассказывает М. В. Лодыженский, — совершается нечто неожиданное для всех нас. Толстой бежит из дома и бежит

не к толстовцам, а к своей сестре, монахине, имея цель близ нее пожить; совершает этот побег тайно от всех. Знает об этом один доктор Маковицкий, которого Толстой берет с собой... Выехав из дому к сестре, не едет к ней сразу, а решает заехать в Оптину пустынь с целью повидаться с оптинскими старцами».

«Лев Николаевич, — рассказывал Д. П. Маковицкий, — еще в вагоне спрашивал и опять спросил ямщика, какие теперь старцы в Оптиной, и сказал, что пойдет к ним».

На следующий день Толстой пошел в скит. Подойдя к воротам, справа от которых была келья старца Иосифа, а слева — старца Варсонофия, остановился и, немного постояв, вышел на тропинку, ведущую через огороды к Жиздре. На берегу он развернул свой складной стул и, достаточно отдохнув, вернулся в гостиницу и больше никуда не выходил. Утром 30-го Толстой отправился в Шамордино, расписавшись в оптинской книге посетителей «Лев Толстой благодарит за прием».

Когда Толстой приехал к сестре, монахине Марии, они долго сидели, затворившись от всех в ее спальне. Вышли только к обеду, тогда Толстой сказал: «Сестра, я был в Оптиной, там так хорошо! С какой радостью я жил бы там, исполняя самые низкие и трудные дела; только бы поставил условием не принуждать меня ходить в церковь». — «Это было бы прекрасно, — отвечала сестра, — но с тебя бы взяли условие ничего не проповедовать и не учить». Он задумчиво опустил голову, сидя так

довольно долго. «Виделся ли ты в Оптиной со старцами?» — спросила она. «Нет. Разве ты думаешь, они меня приняли бы? Ты забыла, что я отлучен».

Но Толстого уже обнаружили родственники, за ним приехала в Шамордино дочь и 31-го рано утром, несмотря на плохую погоду, увезла его из обители. Монахине Марии сказали, что едут к духоборам. «Левочка, зачем ты это делаешь?» — спросила она. Он посмотрел на нее глазами, полными слез...

У Толстого началось лихорадочное состояние, а потому было решено оставить поезд на первой большой станции — Астапово.

Больной был уже очень слаб, но все же сделал несколько распоряжений, в том числе прося отправить телеграмму в Оптину и вызвать старца Иосифа. Этот поступок окружение Толстого долго скрывало, как и предсказывал святой Иоанн Кронштадтский.

«Спустя немного времени по отъезде графа из Шамордина, — свидетельствовал оптинский иеромонах о. Иннокентий, — в Оптиной была получена телеграмма со станции Астапово с просьбой немедленно прислать к больному графу старца Иосифа. По получении телеграммы был собран совет старшей братии монастыря... На этом совете решено было вместо старца Иосифа, который в это время по слабости сил не мог выходить из кельи, командировать старца игумена Варсонофия в сопровождении иеромонаха Пантелеимона...»

В Астапове о. Варсонофия не допустили к умирающему. Тогда он письменно обратился к дочери Толстого, Александре Львовне: «Почтительно бла-

годарю Ваше Сиятельство за письмо Ваше, в котором Вы пишете, что воля родителя Вашего и для всей семьи Вашей поставляется на первом плане. Но Вам, графиня, известно, что граф выражал сестре своей, а Вашей тетушке, монахине матери Марии, желание видеть нас и беседовать с нами». Нужна была именно беседа, ибо по канонам Православной Церкви в случае Толстого недостаточно было одного слова «каюсь», он должен был «предать анафеме лжеучение, которое он доселе содержал во вражде к Богу, в хуле на Святого Духа, в общении с сатаной».

Взгляды о. Варсонофия на условия покаяния Толстого были выражены еще за полтора года в частной беседе: «Что будет с ним — один Господь ведает. Покойный великий старец Амвросий говорил той же монахине Марии Николаевне на ее скорбь о брате: «У Бога милостей много. Он, может быть, и твоего брата простит. Но для этого ему нужно покаяться и покаяние свое принести перед целым светом. Как грешил на целый свет, так и каяться перед ним должен. Но когда говорят о милости Божией люди, то о правосудии Его забывают, а между тем Бог не только милостлив, но и правосуден. Подумайте только: Сына Своего Единородного, возлюбленного Сына Своего, на крестную смерть от руки твари во исполнение правосудия отдал!..»

Старец Варсонофий тяжело переживал случившееся, ему «всегда было трудно рассказывать об этом, он очень волновался», вспоминал его ученик о. Василий (Шустин).

«Ездил я в Астапово, — рассказывал о. Варсо-

нофий, — не допустили к Толстому. Молил врачей, родных, ничего не помогло. Железное кольцо сковало покойного Толстого. Хоть и Лев был, но ни разорвать кольца, ни выйти из него не мог... Приезду его в Оптину мы, признаться, удивились. Гостинник пришел ко мне и говорит, что приехал Лев Николаевич Толстой и хочет повидаться со старцами. «Кто тебе сказал?» — спрашиваю. «Сам сказал». Что ж, если так, примем его с почтением и радостью. Иначе нельзя. Хоть Толстой и был отлучен, но раз пришел в скит, иначе нельзя. У калитки стоял, а повидаться так и не пришлось. Спешно уехал... А жалко... Как я понимаю, Толстой искал выхода. Мучился, чувствовал, что перед ним вырастает стена... А что из Петербурга меня посылали в Астапово, это неверно. Хотел напутствовать Толстого: ведь сам он приезжал в Оптину, никто его не тянул...»

Сведения о последних днях Толстого очень скупы: сквозь «железное кольцо» изоляции проскользнуло лишь несколько фраз, дошедших через окружавших писателя на смертном одре толстовцев. Религия Толстого, поставленная перед лицом смерти, не дала ему успокоения. «Ну, теперь шабаш, все кончено!.. Не понимаю, что мне делать? — были последние трагические фразы Толстого. — Вот и конец, и нечего!»

«Ужасное впечатление произвело на меня, когда он сказал громким и убежденным голосом: «Надо бежать», — вспоминал сын писателя Сергей. Ночью Толстой стал стонать, метаться на постели, вскакивать, рано утром скончался — без примирения с Церковью, без исповеди и напутствия Святыми Дарами — причастием. Еще за тридцать лет до смерти Толстой писал:

«От чего и куда я убегаю? Я убегаю от чего-то страшного и не могу убежать. Я вышел в коридор, думая уйти от того, что мучило меня, но оно вышло за мной и омрачило все... «Да что за глупости, — сказал я себе, — чего я тоскую, чего боюсь?» — «Меня! — неслышно отвечает голос смерти. — Я тут!» Мороз подрал меня по коже. Да, смерть! Она придет! Она, вот она! А ее не должно быть. Я лег было, но только улегся, вдруг вскочил от ужаса. Жутко, страшно! Все тот же ужас, красный, белый, квадратный». Писатель гениально изобразил боязнь смерти нераскаянного...

Другая смерть у праведника, который жаждет соединения со Христом на Небесах. Через три года после Толстого отошел в вечность преподобный Варсонофий. Перед смертью ему пришлось пережить тяжелое испытание. В самой Оптиной намечался бунт против старчества с требованием закрытия скита. Бунтовали новые, пришедшие из предреволюционного мира монахи, желавшие захватить в свои руки начальственные должности. К ним примкнули и некоторые недальновидные миряне. О. Варсонофий умиротворил 300-головую братию и настоял на удалении из обители зачинщиков бунта. Их жалоба и донос нашли в Синоде благоприятную почву. Была назначена ревизия, следствие вел епископ Серафим, будущий святитель, новомученик Российский, который обелил о. Варсонофия. Однако дело отзыва его из Оптиной где-то уже было решено.

В 1912 году Святейший Синод принял решение перевести 67-летнего старца настоятелем в Старо-Голутвин монастырь с возведением в сан архиманд-

рита. Со слезами, коленопреклоненно прощалась Оптина со своим старцем. Он же мужественно переносил скорбь разлуки, благоустраивал крайне запущенный новый для него монастырь, куда вскоре, как в Оптину, стал стекаться за старческим советом народ. Здесь о. Варсонофий исцелил глухонемого юношу.

День за днем в трудах выше человеческих сил, изнемогающий от многочисленных мучительных недугов, преподобный проводил последний год жизни. «Вот здесь место моего упокоения, мне недолго осталось жить, — говорил он. — Исполняется последняя заповедь блаженства: «Блаженны вы, когда будут поносить вас и гнать и всячески неправедно злословить за Меня».

Кончался март 1913 года, и истекал счет 365 дням выезда из Оптиной, с которым должна была совпасть и кончина о. Варсонофия, по прискорбному пророчеству 120-летней блаженной Паши Саровской из Дивеевского монастыря. Любимые ученики старца, окружавшие смертный его одр, жадно ловили каждое его слово. «Не угашайте духа, но паче (больше) возгревайте его терпеливой молитвой и прилежным чтением святоотеческих и Священных Писаний, очищая сердце от страстей, — завещал умирающий старец. — Лучше соглашайтесь подъять тысячу смертей, чем уклониться от Божественных заповедей Евангельских и дивных установлений иноческих. Мужайтесь в подвиге, не отступайте от него, хотя бы весь ад восстал на вас и весь мир кипел на вас злобой и веруйте: *Близ Господь всем призывающим Его во истине*».

1 апреля, ровно через год, он предал душу свою в руки Господа, Которого возлюбил всем сердцем

своим и ради Которого распинал себя до последней минуты. Святейший Синод благословил похоронить старца в родной Оптиной пустыни.

О. Варсонофий обладал и поэтическим даром. Его наставления мудры и благозвучны, стихи полны духовной и словесной красоты...

«Вся жизнь есть дивная тайна, известная только одному Богу. Нет в жизни случайных сцеплений обстоятельств, все промыслительно. Мы не понимаем значения того или иного обстоятельства. Перед нами множество шкатулок, а ключей к ним нет».

«Посещайте храм Божий, особенно в скорби: хорошо встать в каком-нибудь темном уголке, помолиться и поплакать от души. И утешит Господь, непременно утешит. И скажешь: «Господи, а я-то думал, что и выхода нет из моего тяжелого положения, но Ты, Господи, помог мне!»

Исчезнет без следа твоя печаль,
И ты увидишь, полный изумленья,
Иной страны сияющую даль,
Страны живых, страны обетованья...

Преподобный Анатолий (Младший)

Старцу оптинскому Анатолию (Зерцалову) было немногим за 60, когда в 1885 году послушником в скит поступил 30-летний Александр Потапов, выходец из старинного московского купеческого рода. Через три года его постригли в рясофорного монаха, а еще через семь лет — в ма-

натейного, с наречением нового имени Анатолий. Старца Анатолия (Зерцалова) уже год как не было на свете, и о. Анатолия (Потапова) стали называть Младшим.

Сразу же после определения его в скит о. Анатолий стал келейником у о. Амвросия — вместе еще с одним иноком Нектарием, также будущим великим старцем. Преподобный Амвросий, провидя их совместное старческое служение в последующие годы, часто посылал их друг к другу за разъяснением в различных духовных вопросах, приучая к духу сотрудничества и советования.

Будучи еще келейником преподобного Амвросия, о. Анатолий уже проявлял благодатные дары — прозорливости и особенной, Христовой ко всем любви. О самых первых шагах старчествования о. Анатолия сохранилось воспоминание одной учительницы, духовной дочери о. Амвросия. Она часто ездила в Оптину и однажды пригласила с собой знакомую, которая очень неохотно поехала, говоря: «Ну что теперь в Оптиной! Это когда-то были старцы, а нынче их уж больше нет!» Приехала в монастырь, сходила на службу и после отправилась сразу в гостиницу, ничего не желая знать о ските. Через несколько дней эта дама, нарядно одевшись, решила прогуляться по направлению к скиту. Подошла к воротам и села с книгой на лесенке хибарки, в которой старец принимал женщин. Тут келейник о. Амвросия, вышедший за водой к колодцу, спросил ее смиренно и ласково: «Откуда ты, раба Божия?» — «Вот они, эти хваленые монахи, сразу пристают с

вопросами», — с гневом подумала она и отвернулась в гордом молчании. Инок Александр, набрав воды, возвратился, подошел к даме и стал сам рассказывать, кто она, откуда, а потом напомнил ей такое, что хотелось забыть навсегда. Дама подумала, что про нее разболтала ее спутница. Но келейник стал рассказывать то, о чем ни одна душа живая не знала. Тут только дама сообразила, что перед ней стоит не обычный монах, повалилась в своих нарядах прямо ему под ноги и воскликнула: «Вы святой!» Так был положен конец недоверию и ярким нарядам в неположенном месте и возникла доверчивая любовь к дорогому батюшке...

В 1906 году о. Анатолий был посвящен в иеромонаха и назначен духовником Шамординской обители, оставаясь им до последних своих дней.

К 1908 году количество людей, приходивших в скит к старцу Анатолию, настолько увеличилось, что даже настоятелю Оптиной архимандриту Ксенофонту не удавалось протиснуться сквозь толпу, чтобы попасть на исповедь к старцу. Тогда о. Анатолий по благословению настоятеля переселился в монастырь, в келью при больничной церкви Владимирской Божией Матери. Здесь он принимал народ без ограничения — в течение всего дня до глубокой ночи. Только за полночь становился он на келейную молитву. На сон оставалось не более двух часов. Единственным временем, когда старец мог отдохнуть, было время чтения псалмов (кафизм) на утренней службе в церкви, когда по уставу садились, — тогда о. Анатолий погружался в легкий короткий сон. От молит-

венных бдений и стояний у преподобного Анатолия развилась болезнь ног, от многих поклонов он страдал грыжей, поэтому в последние годы исповедь принимал сидя.

Среди людей, дожидавшихся старца у его кельи, были и священники, и монахи, и многочисленные миряне — военные, дворяне, представители интеллигенции, учащиеся со всех концов России. Преподобный Анатолий считался народным старцем, более прочих страждущих шли к нему крестьяне. «Подле кельи о. Анатолия толпился народ, — вспоминал князь Н. Д. Жевахов, посетивший Оптину незадолго перед февральской революцией, желая получить благословение старца на занятие должности товарища обер-прокурора Святейшего Синода. — Там были преимущественно крестьяне, прибывшие из окрестных сел и соседних губерний. Они привели с собой своих больных и искалеченных детей и жаловались, что потратили без пользы много денег на лечение... Одна надежда на батюшку Анатолия, что вымолит у Господа здравие неповинным... Глядя на эту массу верующего народа, я видел в ней одновременно сочетание грубого невежества и темноты с глубочайшей мудростью. Эти темные люди знали, где Истинный Врач душ и телес: они тянулись в монастырь, как в духовные лечебницы, и никогда их вера не посрамляла их, всегда они возвращались возрожденными, обновленными, закаленными молитвой и беседами со старцами. Вдруг толпа заволновалась: все бросились к двери кельи. У порога показался о. Анатолий. Маленький, сгорбленный старичок, с удивительно юным

лицом, чистыми, ясными, детскими глазами, о. Анатолий чрезвычайно располагал к себе. Он был воплощением любви, отличался удивительным смирением и кротостью, и беседы с ним буквально возрождали человека. Казалось, не было вопроса, который бы о. Анатолий не разрешил; не было положения, из которого этот старичок Божий не вывел своей опытной рукой запутавшихся в сетях сатанинских. Это был воистину старец, великий учитель жизни...»

Другой очевидец говорил: «Отец Анатолий и по своему внешнему согбенному виду, и по своей манере выходить к народу в черной полумантии, и по своему стремительному, радостно-любовному и смиренному обращению с людьми напоминал преподобного Серафима Саровского. В нем ясно чувствовались дух и сила первых великих оптинских старцев».

Как и все великие оптинцы, о. Анатолий обладал дарами прозорливости и исцеления. Приведем лишь один пример, где оба эти дара ясно проявились. Одна духовная дочь старца, сельская учительница, рассказывала: «Однажды послал батюшка со мной грушу моему брату. Я удивилась, почему именно младшему. Приехала домой — брат очень болен, и доктор сказал, что мало надежды на выздоровление. Грушу стал есть по маленькому кусочку и начал поправляться, а вскоре и совсем выздоровел». Эта же учительница свидетельствовала, что исцеляющая сила исходила от одежды преподобного. Он подарил ей свой подрясник, и она всегда исцелялась от простуды, когда им накрывалась.

Памятным событием в истории Оптиной пустыни

было посещение монастыря в 1914 году преподобномученицей великой княгиней Елизаветой Федоровной, сестрой царствующей императрицы. В первый же день пребывания в Оптиной великая княгиня познакомилась со старцем Анатолием, исповедовалась у него, имела с ним продолжительную беседу, содержание которой осталось тайной. Несомненно одно, что по прозорливости своей о. Анатолий предвидел мученическую кончину Елизаветы Федоровны и духовно приуготовлял ее к грядущему.

Почитателем старца был знаменитый московский «старец в миру» священник Алексей Мечев, служивший в храме Николая Чудотворца на Маросейке. Между старцами существовала молитвенная связь, которую близкие шутя называли «беспроволочным телеграфом». О. Анатолий всегда посылал москвичей к о. Алексею, а тот говорил о старце Анатолии: «Мы с ним одного духа».

Осенью 1916 года о. Анатолий приезжал в Петроград на закладку Шамординского подворья в северной столице. Остановился у купца Усова. «Купец Усов был известным благотворителем, мирским послушником оптинских старцев, — вспоминала Е. Карцова. — Когда мы вошли в дом Усовых, то увидели огромную очередь людей, пришедших получить старческое благословение. Очередь шла по лестнице до квартиры Усовых и по залам и комнатам их дома. Все ждали выхода старца. Ожидало приема и семейство Волжиных — обер-прокурора Святейшего Синода. В числе ожидающих стоял еще один молодой архимандрит, который имел очень представитель-

ный и в себе уверенный вид. Скоро его позвали к старцу. Там он оставался довольно долго. Кое-кто из публики возроптал по сему поводу, но кто-то из здесь же стоявших возразил, что старец не без причины его так долго держит. Когда архимандрит вышел, он был неузнаваем — низко согнутый и весь в слезах, куда девалась гордая осанка! Вскоре показался сам старец и стал благословлять присутствующих, говоря каждому несколько слов. Отец Анатолий внешностью походил на иконы преподобного Серафима Саровского — такой же любвеобильный, смиренный облик. Это было само смирение и такая не передаваемая словами любовь! Нужно видеть, а выразить в словах — нельзя!.. Как мне потом рассказывала моя тетя, близко знавшая весь оптинский быт, старец о. Анатолий вообще почти не спал, всего себя отдавая молитве и служению людям...»

Пребывание в столице накануне февральского переворота открыло преподобному старцу Анатолию ту бездну, перед которой стояла Россия. К этому времени относятся грозные пророчества старца о грядущих судьбах России и ее царя Николая II, которого был большим почитателем, горячо молился о нем. Царское служение старец ставил очень высоко: «Коли царь зовет — значит, зовет Бог. А Господь зовет тех, кто любит царя, ибо Сам любит царя и знает, что и ты царя любишь (из разговора с князем Н. Д. Жеваховым. — *Н. Г.*). Нет греха больше, как противление воле помазанника Божьего. Береги его, ибо им держится земля русская и вера Православная. Молись за царя. Судьба царя — судьба России. Заплачет

царь — заплачет и Россия, а не будет царя — не будет и России. Как человек с отрезанной головой уже не человек, а смердящий труп, так и Россия без царя будет трупом смердящим».

Революционные события февраля 1917 года застигли старца в Москве, в доме благочестивой семьи Шатровых. Сюда также приходили многие из духовных чад и почитателей о. Анатолия, и все вопрошали прозорливца: что же будет? «Будет шторм, — отвечал старец. — И русский корабль будет разбит. Да, это будет, но ведь и на щепках и обломках люди спасаются. Не все же, не все погибнут... Бог не оставит уповающих на Него. Надо молиться, надо всем каяться и молиться горячо. А что после шторма бывает? Штиль... И явлено будет великое чудо Божие, да. И все щепки и обломки волею Божией и силой Его соберутся и соединятся, и воссоздастся корабль в своей красе и пойдет своим путем, Богом предназначенным. Так это и будет, явное всем чудо».

Незамедлительно старец вернулся в Оптину и теперь явно открывал приходящим к нему тайну движущейся на Россию бури, укреплял духом к величайшему подвигу терпения и веры — веры в спасительный Промысел Божий о России.

Не прошло и полгода, как буря грянула, в первую очередь обрушившись на духовные основания России, к которым принадлежало монашество. Монахов арестовывали, ссылали, издевались над их святынями. Духовные чада о. Анатолия, оберегая его, предложили на время покинуть Оптину, но старец отве-

тил: «Что же в такое время я оставлю святую обитель? Меня всякий сочтет за труса, скажет: когда жилось хорошо, то говорил — терпите, Бог не оставит, а когда пришло испытание, первый удрал. Я хотя больной и слабый, но решил так и с Божьей помощью буду терпеть. Если и погонят, то тогда только покину обитель святую, когда никого не будет. Последний выйду и помолюсь, и останкам святых старцев поклонюсь, тогда и пойду».

Вскоре последовал арест старца. По дороге в Калугу он сильно заболел, думали — тиф и сдали преподобного в тифозную больницу. Там, не разбираясь, обрили ему голову и бороду. Как и предсказал старец, через неделю он вернулся в Оптину. Многие не узнали о. Анатолия в таком виде, узнав же — сильно опечалились. Старец, веселый, вошел в келью, перекрестился и сказал: «Слава Тебе, Боже! Посмотрите, какой я молодчик!» За врагов молился и не держал никакой злобы.

С конца 1918 года в Оптиной стало не хватать хлеба. Братия и старцы терпели голод. О. Анатолий смиренно просил своих духовных чад привозить братии хлеба, а шамординских сестер благословлял ездить в другие губернии выменивать хлеб. И по его молитвам даже в самые отчаянные военные дни находились жертвователи хлеба насущного.

Начавшаяся разруха проникла и в монастырь: зимой в келье старца почти не топили. Попавшаяся на удочку красной пропаганды молодежь била у старца окна, одну зиму келья простояла без стекол, так что в морозные дни застывала в кружке вода. С каж-

дым днем приходили все более и более тревожные слухи. Старец сохранял удивительное спокойствие, тем самым ободряя братию. Однако здоровье его разрушалось.

В 1921 году о. Анатолий принял схиму. Он был так слаб, что не мог держать свечу. После посвящения ему стало лучше, и он сразу же снова стал принимать народ. Люди спрашивали, как жить в это ужасное время. Старец всегда отвечал: «Живи просто, по совести, помни всегда, что Господь видит, а на остальное не обращай внимания». Более всего новую власть не устраивало пророческое служение старцев, которые в своих наставлениях укрепляли народ не отступать от Православия и с терпением переносить попущенные Богом скорби. Монастырь был объявлен «рассадником контрреволюционной пропаганды».

29 июля 1922 года в Оптину приехала чрезвычайная комиссия. Старца Анатолия долго допрашивали и хотели увезти. После этого он попросил для себя отсрочку на сутки — чтобы приготовиться. Ему грозно сказали, что завтра утром за ним приедут и арестуют. О. Анатолий уединился у себя в келье. К утру сильно ослабел. Келейник поспешил за фельдшером о. Пантелеимоном. Когда они вошли, старец неподвижно сидел в кресле со склоненной набок головой.

Наутро приехала комиссия, спросили: «Старец готов?» — «Да», — ответил келейник и открыл дверь в келью, в которой уже стоял гроб с телом почившего.

Когда копали могилу, случайно задели гроб стар-

ца Макария. Тело его было нетленным. Ввиду надвигавшегося закрытия монастыря для всех это стало утешением, знамением и залогом его будущего открытия и прославления преподобных оптинских старцев, которых по традиции хоронили около Казанского собора. По свидетельству очевидцев, могила о. Анатолия несколько дней благоухала неземными ароматами.

Преподобный старец Нектарий

После мирной кончины старца Анатолия (Младшего) поток паломников устремился в келью старца Нектария. Все ужасы революции и гражданской войны: голод, холод, утраты, противостояние родственников, оказавшихся по разные стороны баррикад, — все это множество скорбей пришлось ему ежедневно переживать со своими духовными чадами. По молитвам старца Нектария люди, утратившие смысл жизни, отчаявшиеся, беспомощные, выходили из его кельи утешенные, хотя он никому не обещал, что беды скоро прекратятся, — наоборот, укреплял, предвидя, что нужно готовиться к еще более тяжким испытаниям. Еще перед революцией старец говорил С. А. Нилусу: «Пока старчество еще держится в Оптиной, заветы его будут исполняться. Вот когда запечатают старческие хибарки, повесят замки на их двери, тогда всего ожидать можно будет». Это время приблизилось вплотную к стенам благословенной Оптиной...

Удивительная метаморфоза произошла с о. Нектарием в стенах монастыря. Удалось ему окончить только церковно-приходскую школу. «Нас ведь с маменькой двое только и было на свете белом, да еще кот жил с нами. Мы низкого были звания и притом бедные: кому нужны такие-то?» А вскоре и маменьки не стало. Отроком будущий старец остался круглым сиротой, добывал хлеб свой, служа приказчиком у богатого купца, который захотел женить красивого и благоразумного юношу на своей дочери. В его родном городе Ельце был обычай во всех важных случаях советоваться со столетней старицей-схимницей Феоктистой, духовной дочерью святителя Тихона Задонского. Схимница же сказала юноше: «Пойди в Оптину к Илариону, он тебе скажет, что делать».

В 1873 году двадцатилетний Николай, как звался в миру будущий о. Нектарий, подошел к реке Жиздре, за которой виднелись купола церквей оптинских. Была весна. «Господи, какая красота здесь! — подумал юноша. — Солнышко тут с самой зари — и какие цветы, словно в раю». Разыскал он скитоначальника старца Илариона, а тот отправил его к старцу Амвросию, после беседы с которым Николай навсегда остался в скиту. Трудно было привыкать мирскому юноше к монастырскому суровому уставу, но он старался. По ночам молился, а потому все время ходил с красными глазами от недосыпу. Старец Амвросий пророчески говорил: «Подождите, Николка проспится, всем пригодится», — предсказывая его будущее старческое служение.

Поначалу Николай пел на клиросе, у него был

чудесный голос. Однажды он исполнил «Разбойника благоразумного» настолько хорошо, что сам удивился, он ли это пел. А как закончил, то вспомнил, что хороших певчих из скита забирают в монастырь. Тут он стал фальшивить и ему дали другое послушание — пономарить. Вообще, любое послушание Николай выполнял с великим смирением и усердием. И уже старцем всегда обращал внимание на огромное значение послушания, называя его первой добродетелью: Христос ради послушания Отцу Своему Небесному в мир пришел и принял крестную смерть. Так и вся жизнь человека на земле есть послушание Богу. Без послушания человека в первый момент охватывает порыв и как бы жар, жар прогорает и наступает расслабление, охлаждение к делу, человек не может двинуться дальше...

Когда Николай был пономарем, его поселили в келью, дверь которой выходила в церковь. В этой келье он прожил почти двадцать пять лет безвыходно, не разговаривая ни с кем из монахов. Ходил по особо важным случаям к о. Амвросию, которого считал своим старцем, и по благословению Амвросия к о. Анатолию (Зерцалову), которого считал своим духовным отцом.

В мантию с наречением нового имени — Нектарий — Николай был пострижен более чем через десять лет после поступления в скит. И тогда он почти совсем перестал покидать келью, не говоря уж о том, чтобы выйти за ограду скита. Несколько лет окна его монашеской кельи были даже заклеены синей бумагой. Старец Нектарий очень высоко ставил монаше-

ство, говорил: «Если и револьвер к тебе приставят, от монашества не отрекайся!» Он считал, что для настоящего монаха «только два выхода из кельи — в церковь и в могилу».

В годы своего полузатворничества о. Нектарий неустанно молился, пребывая в постоянном покаянии, читая святоотеческую и духовную литературу. Это были подвиги для очищения сердца. Но, провидя в о. Нектарии будущего старца для ищущей спасения интеллигенции, оптинские прозорливцы благословили его и на серьезный труд обучения светским наукам. Так произошла удивительная метаморфоза: человек, закончивший лишь церковно-приходскую школу, выйдя из монашеского затвора на общественное служение, свободно беседовал на любые темы с учеными, писателями, художниками. О. Нектарий приобрел обширнейшие знания по многим наукам — истории, географии, изучил французский и латынь, имел представление о современной литературе, живописи.

Приведем выдержки из воспоминаний В. П. Быкова, известного в начале века спирита, после мучительных поисков истины обратившегося при помощи старца Нектария в Православие в 1912 году.

«— Ну как у вас в Москве? — было первым вопросом старца.

— Да как вам сказать, батюшка, все находимся под взаимным гипнозом.

— Да... Ужасное дело этот гипноз. Было время, когда люди страшились этого деяния, бегали от него, а теперь им увлекаются, извлекают из него пользу... — И о. Нектарий в самых популярных выра-

жениях прочитал мне целую лекцию в самом точном смысле этого слова о гипнотизме, ни на одно мгновение не уклоняясь от сущности этого учения в его новейших исследованиях.

Если бы я пришел к старцу хотя бы во второй раз и если бы умышленно сказал ему, что я спирит и оккультист, что я интересуюсь между прочим и гипнотизмом, — я, выслушав эту речь, мог бы со спокойной душой заключить, что старец так подготовился к этому вопросу, что за эту подготовку не покраснел бы и я, человек почти вдвое моложе его.

— И ведь вся беда в том, что это знание входит в нашу жизнь под прикрытием как будто могущего дать человечеству огромную пользу, — заключил о. Нектарий. — А вот еще более ужасное, пагубное для души, да и для тела, увлечение — это увлечение спиритизмом.

Я почувствовал, как у меня к лицу прилила горячая волна крови... Это было для меня. А старец продолжал:

— О, какая это пагубная, какая это ужасная вещь! Под прикрытием великого христианского учения и через своих ревностных слуг, бесов, которые являются на спиритических сеансах незаметно для человека, он, сатана, сатанинской лестью древнего змия заводит его в такие ухабы, в такие дебри, из которых нет ни возможности, ни сил не только выйти самому, а даже распознать, что ты находишься в таковых. Он овладевает через это проклятое Богом деяние человеческим умом и сердцем настолько, что то, что кажется неповрежденному уму грехом, преступлением,

7 Зак. 1529

то для человека, отравленного ядом спиритизма, кажется нормальным и естественным... Ведь стоит только поближе всмотреться во многих спиритов, — продолжал старец, — прежде всего на них лежит какой-то отпечаток, по которому так и явствует, что этот человек разговаривает со столами; потом у них появляется страшная гордыня и чисто сатанинская озлобленность на всех противоречащих им...

И это удивительно точно и верно подмечено. Злоба отчаянная, нетерпимость поразительная, а уж гордыня — о ней очень много говорит даже известный спиритический ересиарх и апостол спиритизма Кардек как об одной из ужасных и пагубных особенностей спиритических пророков — медиумов. Ведь одна эта злоба и гордыня, кажется, могли бы служить доказательством, что это учение от сатаны. Или что может быть противозаконнее, — я знаю, и это не простят мои бывшие коллеги по несчастью, — с христианской точки зрения, безбрачного сожительства, а оно введено почти в догмат в целой массе спиритических организаций только лишь потому, что эротизм в спиритизме считается самым верным импульсом для явления медиумических способностей.

— И таким образом незаметно, — с большими паузами продолжал свою обличительную, обращенную ко мне, святую речь этот великий прозорливец, — сам того не замечая — уж очень тонко, нигде так тонко не действует сатана, как в спиритизме, — отходит человек от Бога, от Церкви. Хотя, заметьте, в то же время дух тьмы настойчиво через своих слуг посылает запутываемого им человека в

храмы Божии слушать панихиды, молебны, акафисты, приобщаться Святых Христовых тайн... И по мере того как невдумывающийся человек все больше и больше опускается в бездну своих падений, все больше и больше запутывается в сложных изворотах и лабиринтах духа тьмы, от него начинает отходить Господь. Он утрачивает Божье благословение. Его преследуют неудачи. Если бы он был еще неповрежденным сатаной, он бы прибег за помощью к Богу, к Царице Небесной, к Святой Апостольской Церкви, к священникам, и они бы помогли ему своими святыми молитвами. Но он со своими скорбями идет к тем же духам — к бесам, и последние его еще больше запутывают, еще больше втягивают в засасывающую тину греха и проклятия... Наконец, от человека отходит совершенно Божие благословение. Гангрена его гибели начинает разрушающе влиять на всю его семью, у него начинается необычайный, ничем не мотивированный развал семьи. От него отходят самые близкие, самые дорогие ему люди!

Мурашки забегали у меня по спине. Мучительный холод охватил мою душу и все мое тело, потому что я почувствовал, что стою накануне этого страшного переживания.

— Наконец, когда при помощи сатаны дойдет несчастный до самой последней степени такого-то самозапутывания, он или теряет рассудок, делается человеком невменяемым в самом точном смысле этого слова, или же кончает с собой...

За последние три-четыре года мне лично пришлось зарегистрировать пять случаев самоубийства

спиритов, из которых одно было совершено председателем петербургского кружка спиритов О. Ю. Стано, много лет работавшим в области спиритизма.

Старец, не открывая глаз, как-то особенно нежно нагнулся ко мне, тихо-тихо, смиренно, любовно проговорил:

— Оставь... Брось все это. Еще не поздно, иначе можешь погибнуть... мне жаль тебя.

Великий Боже! Я никогда не забуду этого поразившего мою душу момента... Когда я пришел в себя, первым моим вопросом к старцу было: что мне делать? Старец тихо встал и говорит:

— На это я скажу тебе то же, что Господь Иисус Христос сказал гадаринскому бесноватому, Им исцеленному: *Возвратись в дом свой и расскажи, что сотворил тебе Бог*. Иди и борись против того, чему ты служил. Энергично и усиленно выдергивай те плевелы, которые ты сеял. Против тебя будет много вражды, много зла, много козней сатаны, в особенности из того лагеря, откуда ты ушел, и это вполне понятно и естественно... но ты иди, не бойся... не смущайся, делай свое дело, что бы ни лежало на твоем пути... и да благословит тебя Бог!

Когда я вышел, к очевидному удовольствию келейника и ожидавших старца посетителей, я уже был другим человеком...»

Этот случай свидетельствует о многом. В первую очередь о благодатных дарах прозорливости, рассуждения и утешения, которыми обладал о. Нектарий. Но в судьбе В. П. Быкова, как в капле воды, отразилась судьба многих интеллигентов и представите-

лей высших слоев русского общества. Таковых, как чумная эпидемия, охватило увлечение гипнозом, спиритизмом, оккультными науками — всей той ложной духовностью, которая и привела «мозг нации» к разложению. Об отношении к этим пагубным занятиям старец Нектарий высказался однозначно. Но мнение мира по этому поводу часто было прямо противоположным: спиритизм, оккультизм стали знаменем декаданса и в искусстве и в жизни.

В беседах о литературе и искусстве старец Нектарий всегда говорил, что «заниматься ими можно, как всяким делом, но только ощущая себя как бы перед взором Божиим». И добавлял: «Все стихи в мире не стоят строчки Божественного Писания». Он учил прежде всего пристально и внимательно читать Священное Писание. Беседуя, часто ссылался на него, приводил примеры, рассказывал всегда подробно, живо, со всеми деталями, будто сам являлся участником давних событий священной истории.

Однажды пришли к о. Нектарию семинаристы со своими преподавателями и попросили сказать полезное слово. Старец посоветовал им жить и учиться так, чтобы ученость не мешала благочестию, а благочестие — учености. Говорил, что науки приближают человека к истинному знанию, однако глубина его не подвластна человеческому разуму.

Пробыв более двадцати лет в уединении и молчании, преподобный Нектарий ослабил свой затвор, начал изредка появляться среди людей. Он уже приобрел все дары благодатного старчества, но по великому смирению первое время прикрывался юродст-

вом, на которое имел Божье благословение через старцев. Приняв на себя этот новый, не всем понятный подвиг, о. Нектарий носил яркие кофты поверх подрясника, цветные платки. Многие смущались подобным поведением соборно избранного в 1912 году старца, не понимая еще его великого пророческого служения, прикрытого до времени юродством. Бывало, накинет рваный халатик и ходит по скиту, сверкая босыми пятками, а в 20-е годы так и ходили студенты, курсистки, служащие — в пальто, накинутом на рваное белье. Или насобирает разного хлама — камешков, стеклышек, бумажек, сложит в шкафчик, а потом показывает: «Это мой музей!» Так оно и случилось: после закрытия Оптиной в скиту были открыты музей и дом отдыха. Перед революцией иеромонах Нектарий стал ходить с красным бантом на груди...

Между февралем и октябрем 1917 года старец Нектарий говорил, что надвигаются тяжелые времена и наступает век молчания — и слезы текли у него из глаз. «И вот государь теперь сам не свой, сколько унижений он терпит за свои ошибки. 1918 год будет еще тяжелей, государь и вся семья будут убиты, замучены... Да, этот государь будет великомученик. В последнее время он искупил свою жизнь», «Вот теперь я скажу, что скоро будет духовный книжный голод. Не достанешь духовной книги... Наступает время молитв. Во время работы говори молитву. Сначала губами, потом умом, а наконец она сама перейдет в сердце».

По мере того как усиливались бедствия страны,

подвиг старчества становился тяжелее. О. Нектарий проливал беспрестанные слезы, молясь в своей келье пред Господом и Богородицей, от этих слез у него началось воспаление глаз. В 20-е годы старец многим являлся в сновидениях плачущим, с платком в руке.

В Вербное воскресенье 1923 года монастырь закрыли, о. Нектарий был арестован, разделив участь многих собратьев. Навсегда расставался он с родной обителью, в стенах которой провел полвека.

Власти предписали ему покинуть Калужскую область. Пришлось поселиться в селе Холмищи Брянской области. «Несмотря на слежку, установленную за ним, до самой смерти посещали его ученики, знавшие его еще в Оптиной пустыни, — вспоминал актер Михаил Чехов, не раз бывавший в Холмищах. — И не было ни одного несчастного случая с людьми, приезжавшими к нему. Дорога шла через густые леса. От маленькой станции железной дороги до первой деревни было 25 верст. Крестьяне довозили посетителя до этой деревни, держали до темноты. Оставшиеся несколько верст проезжали уже ближе к ночи... Всегда старец был весел, смеялся, шутил и делал счастливыми всех, кто входил к нему... Он конкретно брал на себя грехи и страдания других...»

Сам святой патриарх Тихон советовался со старцем Нектарием, зная, что через него Господь открывает свою волю. Между патриархом и старцем не было переписки, но общение происходило через лиц, близких патриарху и одновременно старцу. Ни один важный церковный вопрос в 20-е годы не решался без благословения ссыльного старца. Он, например,

не благословил принимать новый стиль церковного богослужения, и патриарх решительно воспротивился этому.

Существует множество свидетельств прозорливости старца, его чудесной помощи людям в те годы. Одно его благословение творило чудеса: люди находили вдруг работу, избегали арестов, освобождались из тюрем, устраивались надежно в совершенно ненадежной советской жизни первого десятилетия.

Старец продолжал молиться за Россию, и в 20-х годах его пророчества о России смягчились. «Россия воспрянет и будет материально небогата, но духом богата, и в Оптиной еще будет 7 светильников, 7 столпов», «Если в России сохранится хоть немного верных православных, Бог ее помилует... А у нас такие праведники есть».

Кончину свою старец предвидел, не велел погребать его возле Покровской церкви в Холмищах, сказав, что там будет хуже свиного пастбища. Так и случилось: храм разрушили, а на соборной площади устроили ярмарку и танцплощадку. 12 мая 1928 года старец Нектарий мирно и тихо скончался. На поминальной литургии в сельской церкви собралось множество народу из окрестных сел, священники и агенты ГПУ — новые русские. Похоронили на сельском кладбище, оттого могила старца осталась нетронутой.

В 1989 году произошло обретение мощей преподобного Нектария Оптинского и перенесение их в родную обитель.

И после своей кончины старец Нектарий не оставлял без покровительства своих духовных чад. Вот

лишь одно свидетельство известного актера Михаила Чехова: «Два или три раза, уже после смерти старца, я видел его во сне, и каждый раз он давал мне советы, выводившие меня из душевных трудностей, из которых я не мог выйти своими силами».

Преподобный Никон, исповедник

В 1920 году скончался последний начальник скита схиигумен Феодосий, в 1922-м покинул сей мир старец Анатолий (Младший), в 1923-м арестовали и выслали последнего соборно избранного старца Нектария. Настоятель монастыря преподобный Исаакий (Бобриков), будущий священномученик, отслужив последнюю литургию, уходя, сказал о. Никону: «Мы уходим, а ты останься. Будут приходить богомольцы. Тебя благословляю служить в храме и принимать на исповедь приходящих». Невдомек было новым властям, что 35-летний иеромонах Никон оставлен на старческое служение: он, такой молодой, и был уже старцем.

С самого младенчества жизнь Николая Беляева, будущего старца Никона, была знаменательной, и людям духовным становилось ясно, что он посвятит себя служению Богу и ближним. За полгода до рождения младенца квартиру московских купцов Беляевых посетил праведный Иоанн Кронштадтский. Отслужив молебен, он благословил молодую мать, имевшую уже троих детей, подарил свою фотографию с собственноручной подписью. В пять лет ребенок за-

болел горловой болезнью и состояние его казалось безнадежным: мальчик был без сознания, его тельце посинело и похолодело. Мать не уставала растирать его и молить Николая Угодника о помощи. Отец уговаривал ее не мучить «покойника». Но она продолжала свою горячую молитву, и чудо произошло: когда человеческие усилия казались безнадежны, мальчик вдруг вздохнул.

И потом в жизни Николая Беляева было много случаев, когда явный Промысел Божий проявлял над своим избранником святую волю.

Закончив гимназию, Николай поступил на физико-математический факультет университета, но не столько учеба была предметом его желаний, сколько все возраставшая жажда духовного совершенства. В это время Николай сблизился со своим братом Иваном, с которым имел и чувства, и мысли, и желания общие. И вот по утрам вместо университета стали братья ходить в храм Божий, о чем долгое время не подозревала даже их горячо любимая мать. Читали братья лишь Евангелие и произведения святителя Феофана Затворника. Скоро возникло желание оставить мирскую жизнь и уйти в монастырь.

Иван в старых дедушкиных книгах нашел справочник «Вся Россия», в котором были указаны все русские монастыри, числом более тысячи. Он порезал листы на полоски и, перемешав их, предложил Николаю избрать жребий: «Какой монастырь вытянешь, туда и пойдем». Помолившись, положились на волю Божию. На вытянутой полоске значилось: «Козельская Введенская Оптина пустынь». Мать была

изумлена, когда оба сына объявили ей о своем решении поступить в монастырь. Со слезами на глазах она благословила детей на путь, который в те годы — после первой русской революции — был наименее уважаем в среде интеллигенции. Вначале братья жили в странноприимном монастырском доме, говорили со скитоначальником о. Варсонофием, паломничали по его благословению в Ростов Великий и наконец в декабре 1907 года были приняты в скит и назначены на общие послушания.

В течение первого года своего пребывания в скиту послушник Николай был назначен помощником библиотекаря и письмоводителем старца Варсонофия. Все свободное от служб и клиросного пения время Николай проводил у преподобного Варсонофия, помогая ему вести деловую и личную переписку. В свою келью он приходил лишь на краткие часы ночного отдыха.

Их близкие отношения с преподобным являли собой истинный образец древних примеров старчества и ученичества. У Николая была полная возможность открывать свои помыслы немедленно, получать на все свои недоумения скорейшие ответы старца, а потому следовать по пути полного послушания.

Как в древности новые старцы вырастали из истинных учеников за короткое время, так случилось и с послушником Николаем — именно потому, что он изначально обрел благорасположенного к нему о. Варсонофия и имел с ним теснейшее общение.

«Замечайте события вашей жизни. Во всем есть глубокий смысл. Сейчас вам непонятны они, а впос-

ледствии многое откроется», — любил повторять о. Варсонофий. Послушник Николай вел дневник, записи которого свидетельствуют о той любви и понимании, доверии и откровенности, которые способствовали основанию крепкого духовного союза, имевшего своим плодом научение, при помощи благодати Божией, истинному старчеству.

«*16 января 1909 года*. 13-го числа я занимался с батюшкой вечером до 12 часов ночи, а 14-го до 10 часов, а с 10 до 12 часов мы беседовали. Много было сказано, не упомню всего. Но что-то святое, великое, высокое, небесное, божественное мелькнуло в моем уме, сознании во время беседы...

30 января 1909 года. Батюшка во время разговора в первый раз назвал меня своим сотаинником. Я этого не ожидал и не знаю, чем мог это заслужить. Спаси Господи батюшку. Я все более и более начинаю видеть, что батюшка — великий старец.

К сожалению моему, он все чаще и чаще говорит о своей смерти, что дни его «изочтены суть». «Я совершенно один, — говорил как-то батюшка, — а силы слабеют. Мы — я и батюшка Амвросий — все вместе делали, друг друга в скорбях утешали. Приду, да и скажу: «Батюшка, о. Амвросий, тяжело что-то». — «Ну что там тяжело? Теперь все ничего. А вот придут дни...» Да, а теперь-то они и пришли. Монахов много, много хороших, а утешать некому. Теперь я понял, что значит: «Придут дни...»

14 февраля 1910 года. Сейчас пришел от батюшки. Открывал свои помыслы. Сначала сказал свои оплошности, бывшие за день, потом сказал, что иног-

да приходит помысл, особенно за службой, на правиле, что монашеская жизнь безотрадна: идет день за днем, и главное — ожидать впереди нечего, все те же службы, все та же трапеза и пр. «Это один из самых ядовитых помыслов, — сказал батюшка. — Монах все время должен быть как бы в муках рождения, пока не придет в пору возраста Христова. А пока еще жив наш ветхий человек, он и дает себя знать всякими страстями, тоской, унынием... и что теперь для такого человека отяготительно, то впоследствии для него будет великим утешением, например, хождение к службам и утрене... Вы хорошо сделали, что сказали мне этот помысл, он многих заклевывал, так и уходили из обители».

30 марта 1910 года. Почти целый день писал, но все же урвал время сходить к батюшке. Под конец он сказал мне так: «Смиряйтесь, смиряйтесь. Вся наука, вся мудрость жизни заключается в этих словах: «*Смирихся и спасе мя Господь*». Смиряйтесь и терпите все. Научитесь смирению и терпению, а в душе мир имейте. Поверьте, у кого в душе мир, тому и на каторге рай».

Многое говорил о. Варсонофий и о приближении дней лютых, до которых он сам не доживет, но ученик его, Николай, доживет.

Скорбью в его сердце отозвалась почетная ссылка старца Варсонофия в 1912 году в Старо-Голутвин монастырь настоятелем. Но это было еще только началом скорбей, преддверием того крестного пути, по которому, как предсказывал о. Варсонофий, предстояло пройти будущему старцу.

Через 10 дней после Октябрьского переворота 1917 года манатейный монах Никон (Беляев) был посвящен во священника. Он по-прежнему работал письмоводителем в канцелярии, но уже не монастыря, а сельхозартели «Оптина пустынь», под видом которой еще пыталась держаться обитель. Все невзгоды советской власти о. Никон переносил с великим терпением, зная, что посылаются они для испытания веры и укрепления на крестном пути. Монахов в Оптиной оставалось всего человек пятнадцать, и, чтобы поддержать «артель», приходилось работать так много, что на богослужения часто просто не хватало времени. Каждый день ожидали изгнания, ареста, тюрьмы, ссылки, смерти.

17 сентября 1919 года о. Никон был арестован и без предъявления обвинений заключен в Козельскую тюрьму. Но на этот раз Бог миловал — он вернулся в обитель и стал принимать посетителей, переняв старческую традицию.

О. Никон был мудр и рассудителен не по годам, проповеди его были сильны твердой верой в Бога и Его Промысел, а потому действовали на души слушателей примиряюще с постигшими Россию бедствиями.

В 1923 году, когда и артель была упразднена, а бывший монастырь перешел в ведение «Главнауки» и как исторический памятник был переименован в Музей «Оптина пустынь», о. Никон продолжал принимать всех нуждающихся в его духовной помощи: стали собираться не в храме, а, как правило, в больничной кухне, там служили и всенощные. О прозор-

ливости его уже и в это время свидетельствуют его духовные чада. Он говорил всегда прикровенно, часто иносказательно. И только когда событие совершалось, человек понимал, что означали притчи о. Никона. Однажды приехала из Гомеля в гости к своим сестрам — шамординским послушницам — молодая девушка, которой о. Никон предсказал скорое замужество. Так оно и случилось. Выйдя замуж, она снова приехала в Оптину, и о. Никон дал ей пять красивых птичек, вырезанных из открыток, — два птенчика и три пташки. Смысл этого подарка стал понятен, когда гостья из Гомеля родила пятерых детей — двух мальчиков и трех девочек.

В конце июля 1924 года о. Никон был вынужден переехать в Козельск. Перед отъездом он произнес проповедь, в которой высказал те простые правила духовной жизни, следуя которым любой христианин в любом месте может спастись: «Постарайтесь очищать свои души исповедью, иметь добрую нравственность и благочестие, приобретите кротость, смирение, молитву, стяжите любовь... В остальном же во всем, во внешности, предадимся воле Божией, ибо воля Божия всегда благая и совершенная. Ни один волос с головы вашей не спадет без воли Божией...»

В Козельске в Успенском соборе чудесным образом появилась икона Божией Матери «Нечаянная радость», особо чтимая о. Никоном. Он счел это за благословение Божие и часто проводил в этом храме службы. Несмотря на запреты, произносил проповеди, вел духовные беседы, не щадя ни сил, ни здоровья. С немощными делился продуктами, которыми

снабжали его духовные чада. Так провел он в Козельске три года — под негласным надзором ГПУ. Исповедовал прихожан у себя на квартире, что тоже не было секретом. О. Никон более всего заботился о тщательной исповеди приходящих, которых всегда умел расположить к себе, потому что учитывал и возраст, и воспитание, и образование, и характер, и состояние здоровья. Для всех он становился любящим отцом, на мудрое и любвеобильное руководство которого можно положиться. Когда спрашивали о том, не являются ли настоящие времена последними, он неизменно отвечал: «О времени пришествия антихриста никто не знает, как сказано в Евангелии. Но признаки скорого пришествия антихриста уже есть — гонение на веру, и надо ожидать, время приближается, но все нельзя точно сказать. Бывали и раньше времена, когда считали, что антихрист пришел (при Петре Великом), а последствия показали, что мир еще существует. Да и что толку в этом исчислении? Для меня это не важно. Главное, чтобы совесть была чиста, надо твердо держаться веры Православной, заповеди исполнять, надо жизнь проводить нравственную, чтобы быть готовым. Надо пользоваться настоящим временем для исправления и покаяния».

В 1927 году о. Никона арестовали и заключили в Калужскую тюрьму, где он провел в общей камере полгода. Несмотря на оскорбления и издевательства сокамерников, о. Никон не оставлял в молитве своих осиротевших духовных чад. При возможности отправлял им письма на волю.

Отец Никон был осужден на три года в Соловецкий концлагерь. В марте 1928 года этап прибыл в Кемь, сообщение с Соловками было прервано, и ссыльных оставили в пересыльном пункте, где о. Никон по состоянию здоровья был освобожден от тяжелых физических работ и назначен сторожем. Это ли не была милость Божия к старцу! После 8—9 часов нетяжелой работы оставались время и силы, чтобы писать своим чадам — назидать, увещевать и утешать их, как того требует старческое служение. Этих писем ждали как манны Небесной.

После двухлетнего пребывания в концлагере на Поповом острове о. Никона определили на «вольную ссылку» в Архангельск. Перед отправкой заключенных подвергли медицинскому осмотру. Тут обнаружилось, что у 43-летнего старца туберкулез легких в запущенной форме... Ему советовали обратиться в соответствующие инстанции с просьбой о переводе в места с мягким климатом. Но, как всегда, следуя не своей воле, а воле Божией, о. Никон остался. Его отправили в Пинегу, за 200 верст от Архангельска.

За два месяца до смерти преподобного Никона одна из его духовных дочерей, инокиня Ирина (Бобкова), видела сон, поразивший ее своей реальностью. В письме к старцу она описала этот сон. Виделось ей, что преподобный Варсонофий пришел к о. Никону на квартиру в Козельске и стал выносить вещи из комнаты. Когда же взялся и за кровать, она воскликнула: «Батюшка, зачем же вы кровать-то выносите? Ведь отцу Никону негде будет спать». На это старец Варсонофий ответил ей: «Он собирается ко мне, и

ему кровать не нужна. Я ему там свою кровать дам». По благословению о. Никона инокиня Ирина приехала в Пинегу и до самой его кончины самоотверженно ухаживала за тяжело больным, но неунывающим духовным наставником. «Батюшка очень страдал от того, что легкие его сократились и ему нечем было дышать. В трудные минуты он метался, не находил места, то ляжет, то встанет: нечем, говорил, дышать, дайте воздуху, хоть чуточку воздуху! Просил положить на пол. Когда ему становилось легче, он тихо молился: «Господи, помоги, Господи, помилуй!» При повышенной температуре иногда бредил, вспоминал своих духовных детей, приводил их к покаянию, читал каноны, крестил воздух и очень часто вспоминал оптинского старца Макария». Когда он тихо скончался, «лицо его было спокойное, белое, приятное, улыбающееся». На календаре значилось 8 июля 1931 года.

На третий день после кончины состоялись похороны. За краткое время жития преподобного в пинежских лесах его узнали многие из ссыльных как отзывчивого, чуткого, достойнейшего пастыря. Все они в этот день собрались, чтобы дать почившему последнее целование. Одних священнослужителей было 12. Удивительно, что все они за неделю до кончины о. Никона находились на работах в лесу за много километров от своих жилищ. И вдруг были отпущены. Точно Никон преподобный ждал их возвращения и не умирал. Точно на погребение его они были отпущены.

«Преподобный Феодор Студит, сам бывший в

ссылке, ликует и радуется за умирающих в ссылке» — это строчка из последнего письма смертельно больного 44-летнего старца оптинского Никона, который причислен к лику православных святых в чине исповедника, другими словами, мученика, претерпевшего жестокие испытания за Христову веру, однако мирно скончавшегося после перенесенных страданий.

Преподобный Исаакий, священномученик

В эпоху духовного и материального процветания Оптиной пустыни, продолжавшегося около ста лет до революции, помимо тех старцев, о которых рассказано в этой книге, существовали и другие, не столь заметные, однако имевшие благодатные дары рассуждения и прозорливости. Но наша повесть о тех 14 преподобных оптинских отцах, которые более других потрудились в старческом служении своему отечеству и сподобились быть причисленными к лику святых Православной Церкви. Дни их памяти ныне включены в общий круг годового богослужения.

Многие из преподобных оптинских старцев предвидели «гнев, на ныдвижимый», скорбели о том, но воспринимали его как справедливый суд Божий. Ныне, когда еще не успокоилось житейское море России и старцы нынешние скрыты от масс народа, все же нет повода к унынию: преподобные оптинские старцы предстоят престолу Божию и молят Господа

о России и о каждом, кто прибегает к их святой помощи.

Последний настоятель Оптиной пустыни священномученик Исаакий был старцем по древнему обычаю, когда игумен монастыря совмещал начальническое и старческое служение, будучи, как муж в семье, главой и отцом. Именно за это он и пострадал, приняв мученический венец от безбожной власти в 1938 году. Сбылось слово оптинского блаженного Василия. Преподобный Нектарий рассказывал, как появился в монастыре будущий архимандрит Исаакий: «Блаженный Василий привел его к батюшке Амвросию, говоря:

— Поклонитесь в ножки ему, это будет последний оптинский архимандрит, — а самому юноше сказал: — Тебя казнят».

По дороге в трапезную блаженный Василий призывал богомольцев: «Поклонитесь последнему оптинскому архимандриту...»

Благочестивый юноша Иван Бобриков (так звался в миру о. Исаакий) поступил в Оптину в 1884 году в возрасте 19 лет. В выборе этого пути много помог пример его глубокопочитаемого родителя, который уже монашествовал в Оптиной и закончил свои дни схимником Николаем.

Путь послушничества Ивана был долгим, только через 13 лет он вошел в число оптинской братии, а еще через два года, в 1899 году, был пострижен в мантию с именем Исаакий. На откровение помыслов он ходил к старцу Иосифу. Когда монаха Исаакия посвятили в священнический сан, тогда же, по послу-

шанию, он стал уставщиком обители, наблюдавшим за правильным чинопоследованием церковных служб. Для этого пришлось внимательно изучить устав.

После кончины родителя, тихо и незаметно проведшего свою иноческую жизнь в монастыре, сын часто ходил на его могилу, и духовная связь между ними не прерывалась. Однажды о. Исаакий в чем-то не поладил со скитоначальником о. Феодосием, возникло между ними легкое неудовольствие. Спустя некоторое время о. Феодосий пришел к нему и рассказал, что видел во сне схимонаха Николая, который грозился на них с о. Исаакием. Задумался о. Исаакий, когда услышал рассказ. Потом тихо произнес единственное слово: «Чует!..» Мир после этого был восстановлен и больше никогда не нарушался.

В 1914 году на место почившего настоятеля о. Ксенофонта оптинская братия единодушно избрала смиренного и рассудительного о. Исаакия. Вскоре он был возведен в сан игумена, затем архимандрита. Не знаменательно ли, что старческий крест Господь возложил на своего избранника в несчастный для России год — начала первой мировой войны, которая по злому умыслу врагов отечества превратилась из империалистической в гражданскую. Крест сей становился все тяжелее: сначала война, потом революция, разруха и гонение на Церковь.

«По своей примерной, истинно монашеской жизни он был вполне достоин занять столь высокий пост, — вспоминала шамординская монахиня Мария (Добромыслова). — Очень большого роста, внушительной и благолепной наружности, он был прост как

дитя и в то же время мудр духовной мудростью». В условиях начавшейся войны монастырю был нужен именно такой духоносный пастырь — с несокрушимой верой, великой мудростью и всепрощающей любовью. Восприняв дар старчества непосредственно от великих оптинских старцев, игумен Исаакий стал достойным продолжателем их делания — молясь и трудясь.

Архимандрит Исаакий, внимательный к огромному хозяйству монастыря, все дела вел соотносясь с Евангельскими заповедями, за внешними обстоятельствами прежде всего видел души людей с их слабостями и немощами и заботился о спасении их. Ярким примером служит собственноручная записка игумена, выданная им незаконному порубщику леса, в которой говорится, что виновный крестьянин «за свой проступок — покражу дерева с Макеевской дачи пустыни — на сей раз прощается, так как просит прощения и обещает более не делать».

Ректор Тверской семинарии, будущий митрополит Вениамин (Федченков), вспоминал об о. Исаакии: «Он перед служением литургии в праздники всегда исповедовался духовнику. Один ученый монах, впоследствии известный митрополит, спросил его: зачем он это делает и в чем ему каяться? Какие у него могут быть грехи? На это отец архимандрит ответил сравнением: «Вот оставьте этот стол на неделю в комнате с закрытыми окнами и запертой дверью. Потом придите и проведите пальцем по нему. И останется на столе чистая полоса, а на пальце — пыль, которую и не замечаешь даже в воздухе. Так

и грехи: большие или малые, но они накапливаются непрерывно. И от них следует очищаться покаянием и исповедью».

За год до революции последний раз Оптину посетили представители дома Романовых — великий князь Дмитрий Константинович и княгиня Татьяна Константиновна. Как всегда торжественно встречала обитель царственных паломников, служил литургию настоятель Исаакий.

К концу 1916 года в монастыре уже чувствовался недостаток в жизненно необходимых вещах, однако это не стало поводом для отказа в помощи пострадавшим от войны. До минимума были сокращены собственные потребности, но беженцам из Польши и Белоруссии была отдана одна из гостиниц, для больных тифом — больничный корпус, затем еще гостиница — для приюта осиротевшим детям.

В 1918 году был издан декрет Совнаркома об отделении Церкви от государства. Это означало и закрытие Оптиной как монастыря. И только благодаря практической сметливости и духовной мудрости оптинского настоятеля Исаакия обитель кое-как еще оставалась жива под видом сельскохозяйственной артели. Многие отчаявшиеся, потерявшие родных и близких, обездоленные люди нашли здесь бескорыстную помощь. В этой неописуемой сумятице настоятель никогда не позволял себе суетиться: он полагался во всем на Бога.

Драгоценным духовным сокровищем Оптиной на протяжении последних ста лет было старчество. Сколько мог, берег это сокровище и о. Исаакий: в

скиту еще принимали два старца — Анатолий (Младший) и Нектарий. Более всего за эту духовную помощь народу от духоносных старцев терпели от советской власти монахи во главе со своим настоятелем. Аресты и высылки не прекращались.

Первый раз о. Исаакия арестовали в 1919 году и поместили в Козельскую тюрьму, однако через некоторое время отпустили. В 1923 году настоятель вновь был заключен под стражу. В тюрьму была превращена монастырская хлебня с ее кельями. После второго освобождения о. Исаакию было запрещено ведение монастырских дел и приказано немедленно покинуть обитель вместе со всей старшей братией.

Изгнанные монахи расселились по квартирам в Козельске и пытались продолжать монастырскую жизнь, относясь к о. Исаакию как к своему настоятелю, испрашивая у него благословения и духовных советов. В Козельске еще оставался действующим Георгиевский храм. Чудесным образом так устроилось, что все должности в нем заняли оптинские иноки. Бывший оптинский благочинный и уставщик о. Феодот создал небольшой хор из живущих в Козельске монахов во главе с самим настоятелем Исаакием. Жителям нравилось служение по монастырскому уставу, и Георгиевский храм всегда был полон прихожан.

Сосредоточение в Козельске монахов и инокинь из упраздненных монастырей обратило на себя внимание властей, которые шаг за шагом целенаправленно подкапывались под народные святыни и уничтожали цвет монашества и священства. В 1929 году в

Козельске были закрыты 7 храмов одновременно — кроме Благовещенской церкви. Большинство иеромонахов было отправлено в ссылку. О. Исаакий по благословению Калужского епископа в эти годы радел о том, чтобы достойных монахов и иеродиаконов посвящать в священномонахов, дабы отправлять их в приходы, чтобы не прекращалось служение в сельских храмах.

Из оптинцев в Козельске осталось всего несколько престарелых и молодых монахов, продолжала свою подвижническую жизнь небольшая община сестер. Все они окормлялись у своего старца — настоятеля Исаакия — до его третьего ареста в 1929 году. В 1930-м он был снова освобожден и отправлен в Белев Тульской области. В это время там собралось множество монашествующих из закрытых монастырей Тульской и Калужской епархий. Все тяжести изгнания разделил со своей паствой и настоятель Оптиной пустыни. К нему в Белев приезжали его духовные чада. Но вот в 1932 году снова арест и осуждение «за незаконную валютную операцию», ибо о. Исаакий был арестован при покупке иконы. Снова тюрьма. После пяти месяцев заключения власти предложили 67-летнему архимандриту покинуть Белев. Он знал о тысячах мученических смертей своих собратьев по вере, но твердо решил до конца оставаться верным своей участи: «От креста своего не побегу».

1937 год, запомнившийся миллионами казней, был на исходе. Но в самом конце его архимандрит Исаакий был опять арестован вместе с Белевским

епископом Никитой, четырьмя священниками, одиннадцатью монашествующими и тремя мирянами. Владыке Никите, как старшему, было предъявлено обвинение в том, что он, «являясь организатором и руководителем подпольного монастыря, систематически давал установку монашествующему элементу и духовенству о проповеди контрреволюционной деятельности среди населения и распространении явно провокационных слухов о сошествии на землю антихриста, приближающейся войне и гибели существующего советского строя». Мучители добивались от арестованных признания в предъявленных ложных обвинениях. Но поскольку они молчали, как Иисус перед Пилатом, то заключенных подвергли жестоким пыткам. Пять человек не выдержали и подписали протоколы, подтверждающие их «контрреволюционную деятельность». О. Исаакий на все отвечал: «В состав подпольного монастыря не входил, антисоветской деятельностью не занимался». В душе же молился за врагов, ибо «не ведали, что творят». Из Белева обвиняемых перевели в Тулу. 30 декабря 1937 года «тройка» вынесла всем приговор — расстрел. 8 января 1938 года на Собор Пресвятой Богородицы приговор был приведен в исполнение.

В Тесницких лагерях под Тулой, на 162-м километре Симферопольского шоссе, в лесу тайно были похоронены тела новомучеников. Верующие люди знали и всегда чтили это святое место.

65 лет стояла в поругании благословенная Оптина пустынь. Никто из ее насельников в страшные годы не отверг мученического креста, ибо все имели в

сердце слова, подобные сказанным одним из последних старцев — Анатолием (Младшим): «Бойся Господа, сын мой, бойся потерять уготованный венец, быть отвергнутым от Христа во тьму кромешную и муку вечную, мужественно стой в вере и, если нужно, с радостью терпи изгнания и другие скорби, ибо с тобой будет Господь... и святые мученики и исповедники, они с радостью будут взирать и на твой подвиг. Но горе будет в те дни монахам, которые обязались имуществом и богатством и ради любви к покою готовы подчиняться еретикам. Они будут усыплять свою совесть, говоря: «Мы сохраним и спасем обитель, и Господь нас простит». Несчастные и ослепленные совсем не помышляют о том, что с ересью войдут в обитель бесы, и будет она тогда уже не святой обителью, а простыми стенами, откуда отступит благодать...»

Молитвами преподобных старцев Оптина пустынь снова возрождается. Еще не все разорительные ураганы пронеслись над страной, но Оптина уже излучает святость во все Российские пределы. Есть надежда на возрождение старчества, как и предсказано преподобным Нектарием, и в обители будет еще семь светильников.

В мирные годы появились в монастыре новые мученики за веру: пасхальная утреня 1993 года унесла жизни трех молодых монахов, погибших от руки сатаниста. Они приняли добровольно свой венец, находясь на послушании. Могилы их находятся за восстановленным Владимирским храмом. К ним тянутся паломники, и рассказывают уже об исцелениях, случив-

шихся по молитве к убиенным. Мощи четырнадцати святых старцев лежат в главном Казанском храме. Восстановлено книгопечатание, налажена паломническая служба. Правда, в скит еще разрешено заходить женщинам-экскурсанткам. Не восстановить тайны «клинописи» посаженных старцем Макарием сосен — они уничтожены. Но воля Божия к существованию монастыря выражена явно: ровно через год после долгожданного открытия замироточила икона преподобного Амвросия Оптинского. Рассказывают о других чудесах по молитвам к старцам оптинским. И, во всяком случае, не затерялась в смутном времени молитва оптинских старцев, которая все более и более приобретает святую известность:

Господи, дай мне с душевным спокойствием встретить все, что принесет мне наступающий день. Дай мне всецело предаться воле Твоей святой. На всякий час сего дня во всем наставь и поддержи меня. Какие бы я ни получил известия в течение дня, научи меня принять их со спокойной душой и твердым убеждением, что на все святая воля Твоя. Во всех словах и делах моих руководи моими мыслями и чувствами. Во всех непредвиденных случаях не дай мне забыть, что все ниспослано Тобой! Научи меня прямо и разумно действовать с каждым членом семьи моей, никого не смущая и не огорчая. Господи, дай мне силу перенести утомление наступающего дня. Руководи моей волей и научи меня каяться, молиться, верить, надеяться, терпеть, прощать, благодарить и любить всех. Аминь.

Содержание

стр. 43, 86, 150 150, 178

Научно-популярное издание

Горбачева Наталья Борисовна

Оптинские старцы

Редактор *И.Д. Шалаева*
Художественный редактор *О.Н. Адаскина*
Компьютерный дизайн: *Ю.Ю. Миронова*
Технический редактор *Н.В. Сидорова*
Корректор *И.И. Попова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 08.06.99.
Формат 84×108 $^{1}/_{32}$. Бумага типографская. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 10,92. Тираж 10 000 экз. Заказ 1529.

Налоговая льгота — общероссийский классификатор продукции ОК-00-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

Гигиенический сертификат
№ 77.ЦС.01.952.П.01659.Т.98 от 01.09.98 г.

ООО "Фирма "Издательство АСТ"
ЛР № 066236 от 22.12.98.
366720, РФ, Республика Ингушетия,
г.Назрань, ул.Московская, 13а
Наши электронные адреса:
WWW.AST.RU
E-mail: astpub@aha.ru

"Олимп"
Изд. лиц. ЛР № 070190 от 25.10.96.
123007, Москва, а/я 92
E-mail: olimpus@dol. ru

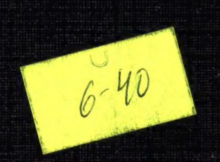
При участии ООО «Харвест». Лицензия ЛВ № 32 от 27.08.97.
220013, Минск, ул. Я. Коласа, 35—305.

Отпечатано с готовых диапозитивов заказчика
в типографии издательства «Белорусский Дом печати».
220013, Минск, пр. Ф. Скорины, 79.

Они приняли подвижнический путь, ведомые Господом.

Их называли старцами Оптиной пустыни — но чаще «святыми старцами». Сила их была силою Света, силою Бога. Они провидели людские судьбы и исцеляли недуги тела и духа. Им было ведомо грядущее, ими предсказаны были Октябрьская революция и мученическая кончина последнего российского императора и его семьи.

О самых прославленных из старцев Оптиной пустыни повествует эта книга...

ISBN 5-237-02895-0
9 785237 028959

